

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ «НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ
РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ»

На правах рукописи

Семушенкова Анастасия Сергеевна

**Роль некоммерческих организаций в социально-политическом про-
странстве региона (на примере Республики Мордовия)**

Научная специальность

5.5.2. – Политические институты, процессы, технологии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук, доцент
Бахлов Игорь Владимирович

Саранск, 2022

Оглавление

Введение.....	2
Глава 1. Теоретико-методологические аспекты исследования политического участия некоммерческих организаций.....	24
1.1. Гражданское общество, некоммерческий сектор, публичная сфера: определение и соотношение понятий.....	24
1.2. Трансформация политического участия институтов гражданского общества в российском политическом процессе.....	47
1.3. НКО как институт гражданского общества в современных российских условиях: специфика, проблемы и перспективы развития	64
Глава 2. Место и роль НКО в региональном политическом процессе (на примере Республики Мордовия).....	101
2.1. Состояние некоммерческого сектора Республики Мордовия.....	101
2.2. Проектная активность некоммерческого сектора Мордовии: формы и механизмы участия в региональном политическом процессе.....	111
2.3. Проблемы и потенциал участия некоммерческого сектора в принятии и реализации политических решений в Республике Мордовия.....	131
Заключение.....	151
Список использованных источников и литературы	160
Список публикаций соискателя по теме диссертации.....	189
Приложение А.....	192

Введение

Роль и место некоммерческого сектора (НКО) в России в последнее время стало предметом широких обсуждений. Специалисты, проводящие лонгитюдные исследования в данной области, отмечают, что его развитие можно сравнить «с полетом в космос» – такое преобразование претерпел общественный институт. Тема актуализировалась в связи с возросшим спросом на услуги НКО на фоне общероссийских и мировых событий, которые потребовали широкого участия внеадминистративных структур. В частности, это наиболее заметно на примере организации спортивных и культурных мероприятий в России (XXII Олимпийские зимние игры в Сочи в 2014 г., Чемпионат мира по футболу в 2018 г. и пр.), и, что более интересно, в условиях реагирования страны на катастрофы, стихийные бедствия и теракты. К слову, некоммерческие организации активно включились в борьбу России с пандемией коронавируса. Помимо этого, все чаще можно слышать про присутствие некоммерческих структур в разрешении проблем обеспечения инклюзивной среды для инвалидов, отстаивания прав граждан, защиты окружающей среды, оказания помощи гражданам, попавшим в тяжелую жизненную ситуацию, организации социальной реабилитации и адаптации т.д.

Пространство – это и богатство, и проблема России. Насколько развита социально-экономическая асимметрия территорий российского государства, настолько неоднородна структура ресурсов его некоммерческого сектора.

С разной степенью интенсивности регионы включены в процесс подтягивания своей некоммерческой сферы до уровня хедлайнеров. Например, уже несколько лет подряд Министерство экономического развития Российской Федерации (РФ) публикует наиболее рейтинг субъектов РФ по поддержке СО НКО. Фактически он фиксирует разнообразие позиций региональных властных элит относительно значимости развития некоммерческого сектора на местах. Итоговое количество рейтинговых баллов по регионам России ва-

рывается от 44,63 (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра) до 7,31 (Чукотский автономный округ). Безусловно, здесь важно понимать, как образуются те или иные цифры, как они влияют на функционирование некоммерческого сектора (если влияют), каково самочувствие НКО в условиях того или иного регионального пространства.

Мордовия – регион, который также образует уникальное пространство деятельности, отношений и связей между людьми и их объединениями. По многим критериям социально-экономической и общественно-политической жизни она демонстрирует среднеуровневые показатели. Являясь небольшой аграрной республикой со слабо развитой инновационной промышленностью, она испытывает наиболее распространённые для большинства регионов России проблемы развития.

В Мордовии сложилась непростая ситуация с некоммерческим сектором. С одной стороны, гражданское лидерство представлено здесь фрагментарно и несистемно. Оно слабо включено в жизнь социума. С другой стороны, регион имеет свои точки роста. НКО постепенно накапливают свой потенциал. Ситуацию осложняет специфика регионального политического процесса, для которой присущи закрытый характер принятия политико-управленческих решений; высокий уровень присутствия неформального ресурса влияния; отсутствие оппонирования и оппозиции у действующего руководства региона; сращивание экономической и политической элиты и пр.

В раскрытии специфики политических и социально-экономических компонент развития республики обнаруживается взаимосвязь между этими характеристиками и динамикой продвижения лидерского капитала на внутрирегиональной арене.

Оставаясь политически приемлемым и общественно востребованным, некоммерческий сектор активно развивается и модифицируется под влиянием требований общественно-политической системы страны и каждого конкретного региона. Очевидно, что гражданское лидерство имеет существен-

ный потенциал, необходимый для трансформации региональных пространств. Его изучение может значительно расширить понимание общественных опор и драйверов социально-политических перемен.

Объект исследования – некоммерческий сектор.

Предмет исследования – составляющие статусно-ролевых характеристик (ресурса) некоммерческих организаций Республики Мордовия, их значение в социально-политических трансформациях в условиях регионального пространства.

Цель диссертационной работы – анализ состояния и перспектив развития некоммерческого сектора, выяснение его роли в социально-политическом пространстве Республики Мордовия.

Для реализации цели были постановлены и решены **следующие задачи**:

1. Адаптировать подходы по проблематике развития некоммерческого сектора, рассмотреть этапы трансформации и проблемы участия институтов гражданского общества в российском политическом процессе.
2. Выявить основные этапы трансформации роли некоммерческих организаций в России.
3. Определить составляющие ресурсного обеспечения некоммерческого сектора в условиях современных внутрирегиональных пространств.
4. Рассмотреть кейс состояния некоммерческого сектора в Республике Мордовия.
5. Проанализировать содержание и факторные свойства взаимодействия по линии власть – некоммерческий сектор в региональном политическом процессе.
6. Раскрыть роль некоммерческого сектора Республики Мордовия в социально-политических трансформациях региона на основании эмпирических данных.

Гипотеза диссертационного исследования.

Н1: Некоммерческие организации являются одним из институтов гражданского общества России, реализующих свой потенциал в условиях специфической политической среды РФ. НКО включены в процесс социально-политических трансформаций страны, однако, сталкиваясь с проблемой наращивания собственной субъектности, ограничены в наборе инструментов влияния на политические решения.

Н2: Дислокация НКО определяет дизайн ее строения, вероятность выживания и созревания. Появившаяся в конкретном региональном пространстве организация приспосабливается под его настройки и генерируется с изменением запроса на социально-политические трансформации.

Н3: В Республике Мордовия НКО является мало востребованным институтом трансформации социально-политического пространства. Низкая ресурсообеспеченность некоммерческого сектора региона усложняет наращивание его потенциала. Наблюдается дефицит легальных (юридически оформленных) и легитимных (имеющих позитивный или нейтральный имидж) «баз», пригодных для реализации гражданских инициатив. Особенно данная тенденция характерна для муниципальных районов республики.

Теоретико-практическая значимость исследования. Результаты исследования конкретизируют научные представления о потенциале участия некоммерческого сектора как стейкхолдера социально-политического пространства регионов, их статусно-ролевых характеристиках, роли в региональных трансформации.

Они могут найти практическое применение в решении задач формирования стратегии социально-экономического развития региона, улучшения внутренней социальной инфраструктуры региона, снижения общественной напряженности.

Соответствие диссертации Паспорту научной специальности ВАК. Диссертационное исследование соответствует специальности ВАК 5.5.2. По-

литические институты, процессы, технологии, а именно следующим пунктам Паспорта специальности:

7. Гражданское общество: тенденции эволюции, перспективы развития и национальные модели.

11. Региональное измерение политики и политического управления.

14. Политический процесс: сущность, источники, структура, социальные основания и средовые факторы.

17. Политические изменения и развитие. Политические реформы и революции.

20. Механизмы и технологии управления политическими изменениями.

28. Политическая идентичность: сущность, типы, структура. Механизмы политической идентификации личности и социальных групп.

Научная новизна работы.

1. Выделены специфические социальные функции современных российских НКО, связанные с процессом трансформации общества.

2. Исследованы динамика, тенденции развития, взаимоотношения с органами власти некоммерческих организаций России.

3. Установлена взаимосвязь характеристик и качеств общественно-политической жизни региональных пространств и их некоммерческого капитала. Это позволяет детализировать и фрагментировать общественные практики, выявить драйверы развития российских региональных пространств.

4. Перенесен исследовательский акцент с описания проблем некоммерческого сектора на изучение роли его потенциала во внутрирегиональном пространстве.

5. Проанализировано мнение экспертов относительно роли некоммерческих организаций в Республике Мордовии.

6. Продиагностирован потенциал общественного ресурса, оценена его роль в социально-политических трансформациях современных российских региональных пространств.

7. Определены основные факторы, влияющие на становление и развитие некоммерческого сектора в Республике Мордовия. Среди которых: закрытый характер принятия политико-управленческих решений; высокий уровень присутствия неформального ресурса влияния; отсутствие оппонирования и оппозиции у действующего руководства региона; сращивание экономической и политической элиты и пр. Зафиксирована готовность представителей третьего сектора работать даже в условиях сложной, специфической и ограниченной среды.

8. Анализу подверглась некоммерческая сфера Республики Мордовия с целью определения ее статусно-ролевого потенциала. На основании эмпирического исследования сделаны выводы о ресурсе количества, разнообразия, влияния, общественной поддержки, наполняемости бюджетов, компетенций, солидарности.

Хронологические рамки исследования включают последний современный период институционализации некоммерческого сектора Российской Федерации. Частично рассматривается время зарождения прообраза современной модели функционирования некоммерческого сектора, которое автор относит к принятию закона СССР «Об общественных объединениях» (октябрь 1990 г.).

Также частично освещается дореволюционный и советский периоды, которые позволяют проследить трансформацию политического участия институтов гражданского общества в российском политическом процессе.

В рамках первого можно выделить время правления Ивана Грозного (общественное попечительство бедных на средства самого населения), Федора Алексеевича, Петра I (начало государственного финансирования благотворительности), Екатерины II (создание альтернативных церковным источников помощи), Павла I (создание «Ведомства учреждений императрицы Марии» (ВУИМ)) и пр.

Советский этап был связан с активизацией и актуализацией добровольных низовых ассоциаций. Последний тренд пришелся на начало 80 гг. XX века.

Теоретико-методологические основы исследования.

1. Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, в частности, подход, позволяющий признавать ядром внутререгионального пространства ассоциации, которые находятся вне государства и вне экономики. Они дают возможность управлять самостоятельно, без использования функционала системы.

2. Концепция «модульности человека» Э. Геллнера, раскрывающая амбивалентное свойство человека существовать между индивидуализмом и «изменяющихся союзов и мнений», в рамках ассоциированности, которая поможет рассмотреть лидеров общественной сферы как личность, с одной стороны, как инициатора «договора» добровольной ассоциации, с другой стороны.

3. Корреляция зависимости между качеством развития территории и численностью гражданских организаций, включающая «историю объединений», выявленная Р. Патнэмом. Она является одним из инструментов анализа взаимосвязи характеристик и качеств общественно-политической жизни изучаемых пространств и их лидерского капитала.

4. Концепция (сетевых) общественных движений М. Кастельса. Она служит методологическим основанием интегрирования неформального блока некоммерческой сектора в общую систему общественной сферы региональных пространств, а также позволяет рассматривать эту часть стейкхолдеров как разношерстных, скоординированных, гибких в выражении своей социальности, необязательных в части выполнения решений и пр. субъектов;

5. Методология сложной психологической структуры образов лидеров Е. Б. Шестопаля, в т. ч. применяемый ей подход включения в системный анализ лидерства структуры и функционала, а также состояния актуальных ха-

рактик окружающей среды, который позволяет провести общую дискрипцию лидерского капитала и свойств региональных пространств.

6. Концепции и подходы в этиологии, разработанные А. В. Дукой и его учениками, связанные с вопросами эволюции и функционирования властных групп в России. Они позволяют соотнести развитие лидерского капитала общественной сферы с общей динамикой процессов элитообразования, а также оценить взаимовлияние элитных групп и гражданского общества.

Прикладными методами политологического анализа явились:

1. Экспертный опрос – с целью фрагментации и детализации некоммерческого сектора Республики Мордовия, выявления и анализа проблем функционирования НКО в Республике Мордовия.

2. Интернет-мониторинг социальных сетей, тематических блогов, форумов, СМИ с целью 1) детализации общественных практик изучаемого регионального пространства; 2) выявления реальных стейкхолдеров некоммерческой сферы; 3) анализа активности субъектов некоммерческой сферы (системная проработка социальной сети vk.com, официальной системы подачи грантовых заявок Фонда президентских грантов и пр.).

Эмпирическую базу диссертационной работы составляют результаты экспертного опроса «Место и роль некоммерческих организаций в региональных пространствах России», проведенного в январе-марте 2020 г. В опросе приняли участие 3 группы экспертов. Первая группа (25 %) – политологи и социологи, являющиеся признанными специалистами Мордовии в области гражданского лидерства, развития гражданского общества и гражданской идентичности. Во вторую группу (25 %) вошли представители профильных органов власти, которые в рамках выполнения своих профессиональных функций взаимодействуют с третьим сектором региона (Управление Минюста России по Республике Мордовия, Администрация Главы Республики Мордовия, Министерство образования Республики Мордовия, Ми-

нистерство социальной защиты, труда и занятости населения Республики Мордовия и пр.).

Большая часть участников опроса – наиболее опытные и авторитетные руководители и сотрудники некоммерческих организаций республики, представляющие разнообразные социально значимые направления общественной деятельности. Они составили третью группу экспертов (50 %). Всего на вопросы анкеты ответили 58 специалистов. Полученные данные были обработаны с помощью статистического программного обеспечения «SPSS Statistics».

Помимо этого, были проанализированы рабочая документация и материалы Ресурсного центра Республики Мордовия «Инфорум для НКО», на базе которого организованы индивидуальные консультации и образовательные программы для граждан, занятых в некоммерческом секторе, в т. ч. в муниципальных районах и сельской местности. В рамках работы ресурсников накоплена ценная информация, способная дать представление о количественных и качественных характеристиках некоммерческого сектора в регионе.

Полученные данные были дополнены результатами интернет-мониторинга социальных сетей, тематических блогов, форумов, СМИ (не менее 25 исследовательских параметров, не менее 35 интернет-локусов, хронологические рамки 2017-2020 гг.). Анализировались сайты и профили НКО в социальных сетях, их стратегии продвижения в информационном пространстве. Также была осуществлена проработка проектной активности местных НКО на конкурсах Фонда президентских грантов. Изучался весь массив данных о некоммерческих практиках мордовских организаций за 5 последних лет, содержащийся в официальной системе ФПГ.

Примененные концепции и методы в совокупности позволили реализовать цель и задачи исследования – продиагностировать некоммерческую сферу Мордовии, определить составляющие статусно-ролевых характеристик

(ресурса) НКО, выявить их значение в социально-политических трансформациях в условиях регионального пространства.

Уровень научной разработанности темы. На современном этапе растет актуальность форм гражданского лидерства как механизма создания общественных и социальных благ. Опыт изучения понятия накоплен учеными различных стран. Зарубежные коллеги довольно давно обратили внимание на полезный «феномен» и начали теоретически обосновывать его существование и развитие на практике.

Гражданское общество, ассоциированность и публичность явились категориями, на основе которых началась концептуализация гражданского лидерства. Среди основоположников теории можно назвать А. де Токвиля, Х. Арндт, Ю. Хабермаса¹. Они выдвигали на передний план гражданское участие, отмечали множественность сообществ публичной сферы.

Впоследствии появляется понятие «инфраструктура свободы» и начинают тщательно анализироваться все его составные элементы. Большой вклад в изучение тематики внесли А. Арато и Дж. Коэн, Э. Внук-Липиньский, Р. Патнэм, Р. Наннети, Р. Леонарди и др.²

Существенные изменения в коллективных действиях наметились с активизацией процессов компьютеризации и виртуализации. Ассоциации людей вне границ государства и вне общественных институтов получили возможность посредством интернета заявлять о себе и отстаивать свои права. Оценивая новый тренд М. Кастельс первый рассматривает его антитезу – низкий уровень обязательств, крайний плюрализм, разложение обществен-

¹ Арндт Х. Vita Activa или о деятельной жизни. URL: <http://www.fedy-diary.ru/html/012013/02012013-04a.html>; Токвиль А. де Демократия в Америке. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Tokville_Democracy_1.pdf; Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М.: Весь мир, 2003. – 416 с.

² Arato A. Civil Society and Political Theory – Cambridge: MIT Press, 1994. – 771 с.; Арато Э. Концепция гражданского общества: восхождение, упадок и воссоздание - и направления для дальнейших исследований // Полис. Политические исследования. – 1995. – №3. – С. 48–57; Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии. – М.: Ad Marginem, 1996. – 288 с. URL: https://edu.kpfu.ru/pluginfile.php/113782/mod_resource/content/1/R_Patnem_-_Chtoby_demokratia_srabotala.pdf; Внук-Липиньский Э. Социология публичной жизни. – Москва : Мысль, 2012. – 536 с.

ных институтов и др.³ Фактически с выхода работ М. Кастельса начинается переосмысление лидерства как феномена сферы управления. С одной стороны, ряд ученых говорит о том, что формы сетевой организации несут с собой переформатирование лидерства. Оно перестает быть персонифицированным, личностным. На передний план выходит сообщество, где каждый член может дистанцироваться или перемещаться на авансцену в зависимости от наличия тех или иных компетенций, занятости, мотивации и пр.⁴ С другой стороны, в тренде оценка лидерского потенциала в тех областях, которые ранее оставались в тени «классических», на пересечении политического, управленческого и коммерческого⁵.

Р. Хамблтон называет эти пространства инновационными зонами или зонами конфликта. Здесь ставятся под сомнение привычные подходы и принципы управления. Источником появления новых механизмов деятельности является интеллектуальный риск. Он позволяет исследовать новое, творческое, инновационное⁶. Данный феномен закрепился в категории «мышление нового гражданского лидерства»⁷. Подобную характеристику присваивают лидерам, которые выступают первопроходцами общественной сферы (в прогрессивной форме).

Функционал лидеров детализируется в рамках концепции Ч. Брукса и Н. Вильямса, в которой гражданскому лидерству отводится весьма специфическая роль. По мнению ученых, оно призвано стыковать государственные,

³ Castells M. *Communication Power*. – USA: Oxford University Press, 2009; Slavina A., Brym R. Demonstrating in the internet age: a test of Castells' theory // *Social Movement Studies*. – 2020. – Vol. 19. DOI: 10.1080/14742837.2019.1627866.

⁴ Bakardjieva M., Felt M., Dumitrica D. The mediatization of leadership: grassroots digital facilitators as organic intellectuals, sociometric stars and caretakers // *Information, Communication & Society*. – 2018. – Vol. 21. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2018.1434556>.

⁵ Budd L., Sancino A. A Framework for city leadership in multilevel governance settings: the comparative contexts of Italy and the UK // *Regional Studies, Regional Science*. – 2016. – Vol. 3. <https://doi.org/10.1080/21681376.2015.1125306>.

⁶ Hambleton R. Leading the healthy city: taking advantage of the power of place // *Public Money & Management*. – 2014. – Vol. 34. <https://doi.org/10.1080/09540962.2014.945793>.

⁷ Harrow J., Guest M. New development: Institutions, 'new civic leadership' and being 'truly civic' – some tensions in co-production debates // *Public Money & Management*. – 2020. – Vol. 30. <https://doi.org/10.1080/09540962.2020.1718412>.

частные и некоммерческие стратегии. Именно поэтому лидеры-общественники становятся неотъемлемой частью внутрирегионального и внутригородского управленческого процесса (получило название «совместное управление»), и обеспечивают экономическую устойчивость территории⁸.

Для комплексного изучения гражданского лидерства зарубежными коллегами предлагается анализировать три базовых условия: 1) силу места (где, почему, что способствует); 2) ценность вклада лидерства в обеспечение изменений (прежде всего, прогрессивных); 3) роль лидерства в расширении охвата изменений (распространение новаций в обществе)⁹. Лидер, таким образом, воспринимается интегрировано с общественным контекстом. Он помещен внутрь многофакторной системы разворачивания истории его общественной карьеры.

Для анализа ментального поля лидеров общественной сферы Д. Кэмбелл ввел отдельные критерии: метис или разумное знание, ремесло и квалифицированная практика и гражданское мышление. Ученый называет последний чувствительностью в общественной коммуникации¹⁰. По сути, это тот ресурс, который выделяет гражданского лидера из остальных и дает возможность внедрять свой «продукт» в социум.

А. Санцино и Л. Хансон предлагают несколько иную схему анализа гражданского лидерства. По их мнению, лидерскую историю можно детализировать на следующие компоненты: место, цель, личность, должность, процесс и производительность. Однако, их исследовательская парадигма построена исключительно на опыте «умных городов» Европы, Австралии, Северной

⁸ Brooks C., Vorley T., Williams N. The role of civic leadership in fostering economic resilience in City Regions // Policy Studies. – 2016. – Vol. 37. <https://doi.org/10.1080/01442872.2015.1103846>.

⁹ Hambleton R. Leading the healthy city: taking advantage of the power of place // Public Money & Management. – 2014. – Vol. 34. <https://doi.org/10.1080/09540962.2014.945793>.

¹⁰ Campbell D. Metis, craft, civic mindedness: essential attributes of democratic citizenship in communities // Community Development. – 2015. – Vol. 46. <https://doi.org/10.1080/15575330.2015.1023819>.

и Южной Америки, где городская среда, в целом, искусственным образом приведена к образцовой структуре¹¹.

Рассматриваются лидеры и через призму взаимоотношений со своими «последователями». Например, нидерландские ученые в особом качестве таких контактов видят исключительность гражданского лидерства. Общественники способны производить так называемый целевой эффект, и, тем самым, воздействовать на членов сообщества¹². Их коллеги из Университета Ниписсинг заключают пару в диаду «лидер – последователь», подчеркивая взаимозависимость конструкторов в задаче достижения эффективности¹³.

Встречаются размышления об особой гражданской ответственности лидеров общественной сферы. По мнению Дж. М. Лойд это те люди, которые чувствуют личную ответственность за происходящее в обществе. Они работают добровольно и помогают другим, чаще всего, безвозмездно, но при этом все равно несут персональную ответственность за качественные социальные изменения. Таки образом, простейшая форма проявления их ответственности – это оказание общественно значимых услуг¹⁴.

В данной области научных знаний встречаются комплексные прикладные социологические и политологические исследования, которые позволяют проанализировать значимость гражданского лидерства, его развитость на той или иной территории, условия созревания и пр. К сожалению, подобные работы встречаются намного чаще у зарубежных коллег.

К примеру, коллектив политологов во главе с Р. Хансоном и Х. Волманом получили данные о внутригородских факторах развития гражданского

¹¹ Sancino A., Hudson L. Leadership in, of, and for smart cities – case studies from Europe, America, and Australia // *Regional Studies, Regional Science*. – 2016. – Vol. 3. <https://doi.org/10.1080/21681376.2015.1125306>.

¹² Van der Vegt G. S. et al. Heroic or hubristic? A componential approach to the relationship between perceived transformational leadership and leader–member exchanges // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. – 2015. – Vol. 24 (4). DOI: 10.1080/1359432X.2014.958149.

¹³ Muterera J. et al. The Leader – Follower Dyad: The Link Between Leader and Follower Perceptions of Transformational Leadership and Its Impact on Job Satisfaction and Organizational Performance // *International Public Management Journal*. – 2018. – Vol. 21. DOI: 10.1080/10967494.2015.1106993.

¹⁴ Lloyd J. M. Is Civic Responsibility a Purpose for Leadership Development Programs // *Journal of College and Character*. – 2004. – Vol. 5. <https://doi.org/10.2202/1940-1639.1402>.

лидерства 19-ти мегаполисов. Они исследовали институциональную автономию, и пришли к выводу, что решение гражданских управленческих задач максимально коррелирует с ее уровнем¹⁵.

Д. Кэмпбелл дополняет эти выводы. На основе полученных данных ежегодных полевых исследований он уточняет степень зависимости гражданского активизма от интенсивности концентрации власти в корпорациях и государстве. Однако, отмечает, что гражданское лидерство (в особенности на местах) принимает настолько нетрадиционные и прогрессивные формы, что остается живым и подвижным практически в любых ситуациях¹⁶.

Интерес представляет новейшее исследование форм гражданского лидерства в сетевом информационном пространстве. М. Бакарджиева, М. Фелт и др. использовали материалы глубинных интервью, а также результаты наблюдений за событиями гражданской мобилизации разного рода и уровня в Канаде для разработки новой концептуальной основы для понимания роли онлайн-лидеров. Ученые разделили их на «органических интеллектуалов», «социометрических звезд» и «смотрителей». Каждому типу лидерства присваивается собственный функционал, конкретный цифровой и мультимедийной стиль поведения¹⁷.

В целом, в политической науке за рубежом наметился рост исследовательского интереса к гражданскому лидерству. Все чаще ученые выбирают достаточно узкую нишу для анализа, таким образом, включаясь в общую феноменологическую диагностику и дескрипцию проблематики. «Гражданский лидер» выделен в отдельную категорию. Практически не встречается теоретико-методологическое слияние или пересечение с предметной областью по-

¹⁵ Wolman H. et al. Corporate Citizenship and Urban Problem Solving: The Changing Civic Role of Business Leaders in American Cities // *Journal of Urban Affairs*. – 2010. – Vol. 32. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9906.2009.00480.x>.

¹⁶ Campbell D. Metis, craft, civic mindedness: essential attributes of democratic citizenship in communities // *Community Development*. – 2015. – Vol. 46. <https://doi.org/10.1080/15575330.2015.1023819>.

¹⁷ Bakardjieva M., Felt M., Dumitrica D. The mediatization of leadership: grassroots digital facilitators as organic intellectuals, sociometric stars and caretakers // *Information, Communication & Society*. – 2018. – Vol. 21. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2018.1434556>.

литического лидерства. Становится очевидным, что гражданское лидерство начинает трактоваться и как фактор повышения устойчивости территорий, и как новая форма прогрессивного управления, и как неотъемлемая часть общественного потенциала и пр.

Отечественный дискурс, в отличие от концепций зарубежных коллег, в большей степени связан со спецификой российской политической системы. Местные исследователи пытаются разрешить дилемму «ассоциированности без оппонирования». Тематика гражданского лидерства является крайне не исследованной. Политологи и социологи часто ссылаются на тот факт, что в стране не развито гражданское общество, в связи с этим говорить о его лидерах не представляется возможным. Встречается второй вариант концептуализации – «политическое лидерство» и «гражданское лидерство» предлагают считать синонимами.

В частности, И. Н. Гаврилова говорит о двух пагубных привычках обеих сторон политической системы. С одной стороны, население надеется на опеку и поддержку государства, с другой стороны, чиновники не хотят делить груз профессиональных задач. Такие модели поведения вызывают функциональную асимметрию и соответствующие ей проблемы развития¹⁸.

Той же позиции придерживается Р. Э. Бараш. Он обнаруживает корни патологической системы в исторических факторах развития, а именно в том, что гражданский и политический компонент были всегда тесно взаимосвязаны в российском государстве¹⁹.

На нереализованности отношений «власть – общество» в России фокусируется А. Левинсон. Автор указывает на несостоятельность акта общественного договора между гражданами и властью, в результате чего послед-

¹⁸ Гаврилова И. Н. Современные теории социальной справедливости // Полития. – 2009. – №1. DOI: 10.30570/2078-5089-2009-52-1-182-189; Гаврилова И. Н. Проблемы качества управления с позиции гражданского общества: некоторые вопросы к размышлению // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2015. – №5.

¹⁹ Бараш Р. Э. Гражданское общество как пространство свободы // Научная электронная библиотека Гражданское общество в России. М., – 2013.

ние признают политическую субъектность только за собой и исключают гражданскую активность из границ политической жизни общества²⁰.

Интересен подход А. А. Аузана. Он также говорит о проблеме контракта между гражданами и властью. Углубляясь в концепцию колеи государственного развития, автор описывает, как в России раз за разом в различные исторические эпохи был неэффективно реализован общественный договор²¹.

М. А. Молокова видит причину неразвитости гражданского лидерства в «вертикаль потухших глаз» и моноцентричном политическом режиме, который сложился в «нулевых» годах²².

В целом, среди ученых главенствует идея об амбивалентности связи государства и некоммерческого сектора – практически любой современный политический режим имеет собственный набор настроек учета интересов граждан через данный канал коммуникации; в свою очередь, некоммерческие структуры вырабатывают собственные механизмы влияния на власть.

Практически отсутствуют работы о гражданском лидерстве как о самостоятельном феномене. Среди авторов немногочисленных работ можно выделить таких ученых как И. М. Модель и Б. С. Модель. Они исследуют некоммерческую структуру изнутри, определяют, как распределяется «власть». Приходят к выводу, что человеческий фактор определяет историю развития НКО²³.

Гражданское лидерство как ценность и потенцию индивидов, групп и гражданского общества, в целом, предлагает рассматривать П. В. Ведерников. Он выделяет лидеров-общественников в особый тип управления, наде-

²⁰ Левинсон А. Г. и др. Фоторобот российского обывателя // Мир России. Социология. Этнология. – 2009. – №2.

²¹ Аузан А. А. Общественный договор и гражданское общество // Мир России. – 2005. – №3; Auzan A., Satarov G. Institutional Transformation Priorities in Conditions of Economic Modernization // Problems of Economic Transition. – 2013. Vol. 56. DOI: 10.2753/PET1061-1991560202.

²² Молокова М. А. Гражданское общество как фактор политической модернизации: проблемы и вызовы // Теория и практика общественного развития. – 2011. – №5.

²³ Модель И. М., Модель Б. С. Гражданский лидер крупным планом (Социокультурный анализ). Екатеринбург: УрО РАН, 2003; Модель И. М., Модель Б. С. Власть в некоммерческом общественном объединении // Антиномии. – 2004. – №1.

ляет их такими качествами как: стремление к развитию, творческий динамизм, гражданская ответственность, социальное участие и пр. Автор делает существенный акцент на целях и мотивах гражданских лидеров, так как именно в них заключается сущностное содержание деятельности некоммерческого сектора²⁴.

Достаточно редко и фрагментарно тема поднимается в аналитических материалах, основанных на ежегодных прикладных социологических опросах, например, под руководством И. В. Задорина²⁵. Теме развития общественного ресурса посвящают свои исследования Л. И. Якобсон и И. В. Мерсиянова²⁶. Авторы отмечают, что развитие российского некоммерческого сектора можно сравнить «с полетом в космос» – такое преобразование претерпел общественный институт.

Проблематика лидерства, в общем, и образов лидеров в политическом контексте исследует Е. Б. Шестопа. За 20-летие работы ее коллектив накопил внушительный теоретико-методологический материал. С 1993 г. ведутся разнообразные проекты, которые можно определить в русле отдельного направления – политико-психологических исследований. В качестве эмпирического инструментария выступает когнитивное картирование, контент-анализ, глубинные интервью, массовые опросы и пр.²⁷.

Частично тема поднимается в трудах А. В. Дуки и его коллег в рамках проектов «Власть и элиты. Power and elites» (2014), «Российские властные институты и элиты в трансформации» (2011)²⁸, которые стали классически-

²⁴ Ведерников П. В. Гражданское лидерство как объект политологического исследования // Социум и власть. – 2010. – №8.

²⁵ Задорин И. В. Российское общество – 2020: экспертный образ будущего // Полития. – 2016. – №2. DOI: 10.30570/2078-5089-2016-81-2-124-157.

²⁶ Mersianova I. V., Korneeva I. E. The impact of trust on Russians' participation in charities. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. – 2017. – №2. DOI:10.14515/monitoring.2017.2.09.

²⁷ Шестопа Е. Б. Проект длиною в четверть века. Исследование образов власти и лидеров в постсоветской России (1993-2018 гг.) // Полис. Политические исследования. – 2019. – №1. DOI:10.17976/jpps/2019.01.02.

²⁸ Власть и элиты / гл. ред. А. В. Дука. Т. 1. СПб.: Интер социс, 2014; Российские властные институты и элиты в трансформации: Материалы восьмого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Отв. ред. А. В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2011.

ми для политологов и социологов, работающих в рамках тем элитологии и лидерства, политических ценностей. Они основываются на массовых и экспертных опросах, проведенных в различные временные отрезки развития страны в подавляющем большинстве российских регионов. Однако, авторы не выделяют общественников в отдельный пласт лидерства, тем самым оставляя без внимания целую сферу общественно-политической жизни российского внутрирегионального пространства.

В русле исследований российской элитологии также трудятся А. В. Понеделков, А. М. Старостин. В ходе массовых опросов учеными была получена информация о представлениях и знаниях населения о современных лидерах России, на основе которой сделан вывод об устойчивой диспозиции в системе «население – элиты», «власть – население»²⁹.

Выявленная проблема подтверждается данными исследований А. Чириковой и В. Ледяева³⁰. Их эмпирическая база была собрана в 2011-2015 гг. на базах локальных сообществ Пермского края. Авторы выделяют целый ряд проблем, характерных для муниципального уровня России: ограниченность ресурса лидерства в небольших районах; скопление политического ресурса в руках представителей исполнительной власти и крупных бизнес-структур; наличие открытых и закрытых конфликтов в системе местного управления и пр. Сравнительно небольшое внимание уделено лидерам некоммерческой сферы.

Также свои выводы на эмпирическом материале строит В. Д. Бедерсон. Он исследует динамику отношений авторитарных режимов и институтов гражданского общества, а также пытается проследить на российском опыте развитие приспособленческих инструментов гражданских ассоциаций, фак-

²⁹ Понеделков А. В., Старостин А. М. Региональные административно-политические элиты России: прошлое, настоящее, будущее // Полис. Политические исследования. – 2008. – №6.

³⁰ Конфигурация основных акторов в малом российском городе и лидерство: векторы перемен // Власть и элиты. – 2019. – Т. 6. – №1. DOI10.31119/pe.2019.6.1.10.

тически позволяющих им участвовать в поддержке авторитарной стабильности³¹.

И. В. Бахлов, О. В. Бахлова обращают внимание на тот факт, что деятельность НКО, их взаимодействие с властными структурами, между собой, все больше воспринимается как важный институционально-коммуникативный механизм нациестроительства, укрепляющий его гражданский вектор. Авторы отмечают, что в теоретическом и официальном дискурсах выявляются уязвимости, препятствующие этому³².

В. П. Кобыльников, проведя ряд кросс-темпоральных исследований, делает вывод, что с помощью «президентских грантов» удалось вовлечь НКО в конструирование социальных практик наравне с традиционными акторами, что позволило приблизиться к пониманию роли российского некоммерческого сектора на уровне стран Европы, Северной Америки – как агентов идеологии развития сообществ³³.

Отсутствие интереса к теме общественного лидерства не является отдельным процессом, оно сопровождается общим спадом активности в исследовании тематик, связанных с НКО и некоммерческим сектором, в целом. Тогда как распространение получают изыскания в области сетевой публичной политики, политической активности в интернете и пр. Однако, изучение указанного феномена также может значительно расширить понимание общественных опор и драйверов социально-политических трансформаций в обществе, тем более, в условиях ригидных провинциальных пространств развития.

³¹ Бедерсон В. Д. Гражданские ассоциации и политический режим в мировой недемократической практике: между политическим контролем и социальной эффективностью. // Полис. Политические исследования. – 2020. – №2. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.04>.

³² Бахлов О.В., Бахлов И.В. Механизмы нациестроительства и соотношение идентичностей: региональное измерение (опыт республик Марий Эл и Мордовии, 2013-2019 // Финно-угорский мир. – 2020. – № 3. – С. 286-302. DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.03.286-302; Бахлов О. В., Бахлов И. В. Гражданский вектор нациестроительства в современной России: фактор общественных движений // Научный журнал «Дискурс-Пи». – 2020. № 4 (41). – С. 168-185. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10411

³³ Кобыльников В. П. Актуальные проблемы финансовой поддержки некоммерческого сектора региона (на примере предоставления «президентских грантов») // Проблемы развития территории. – 2019. – № 1 (99). – С. 107-120. DOI: 10.15838/ptd.2019.1.99.7

Положения, выносимые на защиту.

1. Система ресурсов некоммерческого сектора – это объемный перечень цифровых показателей, описаний качества жизни НКО, характеристик их структуры и пр. Региональная среда – набор стимулирующих и сдерживающих факторов, возможностей маневрирования, система действий или противодействий для нарастания ресурсного обеспечения. Дислокация определяет дизайн строения, вероятность выживания и созревания НКО. Появившаяся в конкретном региональном пространстве организация приспосабливается под его настройки и генерируется с изменением запроса на социально-политические трансформации.

2. Для каждого регионального пространства ощутимо отсутствие деятельных некоммерческих организаций в любой из социальной ниш. Вместе с проблемами артикуляции общественных интересов диагностируются патологии политического и режимно-ограничительного характера.

3. В нормальной региональной среде для представителей НКО качество проектов и оказываемых услуг приоритетно над любыми другими показателями эффективности некоммерческого сектора. При патологии развития – способность наращивания ресурсного обеспечения. Необходимое условие эффективного функционирования некоммерческого сектора – его беспрепятственное вхождение в решение общезначимых проблем территории. Создание «декорации» гражданской активности ведет к дефектности общественной сферы.

4. Все особенности развития региона сообразно отражаются на развитии его третьего сектора. Позиция представителей власти определяет множество свойств и структуру всего некоммерческого сектора. Региональная специфика – это та база, которая определяет дизайн деятельности некоммерческого сектора. Это доступ к целевым группам, возможность масштабирования деятельности, необходимость расширения специализации, ресурсность и пр.

5. Оставаясь политически приемлемым и общественно востребованным, некоммерческий сектор активно развивается и модифицируется под влиянием требований общественно-политической системы страны и каждого конкретного региона. Очевидно, что гражданское лидерство имеет существенный потенциал, необходимый для трансформации региональных пространств. Его изучение может значительно расширить понимание общественных опор и драйверов социально-политических перемен.

Достоверность результатов исследования обусловлена достаточной фундированностью исследования, использованием обширной источниковой, историографической и эмпирической базы и применением научно обоснованных методов исследования. Источниковая база включает в себя нормативно-правовые акты органов публичной власти различного уровня, документы некоммерческих организаций, затрагивающие рассматриваемую проблематику. Эмпирическая база основана на проведении широкого прикладного политологического исследования, программа которого предполагала проведение экспертного опроса «Место и роль некоммерческих организаций в региональных пространствах России», интернет-мониторинга социальных сетей, тематических блогов, форумов, СМИ (системная проработка социальной сети ВКонтакте, официальной системы подачи грантовых заявок Фонда президентских грантов и пр.), анализа рабочей документации и материалов Ресурсного центра Республики Мордовия «Инфорум для НКО». Работа выполнена с применением комплексного теоретико-методологического инструментария междисциплинарного характера, охватывающего как различные теории и концепции, объясняющие взаимодействие институтов гражданского общества и государства (теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса, концепцию «модульности человека» Э. Геллнера, «историю объединений» Р. Патнэма, концепцию сетевых общественных движений М. Кастельса и др.), так и широкий спектр прикладных методов.

Апробация диссертационного исследования. Основные положения и результаты исследования были представлены в докладах на Всероссийской научно-практической конференции «XII Державинские чтения в Республике Мордовия» (г. Саранск, 2016 г.), Всероссийской научной конференции «Национальная безопасность в современной России: стратегия противодействия экстремизму и терроризму и перспективы преодоления глобальных проблем» (г. Саранск, 2016 г.), XII I Державинские чтения в Республике Мордовия (г. Саранск, 2017 г.), Всероссийской научно–практической конференции «Актуальные проблемы взаимодействия общественности с органами государственной власти и органами местного самоуправления» (г. Казань, 2018 г.), Всероссийской научно-практической конференции «XIV Державинские чтения в Республике Мордовия» (г. Саранск, 2018 г.), Международной научно-практической конференции «Защита прав человека в периоды внешнеполитической напряженности» (г. Казань, 2019 г.).

Отдельные принципиальные положения работы апробировались в ходе участия диссертанта в социально значимом проекте Автономной некоммерческой организации Центр науки, аналитики, образовательных и социальных технологий «Научный ресурс» (проект №21-1-000202, выполняемый при поддержке Фонда президентских грантов).

Структура работы состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы, приложения общим объемом 202 страницы.

Глава 1. Теоретико-методологические аспекты исследования политического участия некоммерческих организаций

1.1 Гражданское общество, некоммерческий сектор, публичная сфера: определение и соотношение понятий

Публичная сфера и пространство функционирования некоммерческого сектора связаны логикой самого существования каждого феномена и их функциональной нагрузкой. Представляя идеальную или специфичную политическую систему, в вопросах определения ее строения ключевыми всегда будут вопросы о возможности/невозможности влиять общества на власть, об открытости/закрытости этих отношений. Публичный интерес, публичная политика, гражданское общество, некоммерческий сектор наполняются содержанием жизнедеятельности людей, обуславливают характер взаимодействия по линии «власть – общество» и влияют на развитость политических структур. И если это объединяющий методологический постулат, то вопрос о разграничении самих категорий остается до сих пор открытым.

Рассуждая над дефинициями каждого понятия, в рамках выбранной цели исследования целесообразно придерживаться следующих вопросов:

во-первых, какую роль ученые отводят НКО в жизни гражданского общества;

во-вторых, в какой взаимосвязи находятся категории «публичная сфера» и «некоммерческий сектор», существует ли одна без другой.

При этом стоит оговориться, что опорным в работе выступит именно термин «некоммерческая организация», в теоретическом поле – определяя основные вопросы политического участия институтов гражданского общества, в эмпирическом ракурсе – предоставляя региональный срез проблематики.

Собственно понятие «некоммерческая организация» подразумевает, прежде всего, правовой смысл. Это определенный вид организаций, чьи цели заключаются не в извлечении прибыли, а в общественно полезной деятельности. Юридическое оформление термина возникло не так давно. В России современная трактовка появилась на основе специальной статьи в Конституции РФ в 1993 г. и была закреплена в Федеральном законе «О некоммерческих организациях» в 1996 г. (ФЗ от 12.01.1996 №7-ФЗ)³⁴.

Сущностное содержание термина опирается на такие дефиниции гражданского общества, как «объединение» «объединение граждан», «граждане и их объединения», «собрания и объединения» и другие. Следовательно, более широкий смысл несет в себе конструкция «некоммерческий сектор», и, наравне с публичным и коммерческим секторами, представляет социальные группы гражданского общества. В рамках своей формы существования некоммерческие организации выполняют ряд собственных задач. Прежде всего, задачу самоорганизации граждан и совместного взаимодействия для решения общих целей, их связи с представителями власти и других секторов. А, учитывая их современный правовой статус, среди ключевых функций – придание гражданским инициативам правовых форм общественных организаций.

Исследователи выделяют ряд отличительных черт этой формы самоорганизации от иных. В первую очередь, называется обособленность от государства, правительства, т. е. властных органов и институтов. Некоммерческий сектор вписан в дихотомию «власть – гражданское общество». В политических кругах часто используется понятие «неправительственная организация». Такая формулировка не меняет смысла и содержания термина, однако, в силу сложившихся традиций используется она чаще в контексте международной и внешней политики, указывая на внегосударственный и трансна-

³⁴ Федеральный закон "О некоммерческих организациях" от 12.01.1996 №7-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения 20.03.2020).

циональный характер деятельности некоторых общественно-политических сил и движений.

Вторая черта, отмечаемая всеми специалистами, а также непосредственно нашедшая свое отражение в правовых документах, заключается в целевом характере финансовых потоков некоммерческих организаций. Любой бюджет тратится в соответствии с миссией организации. Прибыль также перенаправляется на реализацию заявленных целей, а не распределяется.

Третья из отличительных черт – это добровольность членства или принадлежности к данным организациям. Выражаясь словами Г. Алмонда и С. Вербы, подобное участие или отказ от него основано на свободном выборе человека, его потребностях. Оно не является обязательным³⁵.

Как отмечает И. В. Мерсиянова, подобных лекал отнесения понятия к «третьему сектору» оказывается недостаточно для четкого разграничения феноменов. Автор указывает на «остаточный принцип» в данном вопросе – «он не является государственным и не является коммерческим»³⁶, предлагает опираться на наработки Н. К. Анхайера, Л. М. Саламона и др.

Дополнительно они выделяют, во-первых, наличие организационной структуры НКО, во-вторых, постоянство деятельности, в-третьих, независимость³⁷. Исследователи говорят об обязательности существования собственных нормативных документов, в которых должны быть закреплены основные вехи в развитии и функционировании организации. Исключается абсолютная спонтанность и непостоянство в работе. Что касается управления, то необходимым требованием им видится автономность администрирования и прозрачность принятия решений внутри организационной структуры.

³⁵ Алмонд, Г. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах – М.: Мысль, 2014. – 500 с.

³⁶ Мерсиянова И. В. Третий сектор: определение, терминология, границы, данные исследований и тенденции развития: доклад по проведенным опросам Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. URL: <http://www.kdobra.ru/materials.pdf> (дата обращения 20.03.2020).

³⁷ Anheier H. K. Global civil society. – Baltimore: Johns Hopkins University, Center for Civil Society Studies, 1999. URL: <http://ccss.jhu.edu/wp-content/uploads/downloads/2011/08/Global-Civil-Society-I.pdf> (дата обращения 20.03.2020).

Однако, современное понимание некоммерческих организаций основывается не столько на отличительных чертах относительно двух других секторов, сколько на собственных индивидуальных характеристиках, присвоенных им в русле концептуализации знаний о гражданском обществе. Рассмотрев работы зарубежных и отечественных ученых, можно заключить, что есть две вариации разграничения методологических полей категорий «гражданское общество» и «некоммерческий сектор».

В части работ гражданским обществом определяется и измеряется степень политического участия граждан. Такая позиция отражена, например, в популярной среди представителей некоммерческого сектора трактовке гражданского общества, где акцент делается на социально полезной деятельности «горизонтально структурированной сети некоммерческих организаций³⁸».

В определении большинства авторов НКО являются одним из важнейших институтов гражданского общества и инструментом гражданских взаимодействий. В частности, такая позиция свойственна для российской науки. Более того, относительно своих зарубежных коллег отечественный дискурс более проблемно ориентирован, сфера интересов более точечна, а предмет исследования в большей степени связан со спецификой российской политической системы. В связи с этим работы отечественных коллег нуждаются в отдельном и детальном рассмотрении. Они будут представлены в отдельном параграфе диссертационного исследования.

Еще одна важная проблема – отсутствие четко установленной связи между понятиями «гражданское общество» и «ассоциированность граждан» при переходе к выводам о качествах первого, построенных на эмпирическом материале о втором. Когда выводы о состоянии гражданского общества строятся только на данных о работе НКО на той или иной территории.

³⁸ Петрухин В. С. Гражданское общество: досоветская философия. URL: <http://zaitungipgnk.blogspot.ru/2017/03/040-29-2017.html> (дата обращения 20.03.2020).

Нас интересует, в первую очередь, аналитический инструментарий и употребление концепта, определение указанных выше понятий и их взаимосвязь. В соответствии с этим без внимания намеренно оставляем парадигмы развития и общественный потенциал категории.

Основы учения о гражданском обществе были заложены выдающимися мыслителями, в том числе Т. Гоббсом, Г. Гегелем, Дж. Локком, Ш. Монтескье, Т. Пейном, Ж. Ж. Руссо и др. Они в духе своего времени акцентировали внимание на негосударственном характере феномена, на особенностях проявления частного интереса.

Современные тенденции, безусловно, привнесли новые элементы – «ассоциированность» и «публичность» в категоризацию понятия.

А. де Токвиль был одним из первых, кто отметил влияние фактора объединения людей по интересам. Он полагал, что единственная сила, которая может противостоять злоупотреблениям власти, это гражданское общество, представленное свободной ассоциацией граждан и гражданской инициативой. Автор различал «равенство в ассоциации» и «равенство в толпе». Считал, что первое ведет к установлению демократии, а второе, наоборот, к тирании. В объединении граждан под эгидой независимых организаций А. де Токвиль видел баланс между произволом власти (в качестве методичного и последовательного контроля) и вседозволенностью толпы (как уважение прав и свобод друг друга)³⁹.

Гражданское участие на передний план выдвигала и Х. Арендт. В ее подходе активная гражданская позиция и коллективное обсуждение насущных тем являются неотъемлемой частью гражданской жизни. Публичность и приватность при этом она рассматривает как две отметки барометра гармоничного политического устройства. Автор предупреждает, что расширение публичной сферы также опасно. Приводит в пример тоталитарное государ-

³⁹ Токвиль А. де Демократия в Америке. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Tokville_Democracy_1.pdf (дата обращения 20.03.2020).

ство, где публичность маркирует границы вмешательства государства в жизнь человека, а приватность принесена в жертву общей идее.

Х. Арендт первая вводит понятие «публичное пространство», которое позднее разрабатывал Ю. Хабермас. В нем она интегрирует и принцип всеобщности – «для всякого видно и гласно»⁴⁰, и инструмент по преодолению труднопереносимости массовости – «мир собирает людей и одновременно препятствует тому, чтобы мы так сказать спотыкались друг о друга»⁴¹. В отличие от последователей у Х. Арендт «публика» еще не ассоциирована, ее организованные формы не превалируют на сцене гражданского общества.

Ю. Хабермас определяет гражданское общество как пространство между сферами «жизненного мира» и системой (соответственно, политической и экономической подсистемами)^{42,43}. Теоретические изыскания немецкого ученого стали «классикой» для исследований в области публичной политики. Подробнее его подход будет рассмотрен ниже, в рамках анализа основ теории коммуникации.

Большой вклад в разработку концепции гражданского общества внесли Дж. Коэн и А. Арато. Особенность их подхода заключается в том, что они предлагают пятичастную модель общества. Что означает функциональное разделение государства, политического общества, гражданского общества, экономического общества и экономики. Гражданское общество полностью отождествляется с социальной сферой. На его основе возникают политическое (политические публичные институты, политические партии) и экономическое (институты коллективного торга, профсоюзы и т.д.) общества. Наравне с семьей институтами гражданского общества признаются добровольные объединения неполитического характера и различные социальные

⁴⁰ Арендт Х. Vita Activa или о деятельной жизни. URL: <http://www.fedy-diary.ru/html/012013/02012013-04a.html> (дата обращения 20.03.2020).

⁴¹ Там же.

⁴² Lauridsen S. Morality, Law and Deliberative Democracy – An Enquiry Concerning Jürgen Habermas and Karl-Otto Apel's Discursive Programs of Justification. URL: <https://pdf.semanticscholar.org/62f7/d578657102e0f294960bbb188319bad14cf0.pdf> (дата обращения 18.03.2020).

⁴³ Там же.

движения разные по масштабу, территориальной представленности, задачам и пр. Последние входят в множественность сообществ публичной сферы⁴⁴. В этом, по мнению Дж. Коэна и А. Арато, заключается исключительная роль гражданского общества – инициировать и обогащать публичную сферу, быть «соединительной аркой»⁴⁵. В свою очередь, установление контроля над политическими решениями, тем более захват власти, противоречит его сущностному содержанию.

Над подобными вопросами «союзник или враг?» рассуждает английский философ Э. Геллнер. В своих размышлениях он приходит к необходимости введения специального понятия для объяснения сути гражданского общества – «модульность человека»⁴⁶. Это свойство позволяет гармонично существовать гражданину между индивидуализмом и членством в уравнивающих государство ассоциациях. Означает оно, как и в примере ученого с модульной мебелью, многогранность, сложность, но и гибкость ментальности человека. Модульный человек живет в условиях «изменяющихся союзов и мнений»⁴⁷. В центре такого мира находится «договор». С помощью добровольных ассоциаций, гражданских объединений выстраиваются «договорные отношения». Формирование таких эффективных, специализированных, инструментальных связей и есть гражданское общество по Геллнеру. Таким образом, ассоциированность одновременно и закрепощающая форма социального взаимодействия, и созидательный потенциал, генерирующийся с помощью модульности.

Э. Внук-Липиньский также находится в поисках ключа к пониманию гражданского общества. Он акцентирует свое внимание на отношении к различным формам собственности в обществе. Указывает на необходимость развития «инфраструктуры свободы», а также определяет, что государство

⁴⁴ Arato A. Civil Society and Political Theory. – Cambridge: MIT Press, 1994. – 771 с.

⁴⁵ Арато Э. Концепция гражданского общества: восхождение, упадок и воссоздание - и направления для дальнейших исследований. // Полис. Политические исследования. – 1995. – №3. – С. 48–57.

⁴⁶ Gellner E. Conditions of Liberty. Civil Society and Its Rivals. – Hamilton: London, 1994. – 240 p.

⁴⁷ Там же.

остается «слишком могущественным собственником и работодателем»⁴⁸, а человек по-прежнему не может сам себя содержать. Это во многом затрудняет автономию гражданской жизни, препятствует появлению чувства социальной субъектности.

Социальная субъектность является необходимым атрибутом гражданского общества. По мнению польского политолога, на ней зиждется как «гражданская экспрессия (внешнее выражение)», так и «свободная институционализация общественных сил»⁴⁹. К последним Э. Внук-Липиньский относит разновекторную совокупность организаций, объединений, партий, действующих в публичной сфере. Эти структуры занимают уникальное место в гражданских взаимодействиях, прежде всего, за счет своей автономности по отношению к государству, плюралистичности и широкого охвата общественных вопросов. Возникая «снизу» на добровольных началах, этот «конгломерат» заполняет своей деятельностью пространство между государством и народом.

С гражданским обществом пересекается публичная сфера. Э. Внук-Липиньский определяет ее как «пространство согласования притязаний»⁵⁰. Ученый проводит разделительную линию между публичной жизнью в недемократическом и демократическом государствах, так как именно проблема власти (правомочность, условия функционирования) является стержневой в указанной сфере. Некоммерческие организации, в свою очередь, являются непосредственными коллективными акторами публичной жизни. Как подчеркивает автор, даже в условиях тоталитаризма инициированные и контролируемые системой объединения граждан поддерживают публичное пространство на должном уровне активности. В условиях его ограничения любая власть выглядит «подозрительной».

⁴⁸ Интервью с профессором Эдмундом Внук-Липинским // Вестник Европы. – 2015. – №XLII-XLIII. URL: <http://www.vestnik-evropy.ru/issues/professor-edmund-wnuk-lipinski.html> (дата обращения 15.03.2020).

⁴⁹ Внук-Липиньский Э. Социология публичной жизни. – Москва : Мысль, 2012. – 536 с.

⁵⁰ Там же. С. 301.

Уникальность роли некоммерческих организаций в жизни гражданского общества подчеркивают американский ученый Р. Патнэм и его итальянские ассистенты Р. Наннети, Р. Леонарди. Выработанный ими на практическом материале подход стал широко употребим в России. Его опорная идея – прямая зависимость между качеством развития территории и численностью гражданских организаций. Р. Патнэм, однако, не упрощает эту схему анализа. Связь, по его мнению, глубже, чем может показаться при первых попытках подсчитать количество НКО на той или иной территории за определенный момент времени. Корни подобной обусловленности можно обнаружить при изучении истории региона и сложившегося характера гражданских коммуникаций. На примере Италии эта ретроспектива – тысяча и более лет. Значима роль коммуны, всевозможных обществ, гильдий, ассоциаций соседей и пр.

Ученые заключают, что основа социальной инфраструктуры гражданского общества – так называемое «хоровое общество» с установившимся принципом «я сделаю это для тебя, зная, что когда-то в будущем ты поступишь со мной также»⁵¹. Способность ассоциироваться, тяга к совместным действиям – это та качественная характеристика, которая детерминирует максимальную «гражданственность» социально-политической жизни. Территория без «истории объединений» состоит из гражданских заменителей, «отчужденных и циничных просителей», обреченных на провал нескончаемых институциональных реформ⁵².

Шведский автор Т. Янссон, напротив, считает появление ассоциаций естественным следствием общественного развития. Сравнивает их с «вспомогательными войсками». Гражданам, по его мнению, пришлось объединяться для решения ряда социальных задач. Это пространство заполнилось негосударственными учреждениями. Альтернативный вид гражданских вза-

⁵¹ Патмэн Р. Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии. – М.: Ad Marginem, 1996. – 288 с. [С. 185]. URL: https://edu.kpfu.ru/pluginfile.php/113782/mod_resource/content/1/R_Patnem_-_Chtoby_demokratia_srabotala.pdf (дата обращения 20.03.2020).

⁵² Putnam R. Attitude Stability among Italian Elites // American Journal of Political Science. – 1979. – №23. – P. 463-494.

имодействий – местное самоуправление. Вместе с государством и некоммерческим сектором они образуют «треугольную драму»⁵³ – гражданское общество. На примере скандинавских стран Т. Янссон анализирует вариации сильные / слабые общественные организации / муниципалитеты, изучает роль государства. Автор заключает, что его аналитический инструментарий весьма ограничен применительно к странам с иными историческими традициями и политическим развитием.

Немецкий ученый Ю. Кока раскрывает понятие гражданского общества на примере европейских государств. Его определение частично повторяет множество авторских формулировок современников. Однако, сделанный им акцент позволяет объединить все исследуемые в работе феномены в единую категориальную систему.

Ю. Кока подразумевает под гражданским обществом самоорганизованное пространство союзов⁵⁴, члены которого говорят на «общем языке»⁵⁵. Ассоциации (НГО) – его главная движущая сила. Именно их доступ к политической системе частично обуславливает весь ее дизайн.

На этой основе автор делает ряд важных выводов. Во-первых, он предлагает дефиниции этого феномена рассматривать с точки зрения господствующего политического строя и, соответственно, «правовых рамочных условий». Таким образом, могут быть выделены либеральные, коммунитаристские, социал-демократические концепции гражданского общества. Этот посыл позволяет рассматривать одновременно несколько моделей взаимодействия власти и гражданского общества: от «соперничества» до «союзничества».

⁵³ Янссон Т. Треугольная драма: взаимоотношения между государством, местным самоуправлением и добровольными ассоциациями // Гражданское общество на Европейском Севере: материалы международного семинара (Санкт-Петербург, 18–19 января 1996 г.) / под ред. Е. Здравомыслова, К. Хейккинен. – СПб. – 1996. – Вып. №3. – С. 5-10.

⁵⁴ Кока Ю. Европейское гражданское общество: исторические корни и современные перспективы на Востоке и Западе // Неприкосновенный запас. – 2003. – №2 (28). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/2/koka.html> (дата обращения 24.03.2020).

⁵⁵ Там же.

Во-вторых, автор отмечает, что связь между государством и гражданским обществом не просто сложная, но и амбивалентная. С этой точки зрения, гражданская активность во всем своем проявлении (от общественных инициатив до «призыва к ответу») не в меньшей мере детерминирует характер политического устройства, чем государство определяет рамочные условия функционирования гражданских ассоциаций.

В-третьих, Ю. Кока фокусируется на ресурсной базе гражданского общества, выдвигая тезис о неравномерности объема участия граждан различных социальных статусов и характеристик. На вероятность широкой представленности в структурах гражданского общества могут влиять такие факторы как наличие свободного времени, независимость, обладание достаточными средствами к существованию, коммуникативные способности, хорошее образование⁵⁶ и др. Отдельный вопрос – дополнительная общественная ресурсность. Например, отношение церкви к идее автономии гражданского общества. Автор приводит примеры как положительного влияния религиозных объединений на формирование гражданского общества, так и запретительных принципов крупных государственных религий.

Что касается непосредственного объекта изучения – Европы, ученый видит главную проблему формирования общеевропейского гражданского общества в его многоязычности. Отсутствие прямой и эффективной коммуникации, по его мнению, становится важнее социально-политических и экономических предпосылок объединения. На этом автор подытоживает, что гражданское общество на современном этапе остается продуктом национального государства.

С этой позицией в корне не согласны представители концепций информационного общества. В частности, М. Кастельс. Хотя он рассматривает проблему кибербалканизации, т. е. ограничения Интернет национальным за-

⁵⁶ Кока Ю. Европейское гражданское общество: исторические корни и современные перспективы на Востоке и Западе // Неприкосновенный запас. – 2003. – №2 (28). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/2/koka.html> (дата обращения 24.03.2020).

конодательством, тем не менее, не обнаруживает в этом существенных преград для распространения новых мировых веяний.

Компьютеризация и виртуализация, по мнению М. Кастельса, обусловили ряд существенных перемен социальной сферы общества. В том числе трансформировалось пространство функционирования гражданского общества. Коллективные действия приняли радикально иной вид. Ассоциации людей вне границ государства и вне общественных институтов получили возможность посредством Интернет заявлять о себе, инициировать решение общественных проблем, выражать свою позицию и отстаивать права.

Оценивая новый тренд – «необычайную гибкость выражения социальности»⁵⁷, Кастельс рассматривает его антитезу – низкий уровень обязательств, крайний плюрализм, разложение общественных институтов и др. В совокупности они приводят к спаду эффективности гражданского участия. Главный методологический удар ученый наносит, прежде всего, по формализованным формам организации общества.

Преобразованиям подвергается и публичная культура. Общественный диалог превращается в электронный общественный диалог, значительно повышаются возможности для свободной коммуникации. Происходит рождение новых самоорганизующихся форм со сложным символическим обменом⁵⁸.

Одновременно с этим понижается качество публичных дебатов, необходимая информация теряется в потоках информационного мусора. Общественный интерес оказывается не способным фокусироваться на широком спектре информационных поводов.

Кастельс, однако, определяет рецепт выживания новых сетевых сообществ в подобных условиях – «мыслить локально (сообразуясь со своими

⁵⁷ Там же. С. 169.

⁵⁸ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php (дата обращения 24.03.2020).

собственными проблемами и идентичностью), а действовать – глобально на том уровне, где это сегодня на самом деле имеет значение⁵⁹».

Следует добавить, что ученым не отвергается значимость физических контактов. Он отмечает, что они остаются важным инструментом социальных трансформаций, во многом благодаря повышению доступности и снижению стоимости транспортных перевозок.

Таким образом, роль добровольного объединения граждан вне сферы государственной власти отмечают практически все современные ученые, развивающие концепцию гражданского общества, в том числе не названные выше Дж. Александер, Э. Гидденс, Т. Стронг, М. Э. Уоррен, М. Ховард и пр.

Важно изучить вопрос «как изучать». Подобный инструментарий выработан в рамках системного, нормативного, институционального, коммуникативного подходов, повсеместно используемой в качестве эффективной методологии концепции политических сетей и др.

Традиционно преобладает системный подход. Проблематику «власть – гражданское общество» принято рассматривать через канонический «чёрный ящик» У. Р. Эшби, т.е. систему с неким «входом» и неким «выходом». Д. Истон описывает его работу как обмен политической системы со средой, где есть коллективные цели и желание влиять на вырабатываемую политику. По сути, «вход» – это требования и политическая поддержка, «выход» – политические решения.

В системном подходе некоммерческий сектор оказывается с обеих сторон. С одной стороны НКО артикулируют общественные интересы и доставляют эти «требования» в политическую систему. Само возникновение некоммерческой организации находится в точке появления общественно значимого интереса. При нормально функционирующем гражданском обществе – на самом низовом уровне. Иные формы могут возникать в качестве «теат-

⁵⁹ Кастельс М. Галактика Интернет – Екатеринбург : У-Фактория (при участии издательства Гуманитарного университета), 2004. – 328 с.

рации» общественно-политической жизни. Например, когда необходимо придать проблеме статус «народной», либо выдать количество единиц гражданских структур за их качество.

С другой стороны, даже в условиях слабо развитой политической и гражданской культуры НКО берут на себя часть функций по управлению социальными процессами. Это может осуществляться как с законодательным закреплением, так и без него. Например, в современной России один формат сменил другой. В 2015 г. был введен так называемый реестр поставщиков социальных услуг⁶⁰, в результате чего и государственные, и негосударственные акторы (НКО) социальной сферы были уравнены в правах, обязанностях и предъявляемых к ним требованиях. Однако, безусловно, и до 2015 г. часть социально ориентированных некоммерческих организаций была широко вовлечена в реализацию государственной социальной политики.

На этом функционал НКО не заканчивается. Вернее, он не может считаться полным. В системном подходе «вход» и «выход» не остаются изолированными друг от друга. Более того, постоянно воздействуют друг на друга с помощью процесса обратной связи. Ученые также называют его «петлей обратной связи». На практике для НКО это огромный пласт деятельности по осуществлению оценки и публичного контроля вырабатываемой властями политики и политического курса. Без качественного оценивания невозможна проверка адекватности принятых политических решений. Следовательно, эффективность политической системы напрямую связана с институциональным дизайном «петли обратной связи». Некоммерческий сектор во всем многообразии своего проявления способен в должной мере диверсифицировать его.

Даже не являясь связанным с миром политики в части содержания своих программных (уставных) целей и задач, некоммерческий сектор остается

⁶⁰ Федеральный закон "Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации" от 28.12.2013 №442-ФЗ (редакция от 07.03.2018 г.) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/8aa93e4372acfa5dd8c704830619f2f65aa84528/ (дата обращения 29.03.2020).

политическим по сумме своих функций и действий. В политической системе НКО артикулируют общественные интересы и требования, осуществляют свою возможность влиять на выработку решений, участвуют в управлении социальными процессами, контролируют деятельность властной элиты.

Подобное назначение в фокусе внимания представителей нормативного подхода. Однако, исследователи-системники делают методологическое отступление и заключают, что в реальной политической жизни существуют только сложные системы, где автономность и ресурсность НКО определяют их рамки участия как на «входе», «выходе», так и в процессе обратной связи. Приверженцы нормативного подхода обходят данную проблему стороной, исследуя, прежде всего, влияние на качественное преобразование общественной сферы и жизни человека. Разделение на нормальную и «неэффективную» систему участия НКО в общественной-политической сфере базируется на политических режимах и соответствующих им типах политической культуры.

Демократическая политическая система позволяет в наилучшем виде реализовывать представительство некоммерческого сектора. Она обеспечивает развитость института. Авторитарный режим, напротив, не ориентирован на активное участие граждан в выработке политических решений и заинтересован в неформальных практиках. Однако, не лишенный проблем с легитимацией власти – допускает подконтрольные «демонстрационные» форматы. В тоталитарных системах несколько иная причина отсутствия развитой системы гражданских коммуникаций – обеспечение полной поддержки правящего режима. Это, как известно, невозможно осуществить при наличии внесистемных (не вписанных в логику идеологии) интересов и требований и инаковости. В таком контексте контроль распространяется на синхронность и однотипность реакции общества, а не на адекватность и эффективность решений политической элиты.

Нормативный подход не изобилует проблемными точками в функционировании НКО, тонкостями их взаимодействия с политической средой. Однако, как справедливо отмечает Р. Даль, многие из задач, приписываемых НКО в нормативных моделях, вырастают непосредственно из описания механизмов функционирования представительной демократии⁶¹. Это, в свою очередь, дает возможность в рамках уже других методологий сравнивать «как должно быть» и «как есть на практике».

Еще одним достаточно распространенным подходом в рассмотрении проблематики НКО является институционализм. Хотя, как и в предыдущем случае, он не лишен ограничительных рамок номинальности. В его ракурсе – институциональный дизайн и формально-правовые нормы. Некоммерческий сектор как структура низовой самоорганизации граждан представляет собой формальный институт, правила функционирования которого прописаны в ряде нормативных документов. Институционально более развитой оказывается система общественного участия с оптимально выстроенными правилами формального взаимодействия внутри своей среды и вне ее рамок.

В своем самом упрощенном понимании «жизнь» гражданского общества определяется множеством неформальных практик, правил, структур и пр. В связи с чем, формальные процедуры не могут, во-первых, охватить все многообразие явлений, рождаемых в результате взаимодействия граждан, во-вторых, претендовать на свою универсальность и эффективность для всех случаев таких контактов.

Существенное расширение границ анализа и преодоление методологических барьеров происходит уже в рамках неоинституционализма. В первую очередь, происходит переосмысление понятия «институт». В новой версии подхода исследователи уходят от его трактовки с точки зрения структуры и организации. Вводят такие понятия как «взаимодействие», «игроки», «ресур-

⁶¹ Dahl A. R. On Democracy – New Haven&London: Yale University press, 2015. – 272 p. URL: <http://padabum.com/d.php?id=209515> (дата обращения 21.03.2020).

сы», «правила». Большое значение уделяется неформализованным, неформальным, неинституциональным форматам.

Некоммерческие организации для представителей данного подхода продолжают выполнять роль интитуту-образующих структур. В число опорных индикаторов проблематики добавляются⁶²:

- основные игроки взаимодействия;
- ресурсы каждой из сторон в данном взаимодействии;
- правила взаимодействия;
- характер представлений друг о друге и о себе в процессе взаимодействия;
- степень институционализации каждой из команд.

При этом важно подчеркнуть, что в рамках данного подхода суть неформальных практик трактуется в зависимости от определяющих условий, и со знаком плюс, и со знаком минус. С одной стороны, неформальное взаимодействие позволяет достигать гибкости системы политических отношений, работает там, где нет действующего формального механизма. Это достаточно актуально для некоммерческого сектора. Здесь сети контактов пронизывают все сферы общественных отношений, а взаимодействие столь разнообразно, что не поддается полному и всестороннему описанию и осмыслению.

С другой стороны, существование неформальных правил игры в итоге приводит к дисфункциональности формальных институтов, исключает из пространства связей тех, кто не обладает достаточными ресурсами.

И в классическом, и в новом институционализме подчеркивается естественная вовлеченность некоммерческого сектора в политическую жизнь общества. Она проистекает из его функции артикуляции интересов граждан, которые не осуществимы вне политической системы и вне публичной сферы.

⁶² Белокурова Е. Почему НКО и власти нужны друг другу. Модели взаимодействия в регионах Северо-Запада // Материалы Электронной библиотеки «Гражданское общество в России». URL: <https://www.civisbook.ru/files/File/Belokurova.pdf> (дата обращения 24.03.2020).

По-новому взглянуть на проблемы взаимодействия участников политического пространства, правила и закономерности их поведения позволяет аналитический инструментарий коммуникатологии. Ю. Хабермас актуализировал и стимулировал интерес к данному подходу. Он не просто уточнил содержание категории «публичность», пытался объяснить как «коллективизируются взгляды и эмоции»⁶³, но и объединил эти понятия в термин «публичное пространство».

В рамках концепции Ю. Хабермаса под публичной политикой понимается некое пространство, где образуется общественное мнение⁶⁴. «Диалог» – опорная конструкция теории, на базе которой определению подлежат остальные категории проблематики. Он представляет собой само поле множества коммуникаций, путь движения от субъекта к субъекту.

Если инструментальное действие (труд) измеряется Хабермасом эффективностью, то венцом коммуникативного является согласие, консенсус относительно притязаний на значимость. Таким образом, коммуникация направлена на установление равновесия между участниками связи и симметричное распределение шансов в действиях субъектов коммуникации. Эти субъекты могут быть представлены политическими партиями, общественными организациями, творческими и профессиональными союзами и др.

«Мораль равного уважения» и утопизм идеи Хабермаса о рациональности действия подверглась критики со стороны его коллег, однако, до сих пор именно такое понимание публичной политики признается «классическим», хотя оно получило предикатив «в узком смысле».

Особую роль в функционировании публичного пространства автор отводит некоммерческому сектору. С одной стороны, НКО артикулируют гражданские интересы – объединяют субъекты для коммуникации. С другой

⁶³ Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft – Berlin: Suhrkamp Verlag, 1990. – 380 p.

⁶⁴ Никовская Л. И. Введение // Публичная политика в контексте задач модернизации России: конструктивный потенциал и формы использования / отв. ред. Л. И. Никовская. – М. : РАПН; РОССПЭН, 2012. – 308 с.

стороны, инкорпорируют их в общественную сферу – инициируют дискурс и участвуют в нем. При этом они выполняют задачу координации действий участников повседневных практик⁶⁵. Их миссия не сводится к воспроизводству самих себя, главная цель заключается в формировании коммуникационного пространства.

Безусловно, Хабермас коммуникативную компоненту связывал с установлением демократий. Появление и распространение общественных мест и участвовавший в связи с этим обмен мнениями значительно ускорили развитие коммуникативной рациональности⁶⁶. Однако, современные процессы информатизации общества, в частности, широкое использование технологий манипулирования массовым сознанием и сверхпотребление коммуникаций, поставили под сомнение универсальность его аналитического аппарата.

На концепции развития информационных систем опирается в своих трудах Н. Луман. Он пытается выстроить модель коммуникации в рамках системной теории общества. Ключевая категория – аутопоэзис. Автор вводит ее в социальные науки через понятие «аутопойетическое общество» (т. е. самовоспроизводящееся). В контексте коммуникаций это означает, что порожденная предшествующей коммуникацией коммуникация порождает последующую коммуникацию. Этот процесс постоянен и непрерывен, и является ключом к пониманию общества. Как отмечает Луман, только с помощью понятия «коммуникация» социальную систему можно рассматривать как аутопойетическую. Элементы подобной системы – это коммуникации, производящие и воспроизводящие себя посредством общей сети⁶⁷.

Коммуникация по Луману – это генерирование неопределённости и выход из этой неопределённости⁶⁸. Ученый предлагает следующее ее содер-

⁶⁵ Фурс В. Парадигма критической теории: попытка экспликации // Логос. – 2001. – №2 (28). – С. 49-75. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_2/03_2_2001.htm (дата обращения 29.03.2020).

⁶⁶ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне – М.: Весь мир, 2003. – 416 с.

⁶⁷ Лоскутникова В. М. Хабермас и Луман: два подхода к исследованию процессов коммуникации в современном обществе // Гуманитарная информатика. – 2004. – №1. – С. 81-96. URL: <http://journals.tsu.ru/uploads/import/1167/files/8-loskutnikova.pdf> (дата обращения 25.03.2020).

⁶⁸ Там же.

жание: различение информации, сообщения и понимания. С помощью этих операций субъекты достигают взаимопонимания. Но, в отличие от «согласия» Хабермаса, консенсус Лумана существует только в идеальной форме диалога. В реальном мире коммуникация управляема. Она зависит от информации, которая является различием между тем, что могло бы быть, и тем, что происходит или сообщается⁶⁹. Другими словами, она крайне нестабильна. Поэтому есть либо «да», либо «нет» в каждой конкретной ситуации.

Н. Луман прямо не пишет о некоммерческом секторе, коллективных интересах, гражданском обществе как о составляющих аутопойетической системы общества. Однако, в логике его идей истоком внутренней коммуникации являются автономные подсистемы общества (экономическая, политическая, масс-медийная и др.), возникающие в процессе дифференциации социальной системы. У каждой из них есть собственное кодирование коммуникации через «да-редакции» и «нет-редакции», заложенных в смысле⁷⁰. Как сложная функциональная система гражданское общество генерирует внутренние и внешние коммуникации и опирается на собственный смысловой капитал, поэтому должно обладать данными свойствами.

Внесли свой вклад в коммуникационный подход К. Дойч и Т. Парсонс. Оба автора ставили вопрос об управляемости коммуникаций.

К. Дойч рассматривал политическую систему как совокупность массовых коммуникаций и коммуникаций «лицом к лицу». Смысл коммуникационной техники, по его мнению, заключается в получении, хранении, циркуляции и передаче информации в форме сложных образов и символов, имеющих политический смысл⁷¹. В отличие от других исследователей, квинтэссенция коммуникаций по Дойчу состоит в принятии политических решений,

⁶⁹ Луман Н. Решения в «информационном обществе» // Проблемы теоретической социологии. Вып. 3. / Отв. ред. А. О. Бороноев. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2000. URL: <http://www.novsu.ru/npe/files/um/1412.htm> (дата обращения 25.03.2020).

⁷⁰ Луман Н. Медиа коммуникации – М.: Логос, 2005. – 280 с.

⁷¹ Deutsch W. K. Political community and the North Atlantic area: International Organization in the Light of Historical Experience – Princeton: Princeton University Press, 1957. – 228 p.

так как их потоки определяются целеполаганием органов власти и отдельных личностей.

Большое значение автор отводит операционным структурам («рецепторам»), через которые проходят информационные потоки. Они получают и анализируют информацию, оценивают ее с точки зрения ценностной и нормативной компоненты. В реальной политической системе «рецепторами» являются как государственные ведомства, так и специализированные частные структуры. К последним логично отнести и некоммерческие организации, которые являются резервуарами общественных интересов и мнений.

К. Дойч акцентирует свое внимание именно на функциональной модели движения информационных потоков. Он отводит второстепенную роль содержанию и роли отдельных элементов коммуникаций.

Т. Парсонс, напротив, считал, что главная функция коммуникативного акта — связь между людьми, структурами, поколениями. Коммуникации обеспечивают связи между социальными подсистемами общества (политической, экономической, ценностно-культурной и др.), интегрируя социальное целое⁷². Ее единицей является символ. Через специальные каналы посредством системы символов передается информация о прошлом и настоящем. При этом, сообщения, поступающие от власти, по своему статусу являются информацией высшего порядка. Они приводят всю систему коммуникаций в движение. Т. Парсонс заключает, что коммуникационные процессы очень сложны и должны сопровождаться управленческим контролем со стороны институтов власти.

Гражданскому обществу также отводится значимое место. По мнению ученого в обществе должна существовать «ограниченная поляризация», которая призвана упорядочивать систему управления. Она представляет собой

⁷² Parsons T. On building social system theory: a personal history // *Deadalus*. — 1970. — Vol.99. — №4. — P.826-881.

«неподвижное единство находящихся в постоянном движении социальных действий»⁷³ и реализуется посредством публичности (вариативности).

Как легко заметить, коммуникационная теория изобилует авторскими подходами. Коммуникация представляется от естественного процесса коллективизации интереса Хабермаса до неотделимого атрибута целеполагания правительств Дойча. В таком ключе гражданское общество, в целом, и некоммерческий сектор, в частности, играют сравнительно разную роль.

Для данного исследования наиболее близкой является методология Ю. Хабермаса. Прежде всего, в части синтезирования в единое методологическое поле категорий «публичность», «общественное мнение», «гражданское общество», «негосударственные и неэкономические объединения», «дискурс», «диалог» и др.

Однако, наиболее актуальной и эффективной платформой для исследования автор считает сетевой анализ. Он позволяет принципиально по-новому взглянуть на предмет анализа. Не игнорируя структуру, в данном случае сетевую, исследователь может направить фокус своего исследования на качество и характеристики отношений субъектов в ней.

Сетевой анализ все чаще применяется при рассмотрении вопросов публичной политики. Его методология объединяет наработки неoinституционализма и позволяет преодолеть проблему разнонаправленности множества групп интересов и структур с уникальными статусно-ролевыми позициями:

во-первых, учету подлежат как формальные институты, так и неформальные практики;

во-вторых, существенную роль играют не только акторы, которые имеют возможность влиять на политику, но и те, которые не обладают должными ресурсами к этому;

⁷³ Parsons T. The Social System/ T. Parsons. – London: Routledge, 2005. – 448 p. URL: <http://home.ku.edu.tr/~mbaker/CSHS503/TalcottParsonsSocialSystem.pdf> (дата обращения 25.03.2020).

в-третьих, помимо формального пересчета самих участников сети происходит углубление в сферу их взаимодействий.

На практике это коммуникации широкого круга заинтересованных структур, как государственных, так и частных, объединенных в «политическую сеть»⁷⁴.

Методология сетевого анализа также имеет ряд преимуществ относительно рассмотренных выше подходов:

во-первых, напрямую связывает государство и гражданские структуры через сетевую структуру управления публичными делами. Сеть практически исключает иные формы эффективной связи;

во-вторых, поднимает вопрос о взаимной ресурсной зависимости;

в-третьих, определяет оптимальное конечное целеполагание взаимодействий – достижение не единого или противоположных, а кооперативного интереса (сотрудничества);

в-четвертых, объединяет информацию обо всех значимых и потенциально значимых участниках сети «от парламентских партий и министров правительства до бизнес-ассоциаций, профсоюзов, профессиональных обществ и групп общественных интересов...»⁷⁵, позволяет присваивать им статусную характеристику и считывать их роль;

в-пятых, расширяет понимание публичной сферы до комплекса гласных и открытых общественному контролю разноплановых взаимодействий стейкхолдеров (всех заинтересованных участников), направленных на достижение социально значимого результата через реализацию кооперативного интереса, пронизывающий все сферы развития государства и общества.

⁷⁴ Compston H. Policy Networks and Policy Change. Putting Policy Network Theory to the Test – New York: Palgrave Macmillan, 2009. – 277 p.

⁷⁵ Knoke D. Comparing Policy Networks. Labor Politics in the US, Germany, and Japan – N. Y.: Cambridge University Press, 1996. – 288 p.

Указанные методологические принципы позволяют опираться на ряд ключевых тематик и вопросов и искать следующую проблемность в логике поставленных задач диссертационного исследования:

1. Как решается вопрос публичности/приватности сфер политики, социально-экономических, культурных и иных отношений. В силу каких причин доминирует публичная/приватная форма коммуникации. Какие ограничения действуют, как они влияют на функционирование некоммерческого сектора, взаимодействие с государственным и коммерческим секторами, индивидом.

2. Насколько развита институциональная составляющая публичной политики. Какие факторы влияют на появление неформальных практик взаимодействия, насколько жизнеспособен их дизайн. Какими системными и специфическими проблемами прирастает сфера НКО в результате доминирования той или иной конфигурации.

3. В какой ресурсной взаимозависимости находятся некоммерческий, коммерческий и государственный сектора. Каковы параметры для публичной сферы.

4. Какие интересы, в каком объеме представлены и учитываются посредством публичной сферы, в частности через некоммерческий сектор.

1.2 Трансформация политического участия институтов гражданского общества в российском политическом процессе

Различными учеными выделяются до 9 этапов развития НКО в России.

Самая многочисленная этапная классификация содержится в трудах Ю. И. Грищенко. Экономист связывает историю «некоммерческого сектора» с историей России, описывает различные формы делегирования социальных функций на общественный уровень. Самым ранним подобным форматом

явилась благотворительность и волонтерство. Они начали развиваться с принятием христианства на Руси. Далее деятельность институализировалась. На различных временных отрезках появлялись «городские участковые попечительства», «благотворительные заведения», «благотворительные советы», «самочинные демократические организации», «объединения самодеятельности», «творческие союзы» и пр.

Зарождение прообраза современной модели функционирования некоммерческого сектора автор относит к принятию закона СССР «Об общественных объединениях» (октябрь 1990 г.). Последний период датируется 2002 – 2012 гг. (дата выхода статьи), выделяется три основополагающих изменения в области регулирования деятельности НКО: отмена особой налоговой системы, появление нового статуса «социально ориентированная НКО», введение государственного/муниципального задания. В целом, Ю. И. Грищенко заключает, что состояние некоммерческого сектора является отражением политического режима российского государства на конкретном историческом этапе⁷⁶.

С ним согласен авторский коллектив в составе А. В. Кошкиной, А. Н. Умаровой, П. И. Чудайкина. Они выделяют дореволюционный, советский и современный этапы развития деятельности НКО в России.

Дореволюционный период характеризуется опорой на благотворительность и просвещение. Особое внимание некоммерческий сектор, по мнению ученых, получал при Иване Грозном (общественное попечительство бедных на средства самого населения), Федоре Алексеевиче, Петре I (начало государственного финансирования благотворительности), Екатерине II (создание альтернативных церковным источников помощи), супруге Павла I Марии Федоровне (создание «Ведомства учреждений императрицы Марии» (ВУИМ)) и пр.

⁷⁶ Грищенко Ю. И. Этапы становления некоммерческих организаций в России // Некоммерческие организации в России. – 2012. – №5. URL: <https://dis.ru/library/665/30014/>: (дата обращения 27.07.2020).

Советский этап был связан, с одной стороны, с желанием властей создания полностью контролируемой и управляемой общественной среды, с другой стороны, с повышением количества добровольных низовых ассоциаций. Последний тренд пришелся на начало 80 гг. XX века. Заметное оживление гражданских структур было связано с политическими реформами перестройки.

Современное положение НКО исследователи определяют с точки зрения рыночных отношений, которые оказывают свое влияние на общественное устройство, в целом⁷⁷.

Подобная классификация является «классической» и встречается во многих трудах по теме.

Однако, встречаются и ученые, которые классифицируют этапы развития НКО по изменениям и трансформациям конкретного профильного направления их деятельности:

- правовые механизмы функционирования НКО;
- налоговая система, применяемая НКО;
- система взаимодействия органов власти и представителей некоммерческого сектора;
- освоение сфер деятельности НКО и пр.

Автору близка позиция обязательной детализации современного периода развития НКО и выделения дополнительной этапности в зависимости от доминирующих трендов. Исходя из проделанного анализа ситуации, она соответствует следующей хронологии.

1988 – 1991 г.: хаотичное возникновение ассоциаций, самодеятельность как тип работы, высокая роль представителей интеллигенции в формировании общественных объединений.

⁷⁷ Кошкина А. В., Умарова А. Н., Чудайкин П. И. Развитие некоммерческих организаций в России // Молодой ученый. – 2017. – №9. – С. 411-414. URL: <https://moluch.ru/archive/143/40220/> (дата обращения: 27.07.2020).

Начали появляться многочисленные ассоциации правозащитной, политико-просветительской, экологической направленности и др. На этом этапе ассоциированность выступала в качестве поведенческого отыгрыша. Она зиждилась на накопленном десятилетии потенциале общественной самореализации. Однако, немногие организации, созданные в этот временной период, смогли преодолеть последующие этапы и стать «долгожителями».

1992 – 1996 гг. – появление НКО в правовой системе государственно-сти, формирование первых организаций нового формата, апробация различных типов НКО, моделей взаимодействия государственного, коммерческого и некоммерческого секторов.

В частности, Р. И. Бунеева⁷⁸ отмечает особую роль г. Москвы в процессе нормотворчества в сфере некоммерческой деятельности. Принятые законодательные инициативы столицы стали образцовой правовой базой взаимодействия власти и гражданских структур для регионов России.

Таким образом, этот период стал для России временем рождения некоммерческого сектора нового формата – прообразом современных НКО. В силу политических трансформаций государство перестало использовать привычные ранее инструменты управления социальной сферой, в связи с чем, возможность участия в ней получили ассоциации низового уровня. Среди прочих распространение получили сетевые неправительственные структуры как западного, так и российского происхождения, такие как программа «Открытый мир», фонд Сороса, Московская Хельсинская группа, Правозащитный центр «Мемориал», АНО «Интерньюс» и пр., деятельность которых в итоге привела к необходимости внесения существенных корректив сферы со стороны органов власти в последующем.

⁷⁸ Бунеева Р. И. Теоретические аспекты развития некоммерческих организаций (на примере организаций потребительской кооперации) – М.: ЭФ МГУ, 2010. – 103 с. URL: <https://sci.house/sotsiologiya-organizatsiy-scibook/istoriya-stanovleniya-nekommercheskogo-sektora-25815.html> (дата обращения: 01.08.2020).

Первый этап стал пилотным, пробным. По сути именно в этот период в России начала зарождаться грантовая система, конкурсная основа отбора и поддержки, формы работы с населением.

В частности И. И. Санжаревский⁷⁹ отмечает, что именно в этот период пришло понимание, что административные методы, используемые органами государственной власти России, менее эффективны, чем программные сетевые методы, используемые зарубежными странами при взаимодействии с некоммерческим сектором.

Однако, роль и участие представителей западных структур в процессе развития НКО нашей страны в этот период оценивается экспертами достаточно противоречиво. Отмечается, что, с одной стороны, большая часть важных общественных программ и проектов были реализованы лишь благодаря разнообразным ресурсам внероссийского происхождения. С другой стороны, мотивация и задачи зарубежных спонсоров и попечителей российских НКО оставались не очевидными. В результате чего были приняты политические решения, исключая «случайных» игроков в некоммерческом секторе.

Среди выделяемых трендов нельзя игнорировать те, которые обуславливались социально-политической ситуацией середины 90-х гг. Например, С. Санович⁸⁰ акцентирует свое внимание на усиливающейся маргинализации общества в этот период. В связи с чем, некоммерческие организации возникали и прекращали свое существование, меняли сферы и формы деятельности, а также применяли разнообразные инструменты привлечения финансовой и организационной помощи. К концу указанного периода ассоциированность была характерна в большей степени для отдельных категорий граждан – интеллигенции, творческой элите, молодежи. Большая часть населения

⁷⁹ Санжаревский И. И. О государственной безопасности и участии органов власти в развитии сетевых общественных структур // Конституция. Выборы. Государство.: Материалы Всерос. научно-практ. Чичеринская конф.: Сборник материалов. – Вып. 2. – Тамбов: Изд-во «ООО Центр-пресс», 2008. – С. 91-94. URL: <http://www.sanz.virmk.ru/PUBLIC/sanzharevskiy-2008-2.pdf>. (дата обращения: 01.08.2020).

⁸⁰ НКО в 90-е годы и сегодня (беседа с сотрудником лаборатории институционального анализа экономических реформ) // Радио Эхо Москвы. Выпуск 19 июня 2008 г. URL: <https://echo.msk.ru/programs/niceninety/521732-echo> (дата обращения: 01.08.2020).

страны была занята экономическим выживанием и освоением открывшихся ресурсами коммерческого сектора.

1997 – 2002 гг. – перенос внимания на коммерческий сектор, его приоритетная роль после экономического кризиса, наращивание структур гражданской ответственности, фрагментарное встраивание НКО политическую систему страны.

В реальной действительности с сектором не происходило значительных перемен. Частично данный феномен можно объяснить кризисом 1998 г. и резко ухудшившимся экономическим состоянием и в стране, в результате чего дальнейшие системные преобразования сферы и встраивание некоммерческого сектора в политическую систему были отложены, а наибольшее организационные и финансовые ресурсы сосредоточились на бизнес-структурах. Единственным заметным трендом на этом временном промежутке явился рост количества НКО на всей территории России. К примеру, в 1998 г. насчитывалось 236795 зарегистрированных НКО, в 2000 г. их уже было более 484949.

С приходом к власти нового президента В. В. Путина оживление сектора также последовало не сразу.

Неучастие на государственном уровне в продвижении собственных социально ориентированных организаций привело к тому, что значительное преимущество во влиянии на некоммерческий сектор получили сетевые программы и проекты представителей зарубежных общественных организаций. По данным некоторых исследователей доля иностранного финансирования бюджетов российских НКО достигала 80 % от общего объема полученных ими средств⁸¹.

Именно в этот период усиливается традиционное недоверие к деятельности НКО, формируется представление о повсеместном зарубежном протек-

⁸¹ Задорин И. В. Динамика развития и текущее состояние сектора НКО в России // Аналитический обзор по результатам анализа государственной статистики, баз данных НКО и опросов общественного мнения. – 2006. – 35 с. URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/9fd/061111.pdf> (дата обращения: 02.08.2020).

жирование российских организаций и непрозрачных источниках дохода. Нарастание данных тенденций обусловило целую серию «коренных» политических решений взамен принятых в 90-е «молочных».

2003 – 2011 гг. – появление самых крупных НКО, мобилизация ресурсов некоммерческого сектора, вовлечение меценатов из числа представителей крупного бизнеса, завершение институционализации некоммерческой сферы.

Всего за 4 года были зарегистрированы и начали вести свою деятельность крупнейшие благотворительные фонды и организации – активные участники сферы на сегодняшнем этапе:

в 2002 г.: Благотворительный фонд «АдВИТА»;

в 2003 г.: Благотворительный фонд «Фонд Валерия Гергиева»;

в 2004 г.: Благотвориительный Фонд спасения тяжелообольных детей «Линия жизни»; Фонд помощи детям «Обнажённые сердца»;

в 2005 г.: РОО «Милосердие»; Благотворительный интернет-фонд «Помоги.Орг»;

в 2006 г.: Благотворительный фонд помощи детям с онкогематологическими и иными тяжелыми заболеваниями «Подари жизнь»; Благотворительный фонд помощи хосписам «Вера».

Новый формат деятельности НКО сочетал в себе тенденцию к укрупнению структур, и, вместе с тем, закрепление лидерских позиций в них знаменитых людей, «звезд» актеров кино и телевидения, певцов и музыкантов, спортсменов и пр. Хэдлайнерами российской благотворительности стали Чулпан Хаматова, Дина Корзун, Ингеборга Дапкунайте, Антон Носик, Валерий Гергиев, Наталья Водянова, Гоша Куценко, Константин Хабенский, Егор Бероев, Ксения Алферова, Мария Миронова, Игорь Верник, Евгений Миронов и многие другие.

Вместе с тем распространение получил институт меценатства. В эти же годы заработали разнообразные фонды, чьи программы и проекты финанси-

ровались представителями бизнеса. Например, Фонд «Вольное дело» (Олег Дерипаска, 1998 г.); Благотворительный фонд Владимира Потанина (Владимир Потанин, 1999 г.); Благотворительный детский фонд «Виктория» (Николай Цветков, 2004 г.); Благотворительный фонд Михаила Прохорова (Михаил Прохоров, 2004 г.); Благотворительный фонд «Искусство, наука и спорт» (Алишер Усманов, 2005 г.).

Оба указанных формата позволяли привлекать наибольшее ресурсное обеспечение и укреплять престиж НКО в российском обществе.

С активным вовлечением крупнейших бизнесменов и знаменитостей России в благотворительную деятельность стало очевидно, что наступил черед реформирования некоммерческого сектора, а властная элита рассматривает варианты его встраивания в социально-политическую систему общества.

За ростом общественной активности последовали государственные нововведения. Среди важнейших нововведений, которые внесли значительные коррективы в исследуемую сферу, можно отметить следующие реализованные инициативы государственных органов власти:

- создание Общественной палаты Российской Федерации в 2005 г. По замыслу она должна была стать важнейшим институтом гражданского общества и аккумулировать потенциал общественных проектов. В том числе консультативно-совещательный орган должен был стать проводником и связующим звеном между государством и НКО, НКО и обществом. До этого данную роль исполняли многочисленные комитеты Государственной Думы РФ;

- введение системы президентских грантов, конкурсы в рамках которой состоялись впервые в 2006 г. Тогда общее финансирование составляло 472,7 млн. руб. Конкурсы осуществляли организации-операторы. Поддержку получили 1 тыс. 54 некоммерческих организаций⁸²;

⁸² Президентские гранты для НКО. Досье // Раздел «Биографии и справки». Информационное агентство России «Тасс». Выпуск 21.11.2017. URL: <http://tass.ru/info/4483700> (дата обращения: 03.08.2020).

– внедрение ресурсных центров в качестве инфраструктуры для деятельности НКО в 2005-2006 гг. Основными их функциями являлись консультации, информационная помощь, коворкинг, поиск финансирования и спонсоров;

– принятие Концепции содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в РФ в 2009 г.⁸³ Документ значительно трансформировал статус благотворительности в России, признавая ее генеральным направлением развития некоммерческой сферы, и дал мощный толчок к перезагрузке добровольчества и волонтерства в качестве института гражданского общества;

– введение понятия «социально ориентированная некоммерческая организация»⁸⁴ (СО НКО), с целью отделения адресатов государственной помощи от прочих субъектов некоммерческой сферы (политические партии, ТСЖ и пр.). В дальнейшем за социально ориентированными некоммерческими организациями были закреплены многочисленные преференции и льготы. Например, в системе государственных закупок. Государственные и муниципальные заказчики обязаны заключать контракты с СО НКО. Минимальный объем таких закупок – 15 % от совокупного объема закупок заказчика за год⁸⁵.

Не смотря на то, что поправки в законе «О некоммерческих организациях» №7-ФЗ закрепили роль субъектов РФ в оказании поддержки СО НКО, в целом, новый курс определил поэтапное смещение коммуникационного

⁸³ Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в РФ, одобренная распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2009 г. №1054-р. / Материалы справочной правовой системы КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90313/ (дата обращения: 03.08.2020).

⁸⁴ Федеральный закон "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций" от 05.04.2010 №40-ФЗ / Материалы справочной правовой системы КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99113/ (дата обращения: 03.08.2020).

⁸⁵ Федеральный закон "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" от 05.04.2013 №44-ФЗ / Материалы справочной правовой системы КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 03.08.2020).

пространства от регионального уровня в федеральный центр. Безусловно, за региональными органами власти закреплялись собственные механизмы взаимодействия с представителями некоммерческих организаций, однако, основные ресурсы начали концентрироваться и распределяться через специальные инструменты, минуя властную территориальную иерархию.

Появление президентских грантов стимулировало рост численности НКО. Прямое финансирование обеспечивало выживаемость многих небольших креативных СО НКО из российских регионов.

С другой стороны, неоднозначным последствием повышенного внимания со стороны властей к деятельности некоммерческого сектора стала трансформация роли и участия НКО в жизни общества. Как справедливо отмечают эксперты АНО «Социологическая мастерская Задорина»⁸⁶ на этом этапе для многих НКО первостепенной задачей стало взаимодействие с властной элитой, тогда как обратной связи и оценке удовлетворенности нужд населения внимания уделялось значительно меньше.

Прямо пропорционально снизился уровень признания и доверия в обществе по отношению к деятельности НКО со стороны россиян. Об этом свидетельствуют исследования, проведенные в НИУ ВШЭ. В 2009 г. на вопрос о реальной роли НКО всего 2 % опрошенные ответили «очень значительную», более 70 % – «не особенно заметную»⁸⁷. И. Задорин назвал этот феномен «дефицит социальной поддержки»⁸⁸.

⁸⁶ Задорин И. В. Динамика развития и текущее состояние сектора НКО в России // Аналитический обзор по результатам анализа государственной статистики, баз данных НКО и опросов общественного мнения. – 2006. – 35 с. URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/9fd/061111.pdf> (дата обращения: 02.08.2020).

⁸⁷ Якобсон Л. И. Доверие населения к НКО: проблема общества и проблема сектора // Материалы Международной конференции «Повышение доверия к некоммерческим организациям: российский и международный опыт» (19-20 февраля 2009 г., г. Москва). URL: http://portal-nko.ru/files/Document/68/Files/1/ACI_x20_Conference_Trust_materials.pdf (дата обращения: 07.08.2020).

⁸⁸ Задорин И. В. Динамика развития и текущее состояние сектора НКО в России // Аналитический обзор по результатам анализа государственной статистики, баз данных НКО и опросов общественного мнения. – 2006. – 35 с. URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/9fd/061111.pdf> (дата обращения: 02.08.2020).

Именно в этот период впервые остро встает вопрос о финансовой и информационной прозрачности НКО перед населением. Данные вопросы определяют основные тренды преобразования сферы на последующем этапе.

2012 – 2021 гг. – упорядочивание правил для функционирования НКО; усиление над деятельностью со стороны государства; возвращение в коммуникационную систему отношений по линии «власть – НКО» на региональном уровне, активизация благотворительности.

Назревшие перемены в анализируемой сфере получили реализацию с подписанием президента РФ в 2012 г. законов «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав человека и свобод человека, прав и свобод граждан РФ»⁸⁹ и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁹⁰, фактически означавшие запрет на зарубежное финансирование НКО. Позже были приняты решения о создании реестра нежелательных организаций, принудительной регистрации НКО в качестве иностранных агентов по результатам проверки Минюста, уточнении понятия «политическая деятельность» и пр.

В российском некоммерческом секторе, таким образом, закрепились новые понятия «иностраннный агент» и «политическая деятельность». Они выступили водоразделом применения системных правил для функционирования НКО. По сути, появились два политико-правовых поля. Первое – для лояльных организаций, второе – для остальных.

По итогам первых проверок иностранных агентов среди российских НКО насчитывалось не более 100. Однако, статистикой подтверждается существенное влияние преобразований на третий сектор. Так, по данным Об-

⁸⁹ Федеральный закон "О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации" от 28.12.2012 №272-ФЗ (последняя редакция) / Материалы справочной правовой системы КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139994/ (дата обращения: 07.08.2020).

⁹⁰ Федеральный закон "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента" от 20.07.2012 №121-ФЗ (последняя редакция) / Материалы справочной правовой системы КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132900/ (дата обращения: 07.08.2020).

пественной палаты за 2012 г. прекратили свое существование свыше 52 тыс. некоммерческих организаций⁹¹. Среди них Сибирский экологический центр, Аналитический центр Юрия Левады, петербургский Центр развития некоммерческих организаций и др.

Далее, с 2013 по 2021 гг. показатель количества НКО колебался в пределах 10 %⁹². Однако, поддержанию коэффициента на должном уровне способствовало массовое появление некоммерческих организаций новых форматов.

С принятием Федерального закона от 3 июля 2016 г. №236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁹³ появился новый вид юридических лиц – публично-правовые компании, и новый субъект некоммерческой сферы – преобразованные в НКО госкорпорации.

Подобный вид ассоциированности в корне отличается от «классической» и позволяет делать сферу не только более многочисленной, но и более управляемой, по сути, встроить ее в систему государственной и региональной власти.

Подобная тенденция сращивания наблюдается и в связке коммерческий сектор / некоммерческий сектор. Это наглядно демонстрирует набирающий популярность межсекторальный формат – социальное предпринимательство.

Социальное предпринимательство во многом стало параллельным направлением социального проектирования, которое также получило специ-

⁹¹ Доклад Общественной палаты к форуму «Сообщество» за 2013 г / Материалы информационного агентства РосБизнесКонсалтинг, раздел «Политика», выпуск от 03.11.2015. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/11/2015/5638c5139a7947b51926c4eb> (дата обращения: 06.08.2020).

⁹² Доклад Общественной палаты к форуму «Сообщество» за 2013 г / Материалы информационного агентства РосБизнесКонсалтинг, раздел «Политика», выпуск от 03.11.2015. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/11/2015/5638c5139a7947b51926c4eb> (дата обращения: 06.08.2020).

⁹³ Федеральный закон "О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 03.07.2016 №236-ФЗ (последняя редакция) / Материалы справочной правовой системы КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200505/ (дата обращения: 07.08.2020).

альную инфраструктуру и государственную поддержку, как информационную, так и материальную.

Примечательно, что реализовывать новую для России идею начала в 2007 году некоммерческая организация Фонд региональных социальных программ «Наше будущее». А созданные в регионах России Центры инноваций социальной сферы (ЦИСС) продемонстрировали возможности нового формата взаимодействия власти и граждан по вопросам преобразования социальной сферы. Уже сейчас можно заключить, что он во многом превосходит по показателям эффективности и профессионализма и компетентные органы власти, и ресурсные центры НКО.

Повысить роль НКО был призван Федеральный закон от 23 июня 2016 г. №183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации»⁹⁴. В нем была регламентирована (существенно повышена) доля мест, которые могут занять только представители некоммерческих организаций, зарегистрированные на территории конкретного региона.

В 2015 г. было принято решение о более масштабном вовлечении социально ориентированных некоммерческих организаций в деятельность государства в социальной сфере. В результате реформы государственные и негосударственные акторы социальной сферы были уравнены в правах, обязанностях и предъявляемых к ним требованиях. Тем самым, НКО получили доступ к нише в социальном секторе, где до этого времени были представлены только компетентные органы государственной и региональной власти. В субъектах федерации появились реестры поставщиков социальных услуг⁹⁵.

⁹⁴ Федеральный закон "Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации" от 23.06.2016 №183-ФЗ (последняя редакция) / Материалы справочной правовой системы КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199983/ (дата обращения: 06.08.2020).

⁹⁵ Федеральный закон "Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации" от 28.12.2013 №442-ФЗ / Материалы справочной правовой системы КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/8aa93e4372acfa5dd8c704830619f2f65aa84528/ (дата обращения: 06.08.2020).

Однако, открывшиеся возможности не вызвали в некоммерческом секторе задуманного властями оживления. Среди причин можно указать сложную процедуру попадания в реестр, неадекватное ценообразование, высокую конкуренцию со стороны «классических» поставщиков – бюджетных учреждений.

На «формальный» характер реформы указывает тот факт, что немногие некоммерческие организации захотели пройти необходимую процедуру и попасть в новый реестр. Так, за 2015 – 2021 гг. в реестр поставщиков социальных услуг в одном из самых «активном» субъекте федерации городе Москва были включены всего 65 негосударственных организаций (общая численность реестра – 227)⁹⁶. Для сравнения в Мордовии значатся всего 74 поставщика, из них 19 – некоммерческие организации. 11-ть АНО были зарегистрированы в качестве юридического лица в феврале 2017 г., у одной организации учредителем является Республика Мордовия и Министерство социальной защиты, труда и занятости населения Республики Мордовия в соответствии с его компетенцией⁹⁷.

На сегодняшний день реальная картина положения дел кардинальным образом не меняется, сфера социальных услуг остается прерогативой государственных учреждений.

В качестве еще одной попытки изменить ситуацию можно считать инициативу Минэкономразвития и Агентства стратегических инициатив и Распоряжение Правительства РФ от 19 июня 2017 года №1284-р о включении заботы о социально ориентированных некоммерческих организациях и соци-

⁹⁶ Реестр поставщиков социальных услуг г. Москва // Официальный интернет-портал справочной информации Департамента труда и социальной защиты населения города Москва. URL: <http://www.dszn.ru/activities/federalnyy-zakon-ob-osnovakh-sotsialnogo-obslyuzhivaniya-grazhdan-442-fz/reestr-postavshchikov-sotsialnykh-uslug.php> (дата обращения: 07.08.2020).

⁹⁷ Реестр поставщиков социальных услуг Республики Мордовия // Официальный интернет-портал учреждений системы социальной защиты населения Республики Мордовия. URL: <http://soc13.ru/post> (дата обращения: 07.08.2020).

альном бизнесе в показатели эффективности (KPI) губернаторов⁹⁸. Элементами для оценки должны выступить: динамика количества СО НКО в конкретном регионе; создание специальной инфраструктуры для ведения некоммерческой деятельности; доля целевых субсидий в региональном бюджете для данных категорий юридических лиц; активность НКО на рынке социальных услуг (в том числе расширение реестра поставщиков социальных услуг).

Таким образом, Правительство РФ стремится подстегнуть начавшийся в 2012 – 2014 гг. процесс возвращения части заботы и ответственности за некоммерческий сектор на региональный уровень. Подобный стимул, однако, действенен не для всех территорий. Большая часть регионов продолжают управлять гражданскими структурами, и только в некоторые из субъектов федерации смогли выстроить эффективную работу с НКО.

Среди важных трендов развития некоммерческой сферы на данном этапе также можно отметить и те, которые получили развитие благодаря активным усилиям представителей НКО и общественности.

Первый из них – это активное привлечение нового источника средств – площадок для краудфандинга.

Народное финансирование некоммерческого сектора получило мощный виток развития со старта сбора средств для пострадавших от наводнения в Крымске (2012 г.). Также, именно в 2012 г. начали открываться первые крупные краудфандинговые платформы – «Boomstarter», «Planeta.ru» и пр. Изначально ориентированные на коммерческие стартапы (как их аналоги за рубежом), они трансформировались в интернет-площадки для сбора средств для социальных целей. Потенциал финансирования благотворительных и

⁹⁸ Распоряжение от 19 июня 2017 года №1284-р «О порядке расчёта рейтинга субъектов Федерации по итогам поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства» // Материалы сайта Правительства РФ. URL: <http://government.ru/docs/28227/> (дата обращения: 07.08.2020).

творческих проектов в российском обществе оказался значительно выше, чем коммерческих.

Не смотря на то, что краудфандинг в дальнейшем не получил должного системного развития, а десятки интернет-ресурсов прекратили свое существование, за период 2012 – 2016 гг. тысячи некоммерческих организаций и других гражданских объединений апробировали инструмент на практике, получив финансирование и известность.

Второе – вовлечение в процесс деятельности НКО телевидения.

Среди прочих каналов фандрайзинга российских некоммерческих организаций на анализируемом этапе выделились телевидение, обладающие широким информационным ресурсом для продвижения социальных проектов и благотворительности. Мероприятия и акции крупнейших благотворительных организаций превратились в информационный повод и стали обязательным пунктом в сетке вещания. На основных государственных каналах отечественного телевидения появились специальные рубрики для сбора средств. Отдельно можно отметить, «День добрых дел» на «Пятом канале», «Благотворительность» на НТВ, «Добро» на «Первом канале» и пр.

В поддержку и продвижение положительного имиджа благотворительных организаций выступили такие популярные телепередачи как шоу «Голос», «Голос. Дети», «Дети на льду. Звезды» (деньги от зрительского голосования идут на благотворительность), «Вечерний Ургант (интервью с представителями НКО), «Ты – супер!» (участники дети-сироты и дети, находящиеся в тяжелой жизненной ситуации) и др.

Благодаря отмеченным акциям были собраны миллионы рублей на помощь тяжелобольным детям, социальные проекты. Массовую известность получили Фонд содействия решению проблем аутизма в России «Выход», Фонду помощи хосписам «Вера», Благотворительный фонд «Линия жизни», Благотворительный фонд «Подари жизнь».

Третье – активизация движения волонтеров и добровольцев.

Тренд получил развитие в преддверии крупнейшего спортивного мероприятия в России – Олимпийских игр в Сочи (2014 г.), был активно использован на Летней Универсиаде в Казани (2013 г.), Кубке Конфедерации (2017 г.), Чемпионате мира по футболу (2018 г.). Появилась Ассоциация волонтерских центров, во всех регионах страны открыли специальные курсы обучения волонтеров.

Движения волонтеров и добровольцев выступили на указанном этапе в качестве автономного от привычных форматов НКО феномена, получили собственную инфраструктуру развития и были особым образом встроены в политическую систему управления. Не смотря на это, их достижения оказались индикатором потенциала «участия» молодежи в социальной сфере и некоммерческом секторе.

В заключение темы можно отметить, что 2012 – 2021 гг. прошли за явным преимуществом благотворительной компоненты в некоммерческом секторе. Организации иного функционала остались вне процесса аккумуляции масштабных человеческих, информационных, организационных, финансовых и иных ресурсов. Значительно суженым в этот период оказалось пространство деятельности правозащитных, экологических, просветительских и прочих некоммерческих организаций.

В целом, за время существования новой российской государственности некоммерческий сектор прошел довольно серьезный путь. Наиболее востребованная и конкурентоспособная российская некоммерческая организация образца 2021 г. – это структура, способная взять на себя часть функционала государства, использующая при этом весь перечень преференций некоммерческого формата: более эффективная и мобильная структура внутреннего устройства, возможности «мягкой» мобилизации общественных сил и пр. В деятельности современных НКО не последнее место занимают коммуникативные навыки в работе с органами власти и управления, без участия которых, по сути, становится невозможной реализация социальных проектов. В

связи с этим широкую практику получили НКО-партнеры, формально и неформально связанные с органами власти и управления, действующие на пересечении сфер деятельности секторов.

Представляется, что в дальнейшем эта тенденция только продолжит нарастать. Декларируемая «сверху» риторика относительно гражданского общества будет касаться именно данных аспектов и направлений развития.

Необходимо отменить и тот факт, что публичная сфера части регионов России сохраняет свои диалоговые способности. В связи с этим можно наблюдать достаточно эффективные модели объединения представителей власти, некоммерческих организаций, неформальных сообществ граждан для решения местных вопросов и преобразования социальной жизни. Безусловно, за ними стоит длительная и трудоемкая работа, прежде всего, со стороны властной элиты. Их позиция и подход к данному вопросу представляет особую ценность для развития некоммерческого сектора в целом по России.

1.3 НКО как институт гражданского общества в современных российских условиях: специфика, проблемы и перспективы развития

Тема гражданского общества, куда можно включить и вопрос о некоммерческом секторе, стоит особняком в российском политическом дискурсе. С одной стороны, изыскания отечественных авторов методологически основываются на базе стройных концепций зарубежных коллег, что оправдано, прежде всего, тем, что большая часть понятийного и категориального аппарата тематической области сложилась в трудах западных ученых. С другой стороны, существует непререкаемый консенсус относительно того, что западные исследования посвящены демократическим обществам, часто на примерах конкретных стран Запада, и едва ли могут быть аналогизированы для российской действительности.

Тем не менее, российские работы изобилуют разнообразием подходов и позиций относительно отличительного характера процессуального и функционального аспектов гражданского общества в России.

В частности, некоммерческий сектор как предмет исследования фигурирует в отечественной науке в двух аналитических формах: повествовательной и вопросительной. Первая часть исследователей пытается разрешить дилемму «ассоциированности без оппонирования», нередко доходя в своих размышлениях до полного отрицания существования гражданского общества в нашей стране, в целом. Вторая часть их коллег дефрагментирует его и изучает с точки зрения количества (сколько? где? кто?) и качества (как? для чего? каков результат?), акцентируя свое внимание на проблемных участках развития некоммерческого сектора. В целом, обе эти группы солидарны в признании корневой обусловленности и связи функционирования НКО и гражданского общества, в целом.

При объяснении причины слабости третьего сектора чаще всего звучит аргумент о специфике менталитета населения России и об особенностях ее исторического пути. Речь идет о деформированном восприятии себя в качестве субъекта политической жизни страны. Большинство авторов подчеркивает дуализм патологии в сфере гражданской самоорганизации. В частности, И. Н. Гаврилова говорит о двух пагубных привычках обеих сторон политической системы. С одной стороны, население надеется на опеку и поддержку государства, с другой стороны, чиновники не хотят делить груз профессиональных задач. Такие модели поведения вызывают функциональную асимметрию и соответствующие ей проблемы развития⁹⁹.

Той же позиции придерживается Р. Э. Бараш – обнаруживает корни такой системы в исторических факторах развития, а именно в том, что гражданское и политическое были всегда тесно переплетены в российском госу-

⁹⁹ Гаврилова И. Н. Третий сектор и гражданское общество в России: проблемы становления и развития // Полития. – 2003. – №3. – С. 70-84.

дарстве. В связи с этим, гражданскому обществу повсеместно приписываются черты оппозиционности и альтернативности линии государственной политики. Более того, представители власти заведомо видят в активных гражданах оппонентов и даже противников, а в механизмах гражданского контроля – угрозу для собственного существования. Повсеместно поднимая барьеры для роста гражданской самоорганизации, власть пытается обезопасить себя, законсервировать действующую политическую систему¹⁰⁰.

Опираясь на рассуждения Ю. А. Красина, можно заключить, что такое положение дел, в свою очередь, детонирует новый круг проблем и патологий развития. Под гражданским обществом автор понимает жизненную энергию, которая рождается из взаимных действий вокруг осей «оппозиция» и «партнерство»¹⁰¹¹⁰². Только использование обеих стратегий обеспечивают взаимопроникновение баланса и дисбаланса в политическом процессе общества.

Ю. А. Красин отмечает, что в России структуры гражданского общества были и остаются объектом «колонизации» со стороны представителей власти. Часто они заменяются и подменяются на искусственно созданные, поддерживающие только видимость гражданственности. Стремление структурировать неподвластную по сути сферу общественной жизни выливается в низкое качество и содержание последней по факту¹⁰³.

Однако в трудах ученого есть и обратный посыл. Он заключает, что гражданское общество таково, каковы граждане. Любые попытки создать или развивать его «сверху» абсурдны и обречены на провал. Энергия самоорганизации всегда направлена снизу вверх. Задача представителей власти не

¹⁰⁰ Бараш Р. Э. Гражданское общество как пространство свободы // Гражданское общество в России: 1000 статей / Материалы научной электронной библиотеки Гражданское общество в России. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=3008&printmode> (дата обращения 03.09.2020).

¹⁰¹ Красин Ю. А. Гражданское общество и государство: оппоненты-партнеры // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». – 2009. – №14/09. – С. 244-253.

¹⁰² Красин Ю. А. Гражданское общество и государство: оппоненты-партнеры // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». – 2009. – №14/09. – С. 244-253.

¹⁰³ Там же.

мешать движению этих потоков. Задача населения быть достойными гражданами, «хорошим обществом».

Интересен подход А. А. Аузана. Он также говорит о проблеме контракта между гражданами и властью. Углубляясь в концепцию колеи государственного развития, автор описывает, как в России раз за разом в различные исторические эпохи был неэффективно реализован общественный договор¹⁰⁴. Если первая попытка связана с периодом воссоединения российских земель после ига, то последняя – относится к периоду 2003 г. Именно в этом году состоялось «дело Юкоса», которое обозначило направление выстраивания взаимосвязей между властью и двумя другими секторами (бизнесом и НКО). А. А. Аузан оценивает его как структуру вертикального контракта. Основной ее признак заключается в том, что любую проблему приходится решать через верх, а не на том уровне, который наиболее близок к человеку¹⁰⁵.

Вертикальный контракт исключил множество групп населения из реальной политики. Среди них оказались и представители НКО, которые, как полагает автор, могли бы стать лекарством от «рентоориентированного» поведения (желание перераспределять, а не создавать), которое закрепилось в современной России. Наибольший удар пришелся по основанию переговорной силы любого общества – «правозащите».

С ними согласны многие другие авторы, однако, каждый из них аргументирует свой фактор «мутации».

М. Ховард объясняет перекося в действиях власти коммунистическим наследием. Принудительное массовое участие в контролируемых и организованных государством организациях и мероприятиях вызвали глубокое разочарование и отторжение в людях, в представителях власти – вера в собственное всемогущество¹⁰⁶.

¹⁰⁴ Аузан А. А. Общественный договор и гражданское общество // Мир России. – 2005. – №3. – С. 3-18.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Ховард М. М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе – М.: Аспект Пресс, 2009. – 192 с.

М. А. Молокова видит причину в «вертикальях потухших глаз»¹⁰⁷ и моноцентричном политическом режиме, который сложился в «нулевых» годах. Он отличался централизацией и построением жесткой «вертикали» власти на различных уровнях, привел к изживанию и выдавливанию политической конкуренции и закреплению публичной сферы.

Л. Шевцова называет сложившуюся политическую систему персоналистской¹⁰⁸. Она акцентирует свое внимание на проблеме легальности действий и общих возможностей оппозиции в России, подчеркивая, что в нашей стране возможна только внесистемная оппозиция и альтернатива. Системная – существует только как декоративная структура.

Слабость гражданского общества можно также объяснить несформированной системой политической идентичности россиян. Л. Е. Филиппова¹⁰⁹, в частности, отмечает, что в России не сложилось понимания, что есть общественная активность. Отсюда проистекает низкая вовлеченность в политику, гражданская пассивность и неэффективность любых мер по повышению гражданской активности масс.

Подобного подхода придерживается М. К. Горшков, связывая трансформации гражданского общества России с эпохой модернити, которая вызвала процессы ослабления и усиления различных видов идентичности. Непреодоленный кризис идентичности порождает неустойчивость практик гражданственности и ряд деструктивных тенденций в обозначенной сфере. К ним, в частности, относятся неготовность к восприятию новых идей, неспособность к саморегуляции, непрерывное видоизменение норм и ценностей, определяющих гражданское сознание и пр. Вместе с тем, затруднения развития гражданского общества в России обусловлены и тем, что помимо акти-

¹⁰⁷ Молокова М. А. Гражданское общество как фактор политической модернизации: проблемы и вызовы // Теория и практика общественного развития. – 2011. – №5. – С. 173-179.

¹⁰⁸ Shevtsova L. Change or Decay: Russia's Dilemma and the West's Response – Washington : Carnegie Endowment for International Peace, 2011. – 259 p.

¹⁰⁹ Филиппова Л. Е. Моральный порядок: должное и сущее // Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С. В. Патрушева. – М. : РОССПЭН, 2013. – С. 20-31.

визма гражданственность включает в себя банальную любовь к собственной стране и своей нации. Она, в свою очередь, неразрывно связана с осознанием своего гражданского долга, функциями, ответственностью. По сути, ключ к историческому выбору страны М. К. Горшков видит в формировании всех уровней идентичности россиян: национальной, политической, гражданской и др.¹¹⁰

Существует подход, который в центре проблемы ставит социальную основу всего российского социума. Например, Ю. В. Ирхин отмечает, что все население нашей страны расколото по различным линиям: бедные и богатые, элиты и народ, чиновники и остальные, центр и периферия и пр.¹¹¹ Такая дифференциация, как следствие, обуславливает отсутствие четко структурированных интересов и соответственно групп с общими признаками для идентификации и интеграции. Разобщенное общество имеет мало шансов договориться, прийти к компромиссам, сплотиться для отстаивания собственных интересов. Масштаб таких групп влияет на всю систему артикуляции интересов и обратной связи. Чем более многочисленны идентификационные группы, тем сложнее игнорировать их запросы и требования.

С. Кордонский объясняет феномен «русского гражданского общества» существованием специфической русской семьи, которая рождает такие формы гражданской самоорганизации как землячество, соседство, родство, этническая и конфессиональная принадлежность и пр.¹¹² Все они включают целый комплекс действий по реализации частных интересов. Иные вариации гражданственности пока чужеродны и неактуальны для населения России в быту, но используются в качестве доминирующей желаемой концепции развития гражданского общества.

¹¹⁰ Горшков М. К. Гражданское общество и гражданское сознание в современной России // Гуманитарий юга России. – 2013. – №2. – С. 12-22.

¹¹¹ Ирхин Ю. В. Гражданское общество в современной России: управляемое, направляемое или воздействующее? // *Ars Administrandi*. – 2010. – №1. – С. 3-16.

¹¹² Кордонский С. Г. Государство, гражданское общество и коррупция // Отечественные записки. – 2005. – №6 (27). URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/6/gosudarstvo-grazhdanskoe-obshchestvo-i-korruptsiya> (дата обращения 04.09.2020).

Автор вменяет российскому гражданскому обществу предикатив «неорганизованное», а государству – «несуразно организованное»¹¹³, замечая, что первое вовсе не требует организации по своей сути. Чем больше государство старается его упорядочить, тем больше получает эффектов нейтрализации в ответ.

Таким образом, наличие специфичности российского гражданского общества разделяется всеми без исключения российскими учеными, которые занимаются в русле данной тематики. Однако, позиции относительно источника исключительной конфигурации элементов, составляющих гражданское общество в России существенно расходятся. Аргументировано выглядят работы, сфокусированные на историческом наследии. Авторитарные и тоталитарные формы организации «декоративных» структур гражданского активизма едва ли могут быть подходящей платформой для оперативной реализации альтернативной вариации гражданской деятельности. С другой стороны, справедливой выглядит позиция о замыкании проблем гражданского общества на существующем на современном этапе особом политическом режиме власти и дизайне политической системы. Политические и правовые рамочные условия устанавливают особый свод правил «игры», которые позволяют с легкостью относить к девиантному поведению и применять набор методов наказания ко всему, что выходит за его рамки.

Очевиден тот факт, что гражданское общество в России – это сложная конструкция, с определенной долей переменных (к ним, думается, можно отнести часть политических решений и спонтанных событий), но с большей частью констант (историческая и реальная среды развития). Элементы этой конструкции не менее специфичны и сложны. В частности, особым образом оценивается в научной сфере роль и качественные характеристики российских некоммерческих организаций.

¹¹³ Кордонский С. Г. Государство, гражданское общество и коррупция // Отечественные записки. – 2005. – №6 (27). URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/6/gosudarstvo-grazhdanskoe-obshchestvo-i-korruptsiya> (дата обращения 04.09.2020).

Некоммерческий сектор – теоретическое и практическое пространства, в которых переплелись западная и восточная модели устройства гражданской самоорганизации, система специфичности развития российского гражданского общества, парадоксы декламируемого и реального, ожидания и надежды населения, чиновников, политиков и экспертов.

НКО в работах отечественных коллег выступают в виде комплексного компонента гражданского общества. С одной стороны, они заявляются как цементирующая сила всей структуры гражданского общества, в качестве стейкхолдеров развития, элемента, составляющего «политический ландшафт» демократического процесса¹¹⁴. С другой стороны, анализируются в качестве индикатора проблем в сфере гражданственности и политической идентичности.

Функционально и структурно российские НКО также наделяются специфичностью, обусловленной государственной привязкой явления. В связи с этим по мере трансформации политической системы России меняются позиции относительно состояния некоммерческого сектора в стране.

В перечислении нуждается ряд существенных системных проблем, которые с той или иной интенсивностью поднимаются в аналитических материалах отечественных авторов. В основном, мнение о них носит консенсусный характер, а содержание описания в трудах ученых варьируется. Целесообразно их объединение в тематические блоки.

Функциональные проблемы. Хронологию функциональных проблем развития некоммерческого сектора ведут сразу несколько рабочих групп ученых.

Среди лидера таковых можем отметить Л. И. Якобсона. Он отмечает, что долгое время в Российской Федерации тема некоммерческого сектора

¹¹⁴ Перегудов С. П. Гражданское общество как субъект публичной политики // Политические исследования. – 2006. – №2. – 139-150.

находились «на периферии бюрократического сознания»¹¹⁵, постепенно переходя от полного игнорирования к взаимному интересу. Его коллега И. В. Мерсиянова сравнивает развитие российского некоммерческого сектора «с полетом в космос»¹¹⁶, анализируя ситуации в 90-х гг. и на современном этапе. Она отмечает, что резкий скачок произошел как во взаимоотношениях государства и НКО, так и в самом секторе.

В составе авторского коллектива НИУ Высшая школа экономики ученые более 15 лет на фактическом материале вели мониторинг проблем НКО и гражданского общества в России. Традиционно в центре внимания находились несколько узловых точек роста и проблем, сообщающих о трансформации статусно-ролевых характеристик некоммерческого сектора. Среди них уровень доверия/недоверия со стороны населения, уровень вовлеченности в деятельность общественных организаций, потенциал самоорганизации, профессионализация в некоммерческом секторе и пр.

Сравнительный анализ в ретроспективе, затрагивающий перечисленные факторы, позволил И. В. Мерсияновой, Л. И. Якобсону и др. сделать выводы о том, что наиболее слабое место некоммерческого сектора – это слабость связи между НКО и самими гражданами. Отсюда вытекает низкий уровень информированности о деятельности некоммерческих структур, отсутствие доверия и поддержки со стороны населения, а также неучастие в инициативах, акциях и мероприятиях НКО.

Данные негативные тенденции демонстрируют устойчивый характер. За последнее десятилетие только треть россиян доверяли НКО хотя бы одного вида и лишь около 5 % доверяли НКО более чем пяти видов¹¹⁷. Информаци-

¹¹⁵ Якобсон Л. И. Роль эмпирических исследований в выработке политики государства по отношению к НКО // Эмпирические исследования гражданского общества: материалы общественных слушаний Общественной палатой РФ (25 сентября 2009 г., г. Москва). URL: <https://www.hse.ru/news/science/10678658.html> (дата обращения 07.09.2020).

¹¹⁶ Мерсиянова И. В. «Что за зверь такой НКО»? // Интервью православному portalу о благотворительности «Милосердию.ru» URL: <https://www.miloserdie.ru/article/chto-za-zver-takoj-nko-2/> (дата обращения 04.09.2020).

¹¹⁷ Мерсиянова И. В. Общественная активность населения и восприятие гражданами условий развития гражданского общества – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. URL: <https://www.hse.ru/data/956/615/1240/monitor1.pdf>

рованность о деятельности российских НКО остается фрагментарной, но, тем не менее, показатель вырос в пределах 10 %, с 73 % (2007 г.)¹¹⁸ до 85 % (2017 г.)¹¹⁹.

Уровень вовлеченности граждан в мероприятия некоммерческих структур рос менее активными темпами. Если в 2007 г. 14 % респондентов участвовали в деятельности НКО, то в 2015 г. – 19 %. На сегодняшнем этапе большинство россиян, по-прежнему, не состоит ни в одной инициативной организации¹²⁰. Также Россия за рассматриваемый период не смогла войти даже в сотню стран по рейтингу помощи незнакомцам, перечислению средств на благотворительность, волонтерской активности¹²¹.

Как отмечают Л. И. Якобсон и И. В. Мерсиянова, гражданское участие носило и носит преимущественно неформализованный характер. Оно раскрывается вне границ официального некоммерческого сектора. Спонтанная самоорганизация граждан неустойчива и неразвита. Проистекает там, где ситуация носит нестандартный и остроактуальный характер. Положение осложняется тем фактом, что граждане ждут от некоммерческих структур принятия на себя функции общественного контролера, тогда как заявленный

(дата обращения 07.09.2020); Мерсиянова И. В. Третий сектор в России и участие населения в деятельности НКО: презентация // Материалы Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора (июнь 2010 г., г. Москва). URL: [https://www.hse.ru/data/2010/07/05/1218733786/Мерсиянова %20 %20Третий %20сектор %20в %20России %20 %20- %20PowerPoint03.pdf](https://www.hse.ru/data/2010/07/05/1218733786/Мерсиянова%20%20Третий%20сектор%20в%20России%20%20PowerPoint03.pdf) (дата обращения 07.09.2020); Мерсиянова И. В. Индикаторы развития гражданского общества в России: результаты 10 лет наблюдений // Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ. – 2017. – №1(9). – С. 6-11. URL: <http://research.focus-nko.org/28.html> (дата обращения 07.09.2020).

¹¹⁸ Мерсиянова И. В. Общественная активность населения и восприятие гражданами условий развития гражданского общества – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. URL: <https://www.hse.ru/data/956/615/1240/monitor1.pdf> (дата обращения 07.09.2020).

¹¹⁹ Мерсиянова И. В. Индикаторы развития гражданского общества в России: результаты 10 лет наблюдений // Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ. – 2017. – №1(9). – С. 6-11. URL: <http://research.focus-nko.org/28.html> (дата обращения 07.09.2020).

¹²⁰ Мерсиянова И. В. «Что за зверь такой НКО»? // Интервью православному portalу о благотворительности «Милосердию.ru». URL: <https://www.miloserdie.ru/article/chto-za-zver-takoj-nko-2/> (дата обращения 04.09.2020).

¹²¹ Мерсиянова И. В. Мы помогаем, когда доверяем // Материалы официального сайта благотворительного фонда «Подари жизнь». URL: <https://www.podari-zhizn.ru/main/node/27487> (дата обращения 04.09.2020); Мировой рейтинг благотворительности стран 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017 / Материалы сайта топ рейтинги мира «Basetop». URL: <https://basetop.ru/mirovoy-reyting-blagotvoritelnosti-stran/> (дата обращения 07.09.2020).

функционал остается недостижимым для подавляющего большинства российских НКО¹²².

Руководитель исследовательской группы ЦИРКОН И. В. Задорин соглашается с мнением о том, что ассоциированность посредством включения в деятельность некоммерческих организаций не стала основным механизмом деятельности гражданского общества. Весь сектор, по его оценке, остается разделенным на несколько сегментов участников: традиционные организации «советского» типа (профсоюзы, ветеранские организации и помощь инвалидам); организации, берущие свое начало в 90-х гг., и сотрудничающие с иностранными партнерами; подконтрольные и лояльные государству организации, возникшие в середине 2000-х гг.; «низовые инициативы» с низким уровнем институционализации¹²³.

Такую специфичную и малоэффективную структуру И. В. Задорин связывает со сложной историей взаимоотношений НКО, власти, бизнеса и рядовых граждан. Именно проблемы в этом «треугольнике» отношений автор считает ключевыми, указывая на то, что никакие ограничения, вводимые со стороны представителей власти в системе некоммерческого сектора, на практике не могут конкурировать с проблемой капитального отрыва «общественников» от своей социальной базы¹²⁴.

Представляют значительный интерес результаты мониторинга состояния «третьего» сектора в России исследовательской группы ЦИРКОН, осуществленного в 2006-2009 гг. И. В. Задорин и его коллектив, в отличие от многих коллег, опрашивали лидеров-общественников по всей России и анализировали самооценку представителей НКО.

¹²² Мерсиянова И. В. Сотрудничество государства и структур гражданского общества в решении социальных проблем // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2011. – №2. – С. 5-24.

¹²³ Задорин И. В. Гражданское участие в России: картография проблем и решений // Полития. – 2011. – №1 (60). – С. 98-116. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Zadorin_Zaytsev_Klimov-2011-1.pdf (дата обращения 04.09.2020).

¹²⁴ Задорин И. В. Гражданское участие в России: картография проблем и решений // Полития. – 2011. – №1 (60). – С. 98-116. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Zadorin_Zaytsev_Klimov-2011-1.pdf (дата обращения 04.09.2020).

Непосредственные субъекты гражданского общества видят себя, по большей части ответов, малочисленными, структурно не определенными, финансово бедным и недостаточно самостоятельными¹²⁵. Среди факторов, сдерживающих их развитие, представители НКО чаще называют те, которые произрастают вне самого некоммерческого сектора. Например, несовершенство законодательной базы называют 54 % опрошенных, невосприимчивость власти к общественным запросам – 44 %, непрофессионализм властей – 40 %. Проблемы доверия и поддержки граждан упоминают только 28 % респондентов¹²⁶.

Похожая ситуация наблюдается в определении факторов, способствующих росту НКО. На обязательные «государственные» инициативы и стимулы указывает подавляющее число респондентов. Развитию гражданского самосознания придает значение не более 11 %¹²⁷.

Очевидное несовпадение позиций в оценке проблем функционирования некоммерческого сектора может свидетельствовать о разнонаправленности процессов и усложнении общей картины состояния российского «третьего» сектора, взаимопроникновении негативных тенденций. М. Слободская отмечает, что в сфере НКО циркулирует ряд мифов, которые представители «третьего» сектора изобрели сами о себе. В частности, они касаются структуры, функциональности и возможностей организаций. Она выделяет целый вид новых подобных НКО, которые являются сплавом из бизнес-структур, жела-

¹²⁵ Динамика развития и текущее состояние сектора НКО в России / Аналитический обзор №3 по результатам анализа государственной статистики и баз данных НКО // Материалы Исследовательской группы ЦИРКОН за 2008 г. URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/6d1/090206.pdf> (дата обращения 04.09.2020).

¹²⁶ Динамика развития и текущее состояние сектора НКО в России / Аналитический обзор по результатам анализа государственной статистики и баз данных НКО // Материалы Исследовательской группы ЦИРКОН за 2006 г. URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/9fd/061111.pdf> (дата обращения 04.09.2020); Динамика развития и текущее состояние сектора НКО в России / Аналитический обзор №2 по результатам анализа государственной статистики и баз данных НКО // Материалы Исследовательской группы ЦИРКОН за 2007 г. URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/8bd/080331.pdf> (дата обращения 04.09.2020); Динамика развития и текущее состояние сектора НКО в России / Аналитический обзор №3 по результатам анализа государственной статистики и баз данных НКО // Материалы Исследовательской группы ЦИРКОН за 2008 г. URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/6d1/090206.pdf> (дата обращения 04.09.2020); «Третий сектор» в РФ: оценка влияния / Аналитический обзор по результатам массового опроса населения // Материалы Исследовательской группы ЦИРКОН за 2007-2008 гг. URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/a64/080330.pdf> (дата обращения 04.09.2020).

¹²⁷ Там же.

ющих зарабатывать в новом качестве, с жесткой иерархией и нетоповыми специалистами в своем составе.

Новый вид некоммерческих организаций, включает она, во многом не готов брать на себя социальные функции государства и примерять на себя весь комплекс институциональной ответственности, поэтому он перетекает в удобные формы, в том числе, в неформализованный Интернет¹²⁸.

К этому мнению присоединяется Д. Г. Евстафьев. Он отмечает, что некоммерческие организации в системе российского политического процесса не нашли своего места и «плывут по течению». Такая пассивная позиция превратила институт гражданского общества в один из видов «клубов» – информационных субпространств, слабо взаимодействующих между собой¹²⁹.

Интересной представляется концепция С. Сусловой¹³⁰. Она применяет в качестве теоретической платформы анализа развития российского некоммерческого сектора теории спроса и предложения на основе их специфической формы хозяйствования, анализирует «контрактные провалы». Делает вывод, что в России можно говорить о недостатках сразу всех секторов вследствие существенных институциональных ограничений.

Некоммерческий сектор на современном этапе развития определяется больше предложением, чем спросом. Но как в первом, так и во втором случае можно констатировать «провалы». Факторы, влияющие на «провалы» предложения некоммерческого сектора – это сложности формализации деятельности (забюрократизированность процедур регистрации и осуществления деятельности), недостаток постоянного финансирования, ужесточение системы регулирования деятельности НКО со стороны государства.

¹²⁸ Из окопа в Интернет // Материалы заседания Комиссии по развитию гражданского общества на тему «Рост гражданского общества: условия и перспективы» (16 марта 2011 г., г. Москва). URL: <https://www.oprf.ru/ru/press/news/2011/newsitem/8703> (дата обращения 04.09.2020).

¹²⁹ Евстафьев Д. Г. Интегрированные коммуникации как глобальная реальность XXI века. 500 тезисов об интегрированных коммуникациях – М. : ЭРА, 2013. – 652 с. С. 275

¹³⁰ Сулова С. В. Экономические факторы развития российского некоммерческого сектора // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2011. – №4. – С. 6-12.

Активность и инициативность отдельных граждан – основа, на которой формируются единичные предложения НКО. При этом уровень информированности общества о качественных и количественных характеристиках организаций, мероприятиях и деятельности остается минимальным, как и, в целом, спрос на их услуги. Такая ситуация обуславливает «провалы» в системе «спроса».

Сложившийся дисбаланс спроса/предложения закрепляется на государственном уровне. Выбираемые стратегии отношений с организациями некоммерческого сектора приводят либо к свертыванию деятельности в случае игнорирования или ужесточения контроля, либо к бюрократизации самих НКО в случае предоставления им существенных преференций¹³¹.

Среди факторов, влияющих на развитие тенденции, можно отметить следующие:

- в российском публичном пространстве токсичным оказывается любое оппонирование решениям чиновников любого уровня;
- бюджет НКО, придерживающихся наиболее распространенных видов деятельности, является проще наполняемым, их инициативы поддерживаются в рамках президентских грантов, логично выглядят на площадках краудфандинга и др.
- развитие части направлений деятельности гражданских структур ограничивают нововведения законодательной базы деятельности некоммерческих структур, в том числе, размытость формулировки о политической деятельности;
- в структурах, контролирующих и сопровождающих деятельность НКО, существует негласное консолидированное мнение об «удобных» и «неудобных» направлениях работы НКО, помимо этого, внутреннее простран-

¹³¹ Суслова С. В. Некоммерческие производители на региональных квазирынках социальных услуг // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2014. – №3. – С. 72-89.

ство НКО не консолидировано и не самоорганизовано в нужной степени, чтобы отстоять актуальные рабочие ниши.

Внимание к проблеме было обращено в рамках работы Форума социальных инноваций регионов. Совет Федерации совместно с Росстатом подготовили портрет социально ориентированных НКО, на примере которого актуализировали проблему неравномерного распределения усилий гражданских структур и ухода НКО из малочисленных направлений развития социальной сферы¹³². Однако, помимо количественного анализа экспертами не было предпринято попыток оценки последствий действия тенденции в качественном выражении. Не фокусируется их внимание и на отсутствии укорененных в действующей политической системе организаций-«правозащитников».

Ю. В. Ирхин выделяет данный тип НКО в отдельный блок гражданских структур (всего их 4), отличаемых по моделям функционирования в российском обществе и выстраивания взаимоотношений с властью. К ним ученый относит организации, занимающиеся контролем за деятельностью исполнительной власти, в том числе правоохранительных органов, а также соблюдением прав, свобод граждан, состоянием системы выборов различных уровней. Он отмечает, что в современной России именно этот блок ассоциированности нередко воспринимается представителями власти в качестве оппонентов и «помехи в работе»¹³³.

Тем не менее, нельзя отрицать факт важной функциональной нагрузки правозащитного сектора, если по принципу председателя Московской Хельсинкской Группы Л. М. Алексеевой¹³⁴ различать истинных правозащитников и тех противников власти, кто избрал правозащитное движение как форму

¹³² В России растет число патриотических и спортивных НКО / Доклад Г. Кареловой о портрете социально ориентированных НКО по данным Совета Федерации и Росстата // Известия. – 06.04.2017. URL: <https://iz.ru/news/677126> (дата обращения 17.09.2020).

¹³³ Ирхин Ю. В. Гражданское общество в современной России: особенности, проблемы и тенденции развития // Социология власти. – 2009. – №7. – С. 16-28.

¹³⁴ Алексеева Л. М. История инакомыслия в России. Новейший период – М. : ЗАО РИЦ «Зацепя», 2001. – 382 с.

антигосударственной деятельности. Она же отмечает, что российский некоммерческий сектор медленно, но прирастает такими организациями как, например, «ФАР», которая борется за равенство водителей на дорогах и пр., и которые оказывают разнообразные социальные эффекты за пределами большой политики¹³⁵.

Справедливо мнение А. Ю. Сунгурова, который подчеркивает, что правозащитные организации занимают совершенно особую роль на каждом из этапов в принятии политических решений любого государства¹³⁶. Помимо мониторинга на заключительном этапе в их арсенале есть уникальные методы «проработки» законодательных инициатив, такие как «письма публичной озабоченности», «участие в переговорных площадках», «экспертные заключения» и др. Ограничение деятельности «правозащиты» и сознательное выведение их из числа конкурентоспособных некоммерческих структур, может привести к дисфункциональности всей системы гражданского общества и создать предпосылки для роста теневых очагов протестного движения.

Функциональные проблемы являются наиболее закоренелыми, трудно-разрешаемыми, проходят красной линией через все сферы функционирования НКО и оказывают огромное влияние на сектор в целом. Думается, что все ниженазванные анализируемые тенденции обуславливаются, пересекаются и соприкасаются с этим блоком проблем. Решение по их разрешению не может быть простым и безболезненным, потому что в отличии, например, от компьютера, у российского государства нельзя поменять «материнскую плату» и обнулить все возникающие сбои в системе. С другой стороны, они первоочередны на реформирование. Только модифицирование основ способно качественно скорректировать иные проблемные звенья.

¹³⁵ Л. Алексеева: «Правозащитников ругают – значит, их работа эффективна» // Интервью Л. М. Алексеевой portalу «Волга-Дон». URL: <http://volga-don.org/newsforngo-8/> (дата обращения 17.09.2020).

¹³⁶ Сунгуров А. Ю. Участие правозащитных организаций в процессе принятия властных решений // Роль правозащитных организаций в принятии государственных решений и влияние на общественное мнение / под ред. Т. И. Виноградовой. – Виртуальная библиотека Исследовательского комитета РАПН по проблемам прав человека. – 2006. – №3. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Sungurov_uchastie.pdf (дата обращения 17.09.2020).

Коммуникационные проблемы. Данное направление исследований достаточно популярно среди отечественных ученых, в связи с этим коммуникационное пространство гражданского общества в российском дискурсе аспектно-ориентировано – выявляется множество проблемных точек и дефективностей.

Среди подобных аспектов, применительно к российским некоммерческим организациям, можно выделить проблемы по линиям: НКО – государство; НКО – граждане; НКО – НКО; НКО – бизнес-структуры.

Первая линия отношений рассматривается в связке с политическими проблемами российского общества и патологической доминирующей ролью государства в сфере гражданских коммуникаций. Например, С. П. Перегудов рассматривает некоммерческий сектор через призму концепции корпоративного гражданства. Сравнивая гражданские структуры западных стран, США и России, автор отмечает, что отечественные НКО лишены стимулов к наращиванию активности. Это происходит по причине установления модели коммуникаций по принципу властной вертикали¹³⁷ – безоговорочного подчинения центру и установление им «повестки дня». В результате чего реальные гражданские устремления либо сдерживаются, либо игнорируются, «обратная связь» не воспринимается в центре как актуальная и необходимая для функционирования системы.

Указанный феномен можно рассматривать и через призму проблем коммуникационного пространства остальных уровней управления. Сложившаяся «властная вертикаль» и обусловленная ей централизация властных полномочий привела к дисфункциональности нижестоящих властных уровней. Стянутое в федеральный центр административное ресурсное обеспечение фактически лишило необходимого инструментария представителей власти регионального уровня, которым оказалось нечем стимулировать неком-

¹³⁷ Перегудов С. П. Гражданское общество как субъект публичной политики // Политические исследования. – 2006. – №2. – 139-150.

мерческий сектор своей территории. Подавляющая часть региональных властных элит оказалась исключенной из коммуникационного пространства по поводу производства социального продукта собственных территорий.

Однако, сложившаяся на «местах» ситуация оказывается сложнее и парадоксальнее, если обратиться к ней с учетом российских региональных практик, по факту продемонстрировавших ряд характерных черт:

- отсутствие необходимых компетенций и профессионализма у региональных чиновников для поддержания диалогового функционала (в том числе, отсутствие конкурентной среды профессионального отбора на ряд актуальных для развития сферы должностей);

- традиционную информационную закрытость и низкую адаптивность компетентных органов к потребностям гражданских структур и населения региона, в целом;

- отсутствие у руководства компетентных органов желания нагружать свой персонал дополнительной деятельностью сверх того, что «спущено» из центра, а также осваивать огромный пласт работ, связанных с деятельностью НКО территории, который может инициироваться только региональной элитой;

- уклонение от значительных финансовых расходов для создания инфраструктуры некоммерческого сектора, поддержки гражданских инициатив, подключения НКО к решению конкретных региональных проблем социальной сферы;

- «ревностное» отношение к гражданским структурам (вплоть до противоборства), нежелание делить свою рабочую нишу и ресурсы с общественными структурами, отчитываться и согласовывать свои действия с таковыми.

Также остаются актуальными традиционные проблемы региональных пространств. Сохраняется низкий уровень региональной политической культуры (за некоторым исключением), отсутствует запрос на развитие публичной политики. Политические процессы внутрирегиональных пространств ре-

гионов и устремления и инициативы федерального центра остаются разнонаправленными, несравнимыми по требуемому качеству и динамике преобразований. На уровнях регионов концентрируется недостаточная доля ресурсов, необходимых для направления их на развитие НКО.

Можно констатировать, что НКО в глазах региональных элит выглядит как дополнительная финансовая и организационная нагрузка, но при этом и бесплатная рабочая сила, которая должна обеспечивать развитие социальной сферы под надзором компетентных органов. Заинтересованность региональных властных структур в выстраивании отношений с НКО на сегодняшнем этапе основывается, прежде всего, на задачах, которые им «спускаются» центром и ограничивается следующими критериями оценки:

- преодоление необходимого порогового количества мероприятий с участием НКО;
- привлечение НКО территории к общероссийским конкурсам, акциям и мероприятиям, в которых подразумевается многоэтапная схема отбора (муниципалитеты, регионы, общероссийское пространство);
- составление отчетов о состоянии гражданской сферы, поддержание статистических показателей развития на должном уровне;
- освоение бюджетных и внебюджетных средств, выделенных регионам на определенные направления развития социальной сферы (с участием гражданских сил) и пр.

Заинтересованность НКО в представителях власти, как правило, основывается на получении необходимой для них ресурсности, благ и преференций, а также включении властей в решение проблем, которые не регулируются вне регионального бюрократического аппарата.

Часты случаи аффилированности НКО с отдельными структурами власти или их представителями, по типу одноименной проблемы в бизнес-процессах. Это характерно именно для провинциальных случаев по ряду причин.

Во-первых, представители властных структур наилучшим образом осведомлены о возможности участия НКО в определенных региональных программах и проектах, которые финансово обеспечены, но информационно закрыты для прозрачной процедуры вхождения. Желание освоения данного ресурса рождает необходимость создания «дочерних» некоммерческих структур, аффилированных организаций, чьими лидерами могут выступать родственники, друзья, знакомые и прочие лица. К слову, не всегда с корыстными намерениями. Помимо финансовых благ «управляемая некоммерческая организация» приносит необходимые показатели для отчетности, участие в мероприятиях.

Во-вторых, наиболее заметные представители общественности, лидеры и активисты, занимающие определенные должности в иерархии структур власти и НКО, в небольших внутрирегиональных пространствах являются знакомыми или так или иначе связанными между собой. Это исключает попадание в ранг «приближенных» и привлеченных к диалоговым процессам «случайных» людей и организаций.

Стоит уточнить, что такая проблематика особенно характерна для небольших российских территорий, которых, тем не менее, большинство. Процессы наращивания централизации для них — это возможность уйти от негативных последствий функционирования гибридных непрозрачных региональных моделей взаимоотношений, а принципы федерального центра выглядят более справедливыми и единообразными. Именно поэтому выведение региональных элит из состава акторов коммуникационной цепочки «НКО — государство» с одобрением воспринимаются самими представителями гражданских структур.

Выделяется целая группа регионов, в которых сложились исключительные по меркам страны отношения между властями и НКО. Это такие регионы как г. Москва и Московская область, г. Санкт-Петербург, Нижегородская, Самарская, Новосибирская области, Красноярский край. В каждом кон-

кретном случае путь преодоления системных проблем уникален, во многом продиктован возможностями внутрирегиональных пространств, в том числе, благодаря усилиям властных элит по поддержанию качественных свойств публичной сферы.

Вторая линия отношений уже была проанализирована выше в рамках обсуждения функциональных проблем. Отмечалось, что система отношений «НКО – граждане» развивается в условиях сложившегося отрыва некоммерческих структур от своей социальной базы, низкой информированности о деятельности НКО, перекоса в распределении мощностей по социальным сферам общества.

Помимо этого, можно констатировать, что по большей части рабочие и эффективные российские НКО – это, так называемые, «корпоративные монстры», которые масштабируют свою деятельность на пространство всей России. Им посильно нести организационные издержки, привлекать профессионалов высокого уровня, соответствовать критериям, применяемым к некоммерческим структурам со стороны представителей власти.

Сложилась ситуация, когда среднестатистический житель России (не активист) назовет десять самых крупных «московских» НКО, но не назовет больше двух официальных региональных структур.

В свою очередь, реальная низовая ассоциированность (решение проблем района, местного интерната, знакомой семьи) концентрируется в сети «Интернет» и социальных сетях, явными преимуществами которых являются: а) совместная выработка сообществом правил поведения, ценностей, форм подотчетности и частоты участия каждого его «члена»; б) высокий уровень доверия в рамках специализированных групп, основанный на учащемся контактном обмене и личном общении, а также на «местной» ускоренности лидеров (знакомый знакомого, друг, сосед, родственник).

Целый слой ассоциированности точечной деятельности гражданской самоорганизации выведенный из формализованной среды, тем не менее, крайне востребован потребителями услуг.

Среди факторов, которые способствуют закреплению данной тенденции, можно отметить следующие:

- официальные правила регистрации и функционирования НКО остаются громоздкими, вид схем финансовой выживаемости идентичен формам деятельности бизнес-структур. К примеру, налоговая служба не выделяет НКО в отдельный объект направления работы;

- возможность «малых» НКО участвовать в распределении финансовых ресурсов значительно снижена в виду характерной позиции государственных и региональных органов власти. До последней трансформации в системе президентских грантов точечные проекты не приветствовались. В региональном измерении проходной минимум к распределению грантов и субсидий для НКО – наличие финансовых ресурсов и опыта реализации крупных проектов;

- в публичном пространстве социальной сферы намечен тренд на привлечение в НКО «хэдлайнера» (известного человека из сферы кино, музыки и др.), притягивающего внимание, информационные и финансовые ресурсы, повышающего уровень доверия, который остается недоступным для местных НКО.

- получившие распространение в последнее десятилетие социальные сети выступают в качестве альтернативы официальным формам гражданских структур, обходя проблемные участки легального пространства – регистрацию, отчетность, требования соответствия определённым критериям.

Перечисленные проблемы коммуникационного пространства анализируемой линии «НКО – граждане» свидетельствуют о наметившейся тенденции существования НКО без социальной базы, а граждан без правовой и ресурсной платформы некоммерческого сектора, что по мере нарастания может

привести к дезинтеграции гражданского общества и функциональной несостоятельности традиционного некоммерческого сектора в России. В связи с этим, вопрос требует детальной проработки на уровне теоретического объяснения и эмпирических проявлений.

Третья линия отношений касается комплекса внутриспространственных проблем НКО. Прежде всего, сложившихся поведенческих моделей структур некоммерческого сектора.

На сегодняшний день можно говорить об отсутствии «культуры солидарного действия» – эффективного сотрудничества и консолидации гражданских структур вокруг социальных проблем. Наиболее распространённая модель поведения НКО на внутриспространственном уровне – это латентное противоборство и конкуренция за ресурсы и преференции от власти, которые по тем или иным причинам, оказываются значительно ограниченными и труднодоступными.

Борющиеся за целевую аудиторию и финансовые блага организации, как отмечает С. В. Белоусова, закрывают собственное информационное пространство, в результате чего теряют возможность построения эффективной коммуникации друг с другом, с гражданами и представителями других секторов. Подобная закрытость способствует возникновению дисбаланса между коммуникационной средой и внутренней конкуренции в сфере некоммерческого сектора¹³⁸.

Достаточно редки случаи реализации проектов, в рамках которых объединили свои усилия несколько организаций. В основном, они точечны и сосредоточены вокруг местной проблемы. Исключения составляют только благотворительные организации и профессиональные ассоциации. К примеру, проект «Так просто!» Агентства социальной информации и Центра развития некоммерческих организаций и фонд «Созидание», в базу которого входят

¹³⁸ Белоусова С. В. Актуальные проблемы некоммерческого сектора: коммуникационный аспект // Вестник РУДН, серия «Политология». – 2014. – №3. – С. 23-30.

сотни российских благотворительных НКО; проект «Центр активных людей», который начинался как союз нижегородских НКО и ТОС, но затем был значительно расширен; создание Ассоциации Благотворителей «Белый цветок» и пр.

Консолидация распространена среди донорства, в том числе, с привлечением иностранных партнеров. Активную позицию в этом вопросе занимает Центр крови Федерального медико-биологического агентства. Формально не относящийся к некоммерческому сектору ФМБА России объединяет под своей эгидой десятки НКО этого направления деятельности.

Данный тип посредничества, когда в среде межсекторального сотрудничества связующим звеном выступает внесистемный актор, также опробуется в современной России. Можно отметить большой столичный проект Комитета общественных связей Москвы «Душевная Москва», объединяющий некоммерческие организации для продвижения идеи взаимопомощи среди москвичей.

Направление по инфраструктурной поддержке в регионах осваивают получившие распространение в 2013-2014 гг. ресурсные центры. В задачи их функционирования входят информационные, консультационные, методические, организационные услуги и иная поддержка НКО. В ряде регионов «ресурсники» стали инициаторами разработки новых технологий взаимодействия с местными НКО и целого спектра нестандартных мероприятий. Например, Фонд «Центр Грани» г. Перми запустил онлайн-приемную для представителей российских НКО; Благотворительная общественная организация «Центр развития некоммерческих организаций» г. Санкт-Петербурга организовала и продвигает акцию «Белые ночи фандрайзинга» – площадку для общения представителей НКО, фандрайзинг-сервисов, благотворителей и операторов грантовых конкурсов и пр.¹³⁹.

¹³⁹ Соколов А. В. Особенности функционирования ресурсных центров некоммерческих организаций в России // Власть. – 2015. – №6. – С. 52-57.

Таким образом, внутрисекторальное партнерство в некоммерческом секторе в современной России не стало нормой. Немногочисленными остаются примеры эффективного сотрудничества НКО, достаточно редки мощные ресурсные центры и сетевые объединения с яркими технологиями социальной сферы. Призванные решать общественные задачи некоммерческие организации поглощены собственными внутренними трудностями. Помимо этого, к комплексу пока не разрабóтанных внутренних проблем присоединяются внешние барьеры: сложности коммуникационного процесса с властью, несовершенства законодательной базы, финансовая необеспеченность и пр. Сложно идут процессы формирования идентичности, не выработано единого ответа на вопрос «кто мы?». Поскольку нет внятной «самопрезентации», сектор не воспринимается единым фронтом в глазах аудитории. Не определены комфортные и приемлемые формы посредничества в вопросах интеграции. Ресурсные центры, в большинстве случаев, крайне редко занимают ту нишу, которая им была намечена в изначальных планах. Однако, крайне интересной является немногочисленная региональная низовая самоорганизация, особенно – проекты по объединению ресурсов с целью продвижения конкретных социальных преобразований.

В рамках четвертой коммуникационной линии «НКО – бизнес» можно говорить о разнонаправленности сложившихся тенденций развития. С одной стороны, большая часть представителей бизнеса остается далекой от некоммерческих акций и равнодушной относительно преобразования социальной сферы. НКО выступают в качестве «просителей», традиционно ищут выходы на заинтересованный персонал, решают вопросы посредством личных связей.

С другой стороны, можно говорить о появлении новых форм участия отдельных бизнесменов и бизнес-структур в благотворительных мероприятиях, наращивание активности малого бизнеса и появление корпоративных программ помощи.

Часть таких практик является совершенно уникальными. Например, Благотворительный Фонд Константина Хабенского и ВТБ24 разработали онлайн-механизм в платежной системе банка, который дает возможность клиентам-юридическим лицам по заданным параметрам внести желаемую сумму на лечение детей с заболеваниями головного мозга. ПАО «МегаФон» принимало участие в десятках просветительских проектов: конкурс «Помогать настоящему», проекты «Добро начинается с тебя», «МегаФон дарит надежду», профориентационная программа для подростков-сирот¹⁴⁰. Помимо этого в ряде регионов действуют специальные программы и гранты поддержки НКО. Подобную форму сотрудничества использует компания РЖД, которой в 2009 г. был создан Благотворительный фонд «Транссоюз». Основной целью фонда является содействие деятельности благотворительных фондов социальной помощи детям. Также активное участие представители РЖД принимают в программах, направленных на сохранение объектов культуры, возрождение храмов и монастырей.

Четко прописанная социальная политика встречается у многих бизнес-гигантов. По данным исследовательского коллектива Благотворительного фонда «Нужна помощь» 75 % крупных компаний России участвуют в благотворительности, 62 % из них имеют регулярные социальные проекты. Достаточно большая доля бизнес-структур в 43 % осуществляют помощь через НКО-партнеров. Помимо этого 23 % организуют собственные мероприятия и акции, а 15 % имеют собственный благотворительный фонд¹⁴¹.

В рамках исследования «Корпоративная благотворительность в России: оценка эффективности работы существующей институциональной среды» подсчитано, что по общему объему благотворительной помощи бизнес значительно опережает и некоммерческие организации, и государственные

¹⁴⁰ Бизнес и НКО: вместе за лучшее будущее. Сборник кейсов. – СПб, ЦРНО, 2016. – 154 с. URL: <https://ngokitche.ru/wp-content/uploads/2017/01/BusinessNGO.pdf> (дата обращения 01.10.2020).

¹⁴¹ Благотворительность крупнейших компаний России: Что видно публике? / Материалы Благотворительного фонда «Нужна помощь». URL: <https://nuzhnaypomosh.ru/research/2017/blagotvoritelnost-krupnogo-biznesa/> (дата обращения 01.10.2020).

учреждения, и частные лица. Отмечается, что наибольшие ресурсы выделяются крупными бизнес-структурами¹⁴².

Отдельное место занимают представители бизнеса, инициировавшие достаточно крупные и работоспособные некоммерческие структуры. Такие как Благотворительный фонд «Искусство, наука и спорт» А. Усманова, Благотворительный фонд «Система» одноименной коммерческой компании, Фонд «Вольное дело» О. Дерипаски, Благотворительный фонд В. Потанина и пр.

Как уже отмечалось, бизнес-структуры выбирают несколько способов направления своих ресурсов в социальную сферу: при посредничестве официальных представителей государственных учреждений, некоммерческих организаций, через собственные фонды помощи целевым группам. По справедливому замечанию представителя Института корпоративного развития группы компаний «Ренова» О. Алексеева первый способ часто предполагает «корпоративные социальные обязательства» по-советски, тогда как второй – именно «корпоративную социальную ответственность»¹⁴³, рождаемую в межсекторальном диалоге. Определяя роль некоммерческого сектора в коммуникации с социально ответственным бизнесом, он отмечает, что НКО выступает гарантом профессионального и экономически эффективного исполнения социальных проектов. Обладая знаниями о болевых точках социальной сферы и о работоспособных технологиях их нейтрализации, НКО агрегирует общественные интересы и коммерческие ресурсы.

Что касается среднего и малого бизнеса, то тут наблюдается иная, часто обратная картина. На сегодняшнем этапе можно говорить о слабых свя-

¹⁴² Корпоративная благотворительность в России: оценка эффективности работы существующей институциональной среды: результаты исследования Общественной палаты РФ // Материалы официального сайта Общественной палаты РФ. URL: <https://www.oprf.ru/ru/about/structure/structurenews/newsitem/14559> (дата обращения 02.10.2020).

¹⁴³ Олег Алексеев: «Корпоративная социальная ответственность возникает в результате гражданского диалога между властью, бизнесом и обществом» / Интервью с директором корпоративных проектов Института корпоративного развития Олегом Алексеевым // Материалы делового журнала в области КСО «Устойчивый бизнес». URL: <http://csrjournal.com/1374-oleg-alekseev-korporativnaja-socialnaja.html> (дата обращения 02.10.2020).

зях и недостаточности коммуникации бизнеса и НКО. По данным 2016 г. 51 % бизнес-структур сегодня вообще не имеют опыта взаимодействия с НКО. Крайне низки интенсивность их общения и общая информированность друг о друге в регионах. Зачастую формат взаимодействия ограничивается заочным знакомством¹⁴⁴.

Подобные трудности можно объяснить бытующими в секторах традиционными суждениями в отношении друг друга. НКО отмечают неотзывчивость и скупость бизнеса, отсутствие реального интереса участия в некоммерческих проектах. Представители бизнеса по-прежнему с недоверием относятся к некоммерческим структурам, опасаются нецелевого расходования выделяемых средств. Личные контакты и знакомства – остаются единственным способом проверки партнера и гарантом «отзывчивости», с одной стороны, и «надежности», с другой стороны.

Таким образом, в коммуникационной системе «НКО – бизнес-структуры» намечены новые прогрессивные формы коммуникации. Но на сегодняшний день они ограничены крупными акторами межсекторального взаимодействия. Небольшие гражданские структуры, во-первых, не могут преодолеть токсичности сложившегося негативного имиджа относительно некоммерческого сектора, во-вторых, продолжают работать «по старинке» – оставаясь в роли «просителя», а не «партнера», образуя «серое» пространство взаимодействия и неформальные форматы общения.

Финансовые проблемы. Бюджетная наполняемость является центральной категорией в проблемном поле некоммерческого сектора. Ее анализ подытоживает описанные ранее проблемы, в некоторых случаях – объясняет их существование. На сегодняшний день возможность освоения финансовых

¹⁴⁴ Корпоративная благотворительность в России: оценка эффективности работы существующей институциональной среды: результаты исследования Общественной палаты РФ // Материалы официального сайта Общественной палаты РФ. URL: <https://www.oprf.ru/ru/about/structure/structurenews/newsitem/14559> (дата обращения 02.10.2020).

ресурсов – вопрос рождения, жизни и смерти для подавляющего большинства российских НКО.

Согласимся с А. Б. Ситкиным¹⁴⁵, который в своих исследованиях выделяет до пяти функциональных проблем малообеспеченного некоммерческого сектора. Во-первых, финансовая бюджетная зависимость от государства обуславливает политическую подчиненность. Во-вторых, становится маловероятным привлечение настоящих профессионалов для исполнения проектов, управления и продвижения организации. В-третьих, ресурсов некоммерческого сектора не хватает для реализации крупномасштабных преобразований, производства и распределения общественных благ и услуг. В-четвертых, охват аудитории нуждающихся ограничивается небольшими группами населения. Все перечисленное ведет к утрате специальной миссии НКО, функционального предназначения и делает некоммерческий сектор малопривлекательным для граждан.

В современной России финансовые проблемы некоммерческого сектора имели несколько витков актуализации. Первый из них был связан с определением круга источников финансирования с момента зарождения и становления сферы. На социальный рынок страны пришли зарубежные сетевые инвесторы. Второй – датируется началом первого президентского срока В. В. Путина, который обратил свое внимание на целесообразность оказания финансовой поддержки российским НКО. Была введена система президентских грантов. Третий виток можно связать с законодательными инициативами, касающимися иностранного финансирования и статуса иноагента, которые фактически значительно ограничили НКО в выборе источников финансирования. По данным Минэкономразвития объемы финансирования российского некоммерческого сектора снизились на 19 млрд. руб. только за 2013 г. за счет сокращения иностранного финансирования.

¹⁴⁵ Ситкин А. Б. Социально-экономические проблемы развития некоммерческих организаций в период трансформации российского общества: Автореф. дис. ... канд. соц. наук / УГАТУ – Уфа: Изд-во УГАТУ, 2005. – 30 с.

На сегодняшний день доступными для российских организаций некоммерческого сектора являются следующие источники финансирования:

- гранты, распределяемые Фондом президентских грантов;
- гранты Министерства экономического развития РФ и прочих государственных структур в рамках специализированных программ;
- региональная целевая финансовая помощь и субсидии;
- средства, полученные от благотворительности;
- средства, привлекаемые от спонсоров и частных лиц;
- средства, собранные на онлайн-площадках краудфандинга и пр.;
- средства, получаемые путем хозяйственной деятельности;
- средства, полученные в качестве «исполнителей общественно полезных услуг».

При этом Минюстом РФ в 2017 г. подсчитано, что объем финансирования «третьего сектора» из государственного и региональных бюджетов составил только 11,7 %. Самая большая доля приходится на пожертвования и спонсорскую помощь – более 37 %, собственную хозяйственную деятельность – 36,4 %¹⁴⁶.

Последний указанный финансовый инструмент из перечня был открыт несколько лет назад, однако, судя по статистическим показателям не смог стать весомым в вопросе активизации бюджетной наполняемости НКО. По данным 2017 г. вклад некоммерческого сектора в ВВП России традиционно составляет около 1 %, в нем занято всего 1,1 % экономически активного населения страны¹⁴⁷.

Не стало переворотным для НКО принятие Федерального закона №44-ФЗ от 5 апреля 2013 года «О контрактной системе в сфере закупок товаров,

¹⁴⁶ Роль экономики в социально-экономическом развитии России / Материалы Медийного портала «Рамблер», раздел «Экономика». URL: <https://finance.rambler.ru/economics/36985837-rol-tretego-sektora-ekonomiki-v-sotsialno-ekonomicheskom-razvitii-rossii/?updated> (дата обращения 08.10.2020).

¹⁴⁷ Роль экономики в социально-экономическом развитии России / Материалы Медийного портала «Рамблер», раздел «Экономика». URL: <https://finance.rambler.ru/economics/36985837-rol-tretego-sektora-ekonomiki-v-sotsialno-ekonomicheskom-razvitii-rossii/?updated> (дата обращения 08.10.2020).

работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹⁴⁸, который должен был открыть для них льготный доступ к системе государственных закупок. На практике успешность участия НКО в госзакупках обуславливается множеством факторов. Среди них наличие «свободных» денег у НКО (чаще всего личных), получение банковских гарантий, привлечение профессионалов, готовых обучать и помогать разбираться с правовыми нюансами и пр. Но главным залогом активности некоммерческого сектора в госзакупках остается готовность региональных чиновников к «разгосударствлению процесса социального обслуживания»¹⁴⁹. Потому что только спрос на разнообразные социальные услуги может рождать адекватный объем предложения среди некоммерческого сектора. В свою очередь, недостаточный социальный заказ, отсутствие лотов на услуги, которые входили бы в компетенцию НКО, перекрывают преимущества, гарантируемые по закону.

Региональная асимметрия условий функционирования НКО сложилась и по части профильных программ поддержки. Формирование благоприятной среды развития инициатив СО НКО, активное привлечение федеральных средств, софинансирование и постоянную разработку собственных проектов практикует только ряд российских регионов.

Помимо этого, возникают сомнения относительно эффективного распределения финансирования на местах. Согласно мониторингу распределения государственных средств, выделяемых на поддержку социально-ориентированных некоммерческих организаций¹⁵⁰, при проведении конкурсов на уровне регионов нередки случаи конфликтов интересов (в состав конкурс-

¹⁴⁸ Федеральный закон №44-ФЗ от 5 апреля 2013 года «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» / Материалы справочной правовой системы КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 08.10.2020).

¹⁴⁹ Суслова С. В. Некоммерческие производители на региональных квазирынках социальных услуг // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2014. – №3. – С. 72-89.

¹⁵⁰ Мониторинг распределения государственных средств, выделяемых на поддержку социально-ориентированных некоммерческих организаций за 2011-2015 гг. / Материалы Центра антикоррупционных исследований и инициатив и Лаборатории Антикоррупционной политики НИУ Высшая Школа Экономики. URL: https://transparency.org.ru/images/docs/research/sonko_final.pdf (дата обращения 11.10.2020).

ной комиссии входят руководители НКО, которые получают субсидии), нарушения условий и правил проведения отбора, информационной закрытости и непрозрачности (отсутствует любая информация в публичном доступе), финансирования в рамках подобных программ «государственных» некоммерческих организаций или организаций, созданных по инициативе представителей власти.

То же самое можно отметить, основываясь на информации о реализации региональных программ на специализированных сайтах исполнительных органов власти российских регионов. Постоянно действующими проектами для СО НКО могут похвастаться немногие. Например, Самарская и Нижегородская области, Республика Татарстан, Красноярский край, Иркутская область и ряд других регионов. Во многих из них приняты долгосрочные целевые программы поддержки, снижена или отменена арендная плата за пользование помещениями, разработаны налоговые послабления. НКО других регионов вынуждены опираться только на федеральные проекты и инициативы, минуя местный уровень коммуникаций.

В продолжение анализа доступности и эффективности источников финансирования, отметим слабую активность и отсутствие предпринимательских компетенций у руководства российских НКО, которые не смогли переориентировать свои структуры на оказание платных услуг для населения и развивать собственную хозяйственную деятельность. Куда эффективнее оказались субъекты социального предпринимательства, которые, в обратном порядке, смогли адаптировать бизнес-процессы под российскую социальную сферу.

Фандрайзинг оказался доступным лишь для определенного типа некоммерческих организаций. Масштабный сбор денег на фандрайзинговых интернет-платформах реализуют инициативные группы чувствительные к общественному настроению или занимающиеся остроактуальными проблемами. Наиболее успешными явились проекты в области музыки, кино, благо-

творительности, помощи пострадавшим от чрезвычайных ситуаций, природных катаклизмов.

Можно заключить, что финансовое состояние не способствует переключению структур некоммерческого сектора с внутренних проблем на внешние, общественные. Большая часть ресурсов, времени и устремлений руководства НКО направлена на поиск постоянных и стабильных источников финансирования, которых на сегодняшний день в России немного. Большую роль в данном вопросе играет территория функционирования НКО, активность, эффективность и адекватность представителей власти региона, принимаемые ими программы и проекты помощи и поддержки некоммерческого сектора. Финансово-экономическая устойчивость российских НКО не достигается за счет включения их бизнес-потенциала, введения дополнительных коридоров освоения бюджетных средств. Фактически руководство некоммерческих структур отказывается переходить к новому принципу ведения дел по модели социальных предпринимателей, которая насаждается последнее пятилетие властной системой, оставаясь на практике бюджетными (не доходными) по сути, бизнес-структурами по форме взаимодействия с надзорными органами. Помимо этого двойная нагрузка приходится на небольшие «бедные» НКО. В их задачу входит первоочередное подтверждение собственной финансовой и проектной жизнеспособности для получения доступа к источникам финансирования.

Помимо рассмотренных отдельно можно выделить целый блок имиджевых и информационных проблем некоммерческого сектора, которые достигли значительного уровня токсичности и начали влиять на статусно-ролевые характеристики НКО.

К имиджевым относится базовая проблема отсутствия доверия со стороны граждан и возможных партнеров, например, представителей бизнес-структур и, как следствие, ограниченное стимулирование общественной активности граждан и бизнеса, т. е. снижение гражданского участия. В точеч-

ной проекции можно констатировать отсутствие последовательности и стратегического мышления в задачах популяризации собственной деятельности. Лидеры большинства НКО не освоили проектный принцип работы, не воспринимают труд в сфере некоммерческого сектора в качестве особого типа «продукта», не занимаются активным маркетингом своих организаций или делают это непрофессионально. До сих пор бытует мнение, что продвижение некоммерческой деятельности – это стремление ее коммерциализации, получения выгоды и пр. Быть благотворителем – значит быть незаметным, оставаться в тени.

Очевидно, что большая часть российских НКО упустила время активного продвижения в социальных сетях. Их поведение в интернете носит догоняющий характер. Профили и группы не наполнены контентом или «заморожены», несмотря на то, что это самый малозатратный способ установить устойчивую связь с собственной аудиторией.

В результате имиджевых провалов не реализуется информационная поддержка НКО со стороны граждан. Недостаточная осведомленность населения о мероприятиях и акциях организаций значительно ограничивает возможности НКО, дисбалансирует соотношение спроса и предложения, закрывает доступ к общественным ресурсам – основе деятельности любой гражданской структуры.

Вместе с тем, на крайне низком уровне остается внимание местных СМИ к работе некоммерческого сектора. В рамках «социалки» небольшой круг вопросов превращается в информационный повод. Редкие издания включаются в освещение и продвижение некоммерческих проектов. НКО, со своей стороны, также не уделяют работе со СМИ необходимого внимания и времени из-за нежелания и по незнанию. Как отмечалось выше, гражданские структуры предпочитают оставаться в роли пассивных и исполнительных работников социальной сферы, которых должны заметить и похвалить. Игнорирование природы распространения информации приводит к бесславию и

малоизвестности, что особо актуально в проекции региональных пространств.

Таким образом, можно говорить о двусоставном характере специфичности и проблемной насыщенности изучаемой сферы. По замечанию А. Н. Баранова, российская политика имеет право на существование только в случаях, когда проявляют себя требовательное общество и ответственная власть¹⁵¹.

С одной стороны, социологи фиксируют гражданскую безынициативность, с другой стороны, с уверенностью можно констатировать, что реальный российский некоммерческий сектор сегодня – это исключительная прерогатива отдельных граждан, обладающих исключительными человеческими и гражданскими свойствами и профессионализмом.

С одной стороны, государство закрепощает и забюрократизовывает все возможные форматы реализации деятельности НКО, выводит их из зоны большой политики, с другой стороны, развивает и совершенствует систему поддержки и грантов, пытается передать немалую долю социальных функций на уровень гражданского общества.

Судя по разбросу заключений и позиций авторитетных ученых и специалистов развития некоммерческой сферы, невозможно свести всю проблемность российского некоммерческого сектора к одному знаменателю и выделить структуру-виновника. Среди политических тематик это тот редкий случай, когда представляется справедливым рассматривать весь комплексотягощающих факторов развития и наделять всех участников взаимоотношений статусом субъектности и ответственности за возникновение и развитие патологий.

Краткие выводы

¹⁵¹ Баранов Н. А. Публичность в контексте российской политики // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2013. – №3 (16). – С. 149-153.

В данном исследовании мы будем придерживаться мнения, что некоммерческий сектор – это самостоятельная категория научного и сущего, не лишенная, однако, общего со всеми структурами гражданского общества наследия в виде специфики менталитета «гражданина» и «чиновника», отягчающей современную ситуацию исторических факторов, проблем в политическом процессе страны, институциональной слабости, незавершенности общественного договора, закрепощения публичной сферы и общей политической и гражданской неорганизованности.

Сектор также пронизан различными дисбалансами и проблемами развития. Нарушены основные коммуникационные системы, слабы связи с государством, бизнес-структурами, населением, несовершенной остается финансовая обеспеченность организаций. НКО действуют в режиме ограниченной функциональности, теряя доверие со стороны собственной аудитории и партнеров из других секторов.

Однако, говоря об этом, целесообразно учитывать региональную среду функционирования. Исходя из анализа проблемных аспектов, можем заключить, что на федеральном уровне предпринимаются значительные попытки по нейтрализации негативных факторов и выправлению ситуации, в целом. Созданы специализированные структуры по работе с некоммерческим сектором, Общественная палата Российской Федерации, опробированы различные способы формирования ее состава на местах, смещен акцент внимания и восприятия роли НКО для российского общества, предприняты попытки повышения значимости информационного повода благотворительной деятельности и усилий по преобразованию социальной сферы, введен специальный статус «социально ориентированная» для адресности государственной и региональной помощи, усовершенствована система поддержки через систему президентских грантов, введение преимуществ в госзакупках, хозяйственной деятельности и пр.

Многое из названного не продвигается, не транслируется и не берется за основу взаимодействия с местными организациями социальной сферы в большинстве регионов. Российские территории остаются крайне неравномерными в деле создания условий и специальной инфраструктуры для НКО. Лидерами и «пилотами» многих инновационных проектов остаются экономические и политические центры России, города-миллионники, города и районы с традиционно высоким уровнем политического и гражданского участия. От них поступают инициативы и обратная связь относительно преобразований социальной сферы. Большая часть российских территорий оказывается исключенной из общего пространства развития некоммерческого сектора. Они демонстрируют негативный отклик, отсталость и нежелание работать по-новому. Распространённой практикой стала декорация некоммерческого сектора, его подмена управляемыми структурами.

Подобное разнообразие качества и целеполагания, в принципе исключает позиционную общность и делает некоммерческий сектор России разнообразным, фрагментарным, рваным и проблемным. Поэтому изучение региональных ситуаций раскрытия статусно-ролевых характеристик некоммерческого сектора приобретает особую теоретическую и практическую актуальность.

Глава 2. Место и роль НКО в региональном политическом процессе (на примере Республики Мордовия)

2.1 Состояние некоммерческого сектора Республики Мордовия

Для оценки статусно-ролевых характеристик некоммерческого сектора необходимо провести дескрипцию следующих показателей:

- количество и качество (масштабность, направление деятельности и пр.) разрабатываемых и реализуемых социально значимых проектов;
- количество работающих НКО и инициативных граждан в административной столице и муниципальных районах региона;
- профессиональный состав (спектр деятельности, уровень компетенций, социально-политические устремления, профессиональная мотивация) гражданских лидеров;
- тактики развития некоммерческих организаций и реализации социально значимых проектов инициативных граждан;
- уровень внутри- и межсекторальной коммуникации представителей некоммерческого сектора;
- социально-экономическое и политическое самочувствие гражданских лидеров и пр.

Оценка перечисленных показателей позволит выявить факторы развития реальной гражданской активности и определить вредоносные элементы пространств регионов.

Республика Мордовия по многим критериям социально-экономической и общественно-политической жизни демонстрирует среднеуровневые показатели. Являясь небольшой аграрной республикой со слаборазвитой инновационной промышленностью, она испытывает наиболее распространённые для большинства регионов России проблемы развития.

В Мордовии сложилась непростая ситуация с некоммерческим сектором. С одной стороны, гражданское лидерство представлено здесь фрагментарно и несистемно. Оно слабо включено в жизнь социума. С другой стороны, регион имеет свои точки роста. НКО постепенно накапливают свой потенциал. Ситуацию осложняет специфика регионального политического процесса, для которой присущи¹⁵²:

- закрытый характер принятия политико-управленческих решений;
- высокий уровень присутствия неформального ресурса влияния;
- отсутствие оппонирования и оппозиции у действующего руководства региона;
- сращивание экономической и политической элиты и пр.

В раскрытии специфики политических и социально-экономических компонентов развития республики обнаруживается взаимосвязь между этими характеристиками и динамикой продвижения лидерского капитала на внутререгиональной арене¹⁵³.

Проведенный анализ региональной ситуации выявил ряд особенностей структуры некоммерческого сектора в Республике Мордовия.

1) Мордовия является регионом с «плотным» некоммерческим сектором. К 1-му января 2018 г. Мордовия подошла с итоговой цифрой – 1426 некоммерческие организации¹⁵⁴.

¹⁵² Мартыненко А. В. Современные вызовы российскому государству как фактор дестабилизации регионального социума (на примере Республики Мордовия) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – №3 (39). – С. 82-90. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-3-8; Kowalev V. Power and Ethnicity in the Finno-Ugric Republics of the Russian Federation. The Examples of Komi, Mordovia, and Udmurtia // International Journal of Political Economy. – 2016. – №30. – С. 81-100. DOI:10.1080/08911916.2000.11644017; Libman A. Subnational political regimes and formal economic regulation: Evidence from Russian regions // Regional & Federal Studies. – 2017. – №27. – С. 127-151. doi.org/10.1080/13597566.2017.1308925.

¹⁵³ Семушенкова А. С. Статусно-ролевые характеристики некоммерческого сектора: дискрипция регионального пространства Республики Мордовия // Вестник Поволжского института управления. – 2019. – Т. 19. – №3. – С. 65-77. DOI 10.22394/1682-2358-2019-3-65-77.

¹⁵⁴ О деятельности некоммерческих организаций / Материалы информационного портала Министерства Юстиции Российской Федерации. URL: <http://nko.economy.gov.ru/portalnews/read/4606>. (дата обращения: 11.04.2020).

В настоящий момент вопрос государственной регистрации приобрел актуальность у значительной части активистов-общественников, как в административной столице, так и в муниципальных районах республики. Это может говорить об увеличении числа НКО уже к 2021-2022 г.

Важно понимать, что не вся анализируемая часть некоммерческого сектора представляет собой постоянно действующий актив. В рамках исследования информационной активности изучаемых структур было выявлено всего несколько десятков организаций, которые ведут систематический обзор своих мероприятий. Чаще всего они используют для этого профили в социальных сетях, реже – сайты. Количество подписчиков подобных групп не превышает за 1500. Бренды мордовских НКО не известны за пределами региона.

2) В регионе сложилась противоречивая ситуация с распределением проблемно-тематических ниш некоммерческого сектора. В рамках статистики президентских грантов¹⁵⁵ наиболее популярна среди общественников проблематика сферы социального обслуживания, социальной поддержки и защиты граждан (27,4 %). Затем идет охрана здоровья граждан, пропаганда здорового образа жизни (18,2 %). Только потом – поддержка проектов в области культуры и искусства (11,8 %) и наука, образование, просвещение (10,3 %).

Правозащите были посвящены 3,9 % заявок на конкурсы президентских грантов, развитию институтов гражданского общества – 2 %, экологии – 0,4 %.

Конкурсный отбор не прошел ни один проект в рамках направления «охрана окружающей среды и защита животных». Всего было подано 5 проектов за все время существования Фонда президентских грантов. В рамках развития институтов гражданского общества отметили только 2 заявки. Од-

¹⁵⁵ Проекты ФПГ. Поиск по номеру заявки, названию проекта, организации, ОГРН, ИНН. Республика Мордовия / Материалы официального сайта Фонда президентских грантов. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/cards>. (дата обращения: 20.04.2020).

нако суммы их бюджетов являются самыми крупными на сегодняшний момент (от 3 до 5 млн.).

Авторы придерживаются мнения, что диагностику данного показателя необходимо проводить исключительно в рамках анализа направлений, задействованных в социальном проектировании НКО и их реальной хозяйственной деятельности. Уставные ниши, чаще всего, формируются как потенциальные и редко используются в полном объеме.

Судя по этим данным, можно сказать, что большая часть направлений общественной жизни региона испытывает значительный дефицит точечной внеадминистративной работы, так как некоммерческий сектор в них представлен слабо.

3) В республике не сформировалось крупных авторитетных организаций, которые можно отнести к явным лидерам некоммерческой сферы. Мало опытных команд. Всего несколько активных НКО были зарегистрированы в 90-х гг., чуть больше – в пределах с 2007 по 2014 гг. Большая часть активных структур начали свою деятельность в 2016-2018 гг. Именно «новички» чаще всего оказываются в списке победителей президентских грантов. Однако абсолютно у всех есть проблемы с постоянным финансированием.

Запрашиваемый бюджет заявок на президентские гранты за 4 года составил 815 703 966 руб.¹⁵⁶ Еще более скромно выглядит статистика по победителям. Из общего количества заявленных проектов выиграли всего 87 (результативность равна 16 %). Финансирование получили всего 60 организаций (часть дважды-трижды). Общая сумма грантов составила 83 117 246, 92 руб.

Даже в сравнении с соседними регионами Мордовия значительно уступает по объему привлеченных средств. Система Фонда президентских грантов генерирует информацию о поддержанных проектах Самарской области на общую сумму 517 820 125,72 руб. (в 6 раз больше), Ульяновской области –

¹⁵⁶ Проекты ФПГ. Поиск по номеру заявки, названию проекта, организации, ОГРН, ИНН. Республика Мордовия / Материалы официального сайта Фонда президентских грантов. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/cards>. (дата обращения: 20.04.2020).

150 609 395,83 руб. (в 2 раза), Пензенской области – 137 629 536,61 руб. (в 1,5 раза)¹⁵⁷.

В среднем за год в Мордовии общая сумма бюджетов заявок установилась на отметке в 250 млн. Если в 2017-2018 гг. из них было делегировано не более 6,2 %, то в 2019 г. этот показатель вырос до 15 %. Из запрашиваемых 267 645 276 руб. мордовским организациям выделили 40 140 279 руб. Рекордным было и количество победителей. В двух конкурсах 2019 г. эксперты рекомендовали 41 заявку.

За 4 года снизилась средняя стоимость разрабатываемых проектов. В 2017 г. она составляла 2 574 669 руб., в 2018 г. – 1 472 471 руб., а уже в 2019 г. – 1 244 861 руб. В этом году фонд подвел итоги только первого конкурса грантов. Показатель снизился до 970 942,0 руб.

Самая большая по сумме бюджета заявка была подана в 2018 г. Организация запросила 30 753 514 руб., предложив софинансирование в размере 13,5 % от суммы гранта. Самый маленький проект составил 97 549 руб. (софинансирование 41 %). Оба проекта остались без внимания.

Средняя сумма бюджет

– МОО «Рост» Рузаевского муниципального района: зарегистрированы в 2008 г., 3 проекта, общая стоимость 7 516 903 руб.;

– АНО «Подвиги»: зарегистрированы в 2018 г., 1 проект, общая стоимость 5 239 486 руб.

Примечательно, что нынешние руководители указанных НКО являются молодыми лидерами (до 35 лет).

Только в конце 2019 г. в Мордовии появилась первая структура для поддержки некоммерческих организаций – Ресурсный центр Республики Мордовия «Инфорум для НКО». Функцию ресурсника взяла на себя АНО Центр науки, аналитики, образовательных и социальных технологий «Научный ресурс». Организация была зарегистрирована в 2012 г. За 8 лет она выиграла около 10 грантов и реализовала более 20 социально значимых проектов. Штат НКО состоит из 5 сотрудников. Этот опыт позволил ей стать победителем конкурса Фонда президентских грантов с идеей «Инфорума». Цель проекта – формирование благоприятного климата для активизации некоммерческой деятельности и инфраструктуры поддержки СО НКО в Республике Мордовии, в т.ч. в муниципальных районах и территориально удаленных сельских поселениях¹⁵⁸. На базе ресурсного центра организованы индивидуальные консультации и образовательные программы для граждан, занятых в некоммерческом секторе. Впервые в регионе профессионально реализуется задача популяризации и брендинга некоммерческой деятельности.

4) В Мордовии к реализации не принят достаточно широкий перечень практик, которые уже зарекомендовали себя в других регионах России. Достаточно скромными являются усилия властей региона по поддержке некоммерческого сектора. В наиболее комплексном рейтинге субъектов Российской Федерации по поддержке СО НКО за 2018 г. Мордовия занимает 38 строчку¹⁵⁹. Регион за год поднялся на 8 позиций¹⁶⁰, однако, содержательная часть показателей для него осталась прежней. Довольно стабильную «средину» республика смогла занять благодаря следующим показателям: количество НКО; удельный вес негосударственных организаций социального обслуживания; средняя доля работников в негосударственных организациях «социалки» и пр. Что касается ресурсоемких показателей (например, субсидирование), Мордовия выглядит на фоне остальных регионов ниже среднего.

5) У некоммерческого сектора Мордовии отсутствует внегрантовая жизнь. Информация об инфраструктурной поддержке НКО также весьма ограничена. В открытом доступе оказался только Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций – получателей поддержки за 2017 г. Согласно документу 4 местных некоммерческих организации получили имущественную поддержку на неопределенный срок в виде нежилых помещений площадью 13,9 кв. м., 12, 9 кв. м., 2427,3 кв. м., 78,39 кв. м.¹⁶¹.

¹⁵⁹ Результаты расчета рейтинга субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социального

В местных СМИ информация о некоммерческих организациях исчисляется десятками. В основном, подобные публикации посвящены победам организаций в конкурсах президентских грантов с указанием выделяемых сумм, но без содержательного описания сути проектов. Портал СО НКО Мордовии заработал только в 2020 г. в рамках проекта, реализуемого при поддержке Фонда президентских грантов, «Ресурсный центр Республики Мордовия «Инфорум для НКО». В данный момент на нем отсутствуют материалы подобного характера.

6) Некоммерческий сектор Мордовии испытывает значительный дефицит общественной поддержки, как реальной, так и виртуальной (сетевой). Достаточно ограниченное количество жителей знает о проектах и акциях местных НКО, еще меньшее – постоянно участвует в них.

Вяло и неэффективно общественники занимаются самопрезентацией и продвижением брендов своих организаций в СМИ и социальных сетях. Размещение информации об их инициативах, акциях и мероприятиях ограничивается небольшими непопулярными группами в социальных сетях и малоизвестными персональными сайтами. Из информационного пространства вычленены чуть более 100 организаций, которые в том или ином виде и формате реализуют социально значимые инициативы.

7) Не смотря на большое количество официально зарегистрированных некоммерческих организаций, реальная активность приходится на неформальный блок гражданского лидерства. Во многих общественных сферах широкая деятельность ведется в рамках городских сообществ в социальных сетях. Через подобные группы осуществляется сбор денег и вещей, а также точечная помощь людям,

творительности, патронажного материнства, помощи подопечным детских домов и интернатов, правозащиты и экологической защиты.

8) Некоммерческий сектор Мордовии не имеет профессионального кадрового состава. Для многих сотрудников работа в некоммерческих организациях второстепенна по отношению к основному месту занятости. Около 80-85 % являются внешними совместителями. Прodelывая большой функционал в НКО, в том числе и по руководству, формально они остаются волонтерами. В связи с этим их рабочее время на социальное проектирование и деятельность по профилю организации ограничено, а вопрос повышения квалификации не является первоочередным.

Практически за каждой местной НКО стоит достаточно узнаваемая и публичная персона региона, которая структурирует организацию вокруг своей личной активности, профессиональных устремлений и компетенций. Чаще всего это спортсмены, ученые, деятели культуры и искусства и пр. Можно отметить Н. В. Герасимову, Ю. Н. Мангутову, Р. Р. Нугаева, А. А. Пелина, С. Ю. Сеничева и др. Все они являются видными специалистами в своих областях, мало кто – профессиональными руководителями.

9) Активность в сельской местности и административной столице Мордовии представляет собой два различных формата. В муниципальных районах крайне редко встречаются фонды и разноплановые автономные некоммерческие организации (АНО). Преимущественно здесь работают АНО социального обслуживания граждан (АНО СОГ), которые были созданы решением Министерства

Деятельность подобных организаций сосредоточена на социальном обслуживании граждан в сельской местности (по типу работы социальных работников). Поэтому уровень компетенций их сотрудников в сфере социального проектирования является крайне низким. Мотивация участия в конкурсах распределения президентских грантов также не очевидна. В совокупности АНО СОГ обеспечивают до 20 % всех заявок региона¹⁶³. Проектная активность объясняется соответствующей позицией руководства. Безусловно, есть исключения.

Самым популярным направлением для проектирования остается сфера социального обслуживания, социальной поддержки и защиты граждан (27,4 %). Здесь сосредоточены самые малоразмерные гранты. Именно здесь проявляют наибольшую активность НКО муниципальных районов Мордовии. Они выигрывают 3-4 проекта в год. Всего за 4 года было одобрено 13 заявок, что составляет 15 % от общего количества поддержанных инициатив¹⁶⁴.

Активность и работоспособность демонстрируют организации нескольких городских пространств республики (г. Рузаевка и г. Ардатов). Некоторые из них выступают в качестве центров гражданских инициатив на своих территориях. В этих городах сформирована специализированная инфраструктура для некоммерческого сектора, применяются меры поддержки НКО.

Примечательно, что в сельской местности значительным потенциалом некоммерческой деятельности обладают сотрудники местных домов культуры, музеев, библиотек, школ и детских садов. Они, однако, не имеют возможности подавать заявки на конкурсы президентских

Описанная структура накладывает отпечаток на ресурсобеспеченность некоммерческого сектора Мордовии, усложняет наращивание его потенциала. В конце 2020 г. врио главы Республики Мордовия был назначен представитель политической элиты Татарстана А. А. Здунов. Некоммерческий сектор наравне с другими сферами встретил эту новость с надеждами на качественные изменения в социальной сфере. Однако, пока рано говорить хоть о каких-то трансформациях в системе взаимодействия по линии «власть – НКО». Правительство было отправлено в отставку, но смены руководства не произошло. В связи с чем представители НКО пребывают в режиме ожидания в течение полугода. Думается, что в скором времени сфера будет претерпевать значительные видоизменения.

2.2 Проектная активность некоммерческого сектора Мордовии: формы и механизмы участия в региональном политическом процессе

Об объемах и формах участия НКО в жизни общества можно говорить по их проектной активности. Как уже отмечалось, изучаемое региональное пространство значительно ограничено в источниках финансирования деятельности третьего сектора. В виду объективных причин бюджетной несостоятельности республики развитие социальной инфраструктуры для общественников обеспечивается далеко не в первую очередь. Здесь также отсутствует по типу регионов-лидеров по развитию сферы единая информационная система, где аккумулируются все необходимые актуальные сведения относительно конкурсных отборов на получение субсидий и иной помощи от представителей властных структур регионального уровня. Не замечено слаженной системы оповещения о подобных мероприятиях между профильными министерствами и СМИ. Последние,

Отсутствие прозрачности в распределении ресурсов ведет к накачиванию субсидиями ограниченного круга организаций (около 5-10 % от общего количества СО НКО). Среди этого числа общественников не принято делиться подробностями, поэтому процесс, в прямом смысле, начал обрастать легендами. Самая популярная из них связана с тем, что деньги в независимости от даты подписания контракта приходят 30-31 декабря. Все эти факты говорят о том, что подавляющая часть структур некоммерческого сектора выведена из системы взаимодействия с властной элитой, в первую очередь, в рамках финансового аспекта общения.

Обращение гражданских лидеров к грантовым источникам сводится к 4-6 фондам-операторам. Кроме Фонда президентских грантов популярны Фонд Тимченко, Фонда Владимира Потанина, Фонда «Соработничество». Победителей подобных конкурсов не более 20 на весь регион. Сказываются проблемы внутри самих некоммерческих организациях. Прежде всего, специфика менталитета – «нам нечего предложить», «везде нужны откаты», «это только для «своих», «это лишняя нагрузка» и пр. Среди объективных причин – наличие задолженности организации по налогам и сборам, что отсекается условиями многих положений о конкурсах.

Общественники Мордовии ведут активную внефинансовую деятельность. Из социальных сетей можно узнать о благотворительных акциях и оказании услуг целевым группам на безвозмездной основе. Подобную работу ведут в составе небольших инициативных групп друзей-единомышленников. Оплата на административно-хозяйственные нужды, транспортные расходы и др. покрываются за счет вложений членов самой команды или с привлечением средств бизнесменов, чаще всего находящихся в приятельских отношениях с ними. Ограниченными являются и человеческие ресурсы. В регионе только устанавливается тренд на помощь «Pro bono» (оказание профессиональной помощи благотворительным, общественным и иным организациям третьего сектора). Поэтому вся указанная деятельность носит непостоянный

и фрагментарный характер. Расширение охвата требует средств и компетенций в различных сферах развития НКО. Проведенный анализ автора и данные РЦ РМ «Инфорум для НКО» позволяет говорить о том, что более 60 % из них начали процесс переориентации на пользование новыми источниками финансирования.

Таким образом, визуализировать вклад НКО в социально-политическую трансформацию представляется возможным только через структурированные программы деятельности. В случае с Мордовией, где фактически отсутствует региональный пласт финансирования, это функционирование в рамках президентских грантов, конкурс на которые объявляется систематически.

За последние 5 лет при финансовой поддержке Фонда президентских грантов НКО Мордовии реализовали 131 проект на общую сумму 125 млн.

Больше всего мероприятий было осуществлено в рамках направления «Социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан» (16,8 %). Выделенная сумма – 3 155 286 руб. Целевыми группами местных организаций выступали в основном пожилые люди. Проекты с их участием актуализированы в 2018 г. Содержательная их часть включала:

- обучение пенсионеров элементарной медицинской грамотности и навыкам оказания первой доврачебной помощи;
- увеличение количества получателей социальных услуг;
- обучение компьютерной грамотности;
- поддержание интереса граждан к различным видам активного отдыха;
- повышение профессионального мастерства социальных работников, которые работают с пожилыми людьми;
- оздоровление пенсионеров и организация занятий по скандинавской ходьбе, прогулок на велосипедах, лыжах и т.д.;
- проведения виртуальных путешествий и активного досуга;

– повышение общественной активности ветеранов, вовлечение их в социально значимую деятельность.

Самым дорогостоящим за 5 лет стал проект АНО ЦНАОиСТ «Научный ресурс» по предоставлению квалифицированной социально-психологической поддержки пожилым людям, находящимся в стационарных учреждениях социальной защиты населения Республики Мордовия. За год командой НКО было проведено не менее 800 занятий с пожилыми людьми и инвалидами. Бюджет мероприятий – 2,7 млн. руб.

Помимо этого 2 проекта были посвящены адаптации детей с заболеваниями нервной системы, 1 – людей с инвалидностью по зрению.

Новым направлением последнего года работы общественников стала поддержка малоимущих граждан. Причем все подобные проекты были реализованы в муниципальных районах республики. Они включили услуги по получению содействия в трудной жизненной ситуации, возможность бесплатного пользования Интернетом, распечатки и ксерокопирования. Для целевой группы организованы центры сбора вещей и предметов мебели, а также горячее питание и временный ночлег.

Впервые в регионе финансовую поддержку получил поисковый отряд. Команда проекта наравне с мероприятиями по поиску потерявшихся и пропавших без вести людей также запланировала оказание помощи людям без определенного места жительства – содействие в восстановлении документов, посещении дома ночного пребывания, сборе вещей и средств личной гигиены, кормления и пр.

Популярным среди общественников оказалось направление «Поддержка проектов в области науки, образования, просвещения». Всего реализовано 15 проектов на сумму 11 145 828 руб. Ровно половина из них были направлены на развитие условий технического творчества детей и подростков, обучение их робототехнике, программированию, точным наукам. Например, «Городские технические смены для детей и подростков «Юный изобретатель»,

«Республиканский молодежный инновационный конвент», «Детская научная лаборатория», «Кустовые фестивали по робототехнике» и пр.

Дети выступили в качестве целевой аудитории в проектах «Познай Зелёный мир Мордовии» (проведение эколого ориентированных просветительских мероприятий), Уроки русской словесности «Дух и слово» (формирование условий для развития навыка грамотного письма и правильного изложения собственных мыслей у школьников).

Отдельно для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в разные периоды времени были реализованы 2 проекта по повышению гражданской и бытовой информированности относительно разнообразных аспектов взрослой жизни и профориентации. В целом, в регионе данное направление испытывает значительный дефицит социальных программ, в том числе, дополнительного образования для подопечных закрытых интернатных учреждений.

Несколько проектов были посвящены целевым группам из числа взрослых. В целях совершенствования условий для нравственного роста осужденных и их перевоспитания был проведен трёхдневный Межрегиональный образовательный семинар «Просвещение без границ», направленный на совершенствование компетентности духовенства, взаимодействующего со ФСИН России. Необходимо отметить, что проектная активность в рамках помощи для данной категории лиц является минимальной. На конкурсы Фонда президентских грантов были поданы всего 2 заявки за 4 года.

Также среди поддержанных образовательных проектов можно отметить Форум для практических психологов образовательных учреждений и фото/видео школу-студию для пожилых людей «Сам себе клипмейкер».

Не смотря на количество победивших заявок по данному направлению, разнообразной по содержанию деятельность некоммерческих организаций здесь назвать нельзя.

Самой большой грант получило Мордовское региональное отделение Общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийское общество глухих». Смета их проекта составила 3 009 644 руб. Основной целью НКО заявлена создание инклюзивного волонтерского движения в Мордовии.

Обратное наблюдается в рамках направления «Охрана здоровья граждан, пропаганда здорового образа жизни». Делегированная сумма – 18 377 924 руб. Все 25 профинансированных проектов различаются по целевым группам, целям и представленным видам спорта. Организованы мероприятия для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, ветеранов и пенсионеров, детей и подростков, молодежи и студентов, людей с ограниченными возможностями здоровья, людей, страдающих ожирением, гипертонической болезнью, многодетных семей, алко- и наркозависимых, а также лиц, страдающих от иных видов тяжелых зависимостей, лиц, попавших в трудную жизненную ситуацию. Задействованные виды спорта: футбол, велосипедный спорт, хоккей, настольный теннис, плавание, лыжи, гребля на лодках, гребля и пр.

Отдельно можно отметить следующие крупномасштабные проекты:

– «Кладовая здоровья» – проект, направленный на развитие, пропаганду и популяризацию здорового образа жизни среди граждан пожилого возраста, содействие укреплению их здоровья и долголетия средствами физической культуры и спорта (2 007 186 руб.).

– «Плыви к цели», цель которого проведение обучения плаванию детей и подростков из многодетных семей. Занятия прошли на базе Мордовской республиканской общественной организации «Федерация плавания Республики Мордовия». Общая сумма сметы 1 851 700 руб.

– «Серебряный возраст», включающий пропаганду здорового образа жизни, привлечение сельских граждан пожилого возраста к участию в массовых физкультурных и спортивных мероприятиях и организацию курсов в сфере валеологического образования. Размер гранта 1 248 785 руб.

– «PRO-Туризм» – комплексная программа, направленная на развитие и популяризацию спортивного туризма в Республике Мордовия, как массового и доступного вида спорта. Запланированный охват участников составил не менее 1000 школьников и студентов в возрасте от 10 до 25 лет (944 790 руб.)

Остальные проекты являлись локальными, их финансирование не превышало 500 тыс. руб.

В рамках направления «поддержка проектов в области культуры и искусства» явно выделяются две организации-лидера. Это Мордовская региональная общественная организация развития сельских поселений «Новое село» и АНО «Театр-студия «МХАТик». На двоих они выиграли 7 364 958 руб. из 15 607 974 руб., выделенных за 5 года.

Первая НКО ведет свою деятельность в с. Паракино Большеберезниковского района Республики Мордовия. Основное назначение их проектов – формирование локального уровня идентичности через возрождение традиций и популяризацию культурного наследия отдельных сел. В данный момент в рамках президентского гранта создается музейно-культурный центр, который предполагает сочетание традиционных экскурсионных программ с проведением творческих и кулинарных мастер-классов. По мнению лидеров МРОО развития сельских поселений «Новое село» подобная деятельность актуализирована растущим интересом к родословной, культуре и традициям. Она вписана в процесс «поиска себя», прежде всего, среди сельских жителей. Вместе с тем, содержание их проектов вписано в концепцию гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений, которая декларируется в республике на официальном уровне.

Стоит отметить, что деятельность в с. Паракино была отмечена и на федеральном уровне. В 2020 г. она получила одобрение Правительства России. Местный проект занял II место во Всероссийском конкурсе «Лучшая муниципальная практика» и получил премию в размере 15 млн. рублей. На данный момент это самая тиражируемая в Мордовии практика, что подтвер-

ждается многочисленными статьями в СМИ и Интернет, интервью и роликами на местном телевидении.

АНО «Театр-студия «МХАТик» на сегодняшний день является четырьмя победителем конкурсов Фонда президентских грантов. Организация является инициатором нескольких видных культурных событий регионального масштаба. За их эффективную реализацию она была дважды удостоена статуса топ-100 лучших проектов, поддержанных Фондом президентских грантов, в 2017 г. и 2018 г. Самый резонансный – «Театр в музее» стал синтезом театральных и музейных традиции и явил собой спектакль о знаменитом скульпторе С. Д. Эрзе, поставленном в декорациях музейной экспозиции скульптур мастера. Проект привлек внимание общественности Мордовии и имел продолжение в постгрантовый период.

НКО является рекордсменом Мордовии по количеству баллов, выставленных экспертами Фонда президентских грантов в рамках конкурсного оценивания. Рейтинг ее заявки Театральная лаборатория «ДетиМузыкаТеатр» составил 91,75. Для сравнения оценки их коллег-победителей варьируются от 60 до 78 баллов. Данный проект был направлен на развитие духовного потенциала личности одаренных детей Мордовии через практики сценического существования. Был применен принцип «дети для детей». Поставленные в рамках деятельности лаборатории спектакли демонстрировались в закрытых интернатных учреждениях и на большой сцене для детей из многодетных семей и семей, попавших в тяжелую жизненную ситуацию.

Помимо этого АНО «Театр-студия «МХАТик» активна во внегрантовом пространстве. Здесь организованы платные мастер-классы и занятия по сценическому мастерству, которые пользуются большой популярностью у горожан. Также организация реализует театральный функционал. Ежемесячно на их площадке проходят спектакли в соответствии с запланированным репертуаром. Данная НКО входит в число получателей поддержки на уровне региона в виде безвозмездной аренды помещения.

Среди грантов структур некоммерческого сектора в области культуры и искусства можно отметить Арт-проект для молодых художников «Новый формат. 10+10». Целью его команды является повышение социального статуса молодых художников и укрепление престижа их деятельности за счет профессиональной и зрительской поддержки. На реализацию проекта запрошено 1 959 523 руб. Это первая социальная практика подобного формата, в которой целевой группой выступили представители творческой профессии Мордовии. Проект стартовал в январе 2020 г.

Также за 4 года при финансовом участии Фонда президентских грантов были проведены фестиваль художественного творчества инвалидов, конкурс юных краеведов, культурно-просветительская программа в детских домах-интернатах, танцевальные занятия пожилых людей по различным видам танцев: вальс, танго, свинг и т.д., а также создан передвижной кукольный театр планшетных кукол в одном из муниципальных районов республики.

Высокой является доля национально-патриотических деятельности НКО Мордовии. В рамках направления «сохранение исторической памяти» и «укрепление межнационального и межрелигиозного согласия» было профинансировано 22 проекта на сумму 20 978 101 руб. Всего на конкурс было подано 143 заявки профильной тематики.

Выбор локального уровня проблематики является выигрышной в рамках конкурсов Фонда президентских грантов. Большая часть подобных заявок были высоко оценены экспертами и профинансированы. Ярким примером тому является проект «Шишкеево. Возрождение угасшего ремесла», который подготовила Республиканская общественная организация содействия развитию сельского туризма «Мордовская усадьба». В рамках его реализации была обустроена гончарная мастерская в Шишкеевском сельском поселении Рузаевского муниципального района с целью возрождения исторического промысла на территории села. В данном случае можно отметить высокую во-

влеченность местных жителей, которые, по сути, получили возможность дополнительного заработка за счет налаживания потока экскурсионных групп.

Для некоммерческого сектора Рузаевского муниципального района, в целом, характерен перенос внимания на человеческий капитал своей территории. Среди остальных за счет подобного подхода выделяется Молодежная общественная организация «Рост» Рузаевского муниципального района. По данному направлению она осуществила проект Интерактивный музей «Народная Память и Слава Рузаевки», популяризирующий информацию о жизни и подвигах рузаевцев в годы Великой Отечественной войны. По замечанию его исполнителей структура проекта выстроена таким образом, чтобы, с одной стороны, он стал народным, с другой стороны, профессионально выстроенным и исторически достоверным. Для этого к созданию экспозиций музея были привлечены жители города и района, историки, представители некоммерческих организаций, музейные работники, библиотекари и др.

Организация выиграла несколько крупных грантов по конкурсному направлению «поддержка молодёжных проектов, реализация которых охватывает виды деятельности, предусмотренные статьёй 31.1 Федерального закона от 12 января 1996 г. №7-ФЗ «О некоммерческих организациях». Социально значимый проект «Герои рядом» предполагал привлечение ветеранов локальных войн к нравственно-патриотическому воспитанию молодежи Республики Мордовия и формирование образа-героя защитника на примере реальных историй. В победившей в первом конкурсе 2020 г. заявке «Точка Роста» поставлена цель проведения профориентационной работы с детьми и подростками и пропаганда среди них актуальных востребованных профессий инженерной направленности. Рузаевка является вторым по величине городом, при чем, он был основан при градообразующих предприятиях. В представлении жителей Мордовии за ним закрепился статус города железнодорожников и машиностроителей. По сути, организация построила проект на

использовании производственного потенциала своего муниципального района.

На 6 месте по результативности для НКО Мордовии расположилось направление «поддержка семьи, материнства, отцовства и детства». Всего 13 проектов были поддержаны за 5 лет. Делегированная сумма составила 5 663 727 руб.

Около половины этих денег были реализованы АНО «Центр поддержки и защиты детства». Структура в качестве приоритетной выбрала проблематику детского дорожно-транспортного травматизма. Два ее проекта «Дети. Дорога. Жизнь» и «Безопасная дорога для детей» были направлены на информирование детей и подростков и их родителей о правилах безопасного поведения на дороге. В рамках одного из них был запущен бесплатный сервис «Социальное детское кресло», который позволяет многодетным семьям бесплатно пользоваться автомобильным устройством по мере необходимости.

АНО «Центр поддержки и защиты детства» считается одной из самых профессиональных в регионе. Ее руководитель является членом Общественной палаты Республики Мордовия, Общественного совета при МВД по Республике Мордовия и пр., спикером на многих правительственных семинарах и расширенных совещаниях. Многие инициативы организации обеспечиваются за счет эффективно выстроенной коммуникации с представителями власти различных уровней.

До разворачивания широкой общественной деятельности команда проектов осуществляла, в том числе, коммерческие анимационные представления для детей по безопасности дорожного движения.

Среди реализованных проектов, направленных на поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, можно выделить те, которые направлены на решение проблем детей-инвалидов. В целом, на данный момент деятельность только одной некоммерческой организации Республики Мордовия ориентирована на эту целевую группу и является систематической – Фонда

«Сила добра», пропускная и проектная способность которой ограничена в силу размерности. Поэтому подобные инициативы универсальных местных НКО являются остроактуальными для региона.

Среди них комплексная программа дополнительного образования и социальной адаптации семей, имеющих детей с ограниченными возможностями здоровья и детей-инвалидов, которая была реализована при финансовой поддержке Фонда президентских грантов АНО Дополнительного образования «Учебно-развивающий центр «Детская парковка» в 2019 г. Также можно отметить проект «Жестовый язык – родной и необходимый...», призванный расширить кругозор глухих школьников посредством занятий в кружке русского жестового языка, а также участия в досуговых развивающих мероприятиях. Впервые победителем конкурсов Фонда президентских грантов стало Мордовское региональное отделение Общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийское общество глухих», получив рекордно высокий рейтинг заявки – 75,75 баллов.

Организация творческих, развивающих и духовно-просветительских занятий для детей с ДЦП и их родителей была осуществлена в рамках проекта «Счастливый день» Мордовской республиканской молодёжной общественной организации «Союз Православной Молодёжи Мордовии». Не смотря на объемные количественные показатели, на его реализацию НКО запросила всего 126 370 руб. Это один из самый малоразмерных грантов для организаций региона.

За последний год свою активность нарастили МРОО «МНОГО ДЕТИ». Они ведут деятельность по поддержке многодетных семей и детей-инвалидов. Фактически они сменили на этом поприще МРООДИР «Особые дети», чьи благополучатели перешли практически в полном составе в новую организацию после скандала с участием одного из руководителей и прокурорской проверки.

Организацией новой формации можно считать АНО по поддержке материнства и детства «Мама и ребенок». За последний год данная организация выиграла 4 грантовых конкурса и получила на реализацию своих детей свыше 5 млн. руб. Один из проектов НКО касается создания арт-пространства для работы, обучения и активного досуга совместно родителей и детей. Это первая организация, заручившаяся поддержкой городской администрации в виде имущественной поддержки (200 кв.м. муниципальных площадей), и создающая инфраструктурную программу в сфере материнства, отцовства и детства.

Среди победивших проектов также были инициативы по созданию условий для совместных систематических занятий физической культурой (гимнастикой) детей дошкольного возраста (2 – 5 лет) и их мам и организации сельского клубного семейного центра в одном из муниципальных районов республики.

Всего по несколько проектов местным НКО удалось осуществить по остальным конкурсным направлениям Фонда президентских грантов. Но и их проектная активность здесь была значительно ниже.

В рамках поддержки молодёжных проектов, реализация которых охватывает виды деятельности, предусмотренные статьёй 31.1 Федерального закона от 12 января 1996 г. №7-ФЗ «О некоммерческих организациях» было подано всего 39 заявок за 5 лет. Из них было поддержано 7 проектов на сумму 7 837 031 руб. Два самых крупных гранта из них были реализованы Молодежной общественной организацией «Рост» Рузаевского муниципального района. Один из проектов был посвящен талантливой молодежи, занимающейся техническим творчеством. Два – группам благополучателей, которые редко становятся целевой аудиторией некоммерческих структур, – детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации и инвалидов по зрению. Все перечисленные гранты не превышали 700 тыс. руб. Их география деятельности была ограничена определенными районами Республики Мордовия.

Победителей по направлению «Защита прав и свобод человека и гражданина, в том числе защита прав заключенных» представили 4 социально значимых проекта. Всего за 5 лет было подано 26 заявок.

Для региона стали уже традиционными проекты «Выстоять» Общественной организации «Мордовский республиканский правозащитный центр». НКО существует с 1996 г. и имеет одну из самых длинных «историй» развития. На ее известность повлияла и медийность ее руководителя экс-президента Республики Мордовия В. Д. Гуслянникова. Организация оказывает бесплатную юридическую помощь малоимущим гражданам, осужденным, освободившимся из мест лишения свободы. Из подаваемых на конкурсы Фонда президентских грантов заявок на сегодняшний день победила только одна – «Выстоять в 2018 году». Сумма гранта составила 934 056 руб.

Уникальный проект по разъяснению населению прав на получение предусмотренных законами мер по социальной поддержке многодетных семей был реализован АНО «Центр поддержки и защиты детства». Их благополучателями стали 6036 семей. По замечанию разработчиков его особенность состоит в том, что он помог сделать «власть ближе к народу». Лекторами и ведущими образовательных мероприятий выступили сами чиновники, общественные деятели, члены Общественной палаты Республики Мордовия и пр. Проект оказался максимально востребованным в силу объявленной высшим руководством страны ориентации на помощь многодетным и переформатирование демографической политики.

Также в число победителей вошли проекты, посвященные профилактике правонарушений и оказанию первой доврачебной помощи, а также разработке научно-методического комплекта по антикоррупционному образованию и воспитанию молодежи. Оба они являлись краткосрочными. Суммы на их реализацию не превышали 500 тыс. руб.

Развитие институтов гражданского общества в качестве направления для деятельности за 5 лет выбирали всего 24 раза. Победителями становились

всего 2 организации: АНО ЦНАОиСТ «Научный ресурс» (два проекта на сумму 5 971 995 руб.) и АНО гражданско-патриотического развития молодежи «Подвиги» (5 239 486 руб.). Все три гранта являются самими крупными по Мордовии.

Последняя организация впервые преодолела планку в 3 млн. руб. и ограниченность географии деятельности. Проект «Обычные герои». Федеральный портал о героях среди нас с ежедневно обновляемой интерактивной картой подвигов» нацелен на популяризацию современных выдающихся гражданских поступков россиян. По сути, он актуализирует гражданский уровень идентичности населения страны. Инструментом для этого выбран «пример обычного человека, который смог сделать чью-то жизнь лучше или даже спасти ее».

Помимо успешной реализации грантовых средств организация имела позитивный опыт работы с пожертвованиями. С помощью краудфандинговых площадок ей удалось создать уникальную книгу «Волшебные сказки о детях-героях». Издание имело широкий отклик, в том числе, среди федеральных СМИ и телевидения. АНО гражданско-патриотического развития молодежи «Подвиги» явилась первой организацией Мордовии, работающей с россиянами как с целевой группой и, соответственно, известной за пределами своего региона.

Проект АНО ЦНАОиСТ «Научный ресурс» также стал знаковым для Мордовии. Впервые в регионе был создан ресурсный центр для некоммерческих организаций. Исходя из предложенного календарного плана мероприятий можно заключить, что центр по своему содержанию является «классическим». Он вобрал в себя уже зарекомендованные эффективные формы работы с третьим сектором. Это индивидуальные консультации и образовательные семинары, в том числе, для активных граждан и представителей НКО сельских поселений, позволяющие им получать новые знания, не выезжая за пределы своего муниципального района. Командой АНО проведен конкурс

профессионального мастерства «Флагман добрых дел», в рамках которого впервые отметили лучших представителей сферы. В целом все мероприятия проекта сгруппированы вокруг 5 приоритетных задач:

- Повышение уровня компетенций специалистов, занятых в некоммерческом секторе, содействие становлению профессионального мастерства в сфере социального проектирования.

- Улучшение условий труда представителей некоммерческого сектора, повышение «качества жизни» НКО для развития их профессиональных возможностей.

- Популяризация и брендинг некоммерческой деятельности, расширение информационного пространства для тиражирования лучших практик, проектов, спектра услуг НКО для населения Республики Мордовии.

- Содействие формированию открытой и прозрачной системы межсекторальной и внутрисекторальной коммуникации представителей некоммерческого сектора, республиканских и муниципальных органов власти, населения, СМИ.

- Содействие трансформации социальной активности граждан в профессиональную деятельность некоммерческого сектора, в т.ч. среди молодежи.

Поддержка Фондом президентских грантов проекта по созданию инфраструктуры для местных НКО позволила АНО ЦНАОиСТ «Научный ресурс» привлечь внимание представителей власти к проблеме низкой активности третьего сектора. Совместными усилиями был создан и открыт для бесплатного пользования коворкинг для НКО. В 2021 г. организация запустила «Конструктор услуг», в рамках которого для НКО и инициативных граждан заработали сервисные центры (социальное проектирование, финансовая отчетность, правовая поддержка и информационное продвижение).

По словам команды РЦ РМ «Инфорум для НКО» наибольший интерес у целевой группы вызвали индивидуальные консультации. Причем наравне с

вопросами о социальном проектировании обращались по проблемам государственной регистрации. Это позволило специалистам предположить значительный рост активных и работоспособных НКО к началу следующего года. В целом, различные мероприятия ресурсного центра посетили более 1000 чел.

Всего 2 гранта были делегированы местным организациям на развитие общественной дипломатии и поддержку соотечественников. Оба разработаны и поданы на конкурс Городской молодежной общественной организацией «Клуб интеллектуального творчества г. Саранска». Финансирование НКО потребовалось на проведение Кубков по интеллектуальной игре «Что? Где? Когда?». Охват первого из них включил всю территорию Российской Федерации и страны СНГ. В рамках второго – были присоединены национальные клубы и ассоциации Германии, Израиля и Финляндии и пр. Грантовая часть сметы мероприятий составила 5 109 300 руб.

Пока безуспешными являются попытки получить финансирование Мордовской республиканской общественной организации «Волонтеры Мордовии» и Мордовского республиканского отделения Международного общественного фонда «Российский фонд мира». В первом случае заявлялся комплекс мероприятий, способствующих выстраиванию доверительных партнерских отношений между соотечественниками и гражданами иностранных государств. Во втором – создание «ресурса, который будет способствовать формированию и укреплению положительного имиджа Республики Мордовия и поддерживать связь с представителями финно-угорских и других народов, находящихся на территориях России и иностранных государств. Рассказывать о жизни в Республике Мордовия людям, которые находятся за ее пределами!». По краткому описанию проектов не представляется возможным проанализировать выбранные инструменты реализации задуманного.

В Мордовии отсутствуют победители по направлениям «Выявление и поддержка молодых талантов в области культуры и искусства», «Охрана окружающей среды и защита животных».

Для создания целостной картины активности некоммерческого сектора и анализа его роли в региональном политическом процессе необходимо также выделить ряд организаций и инициативных групп, которые ведут внефинансовую деятельность, но при этом вносят свой вклад в социально-политические трансформации. Среди официально зарегистрированных структур это такие организации как МРОО «Спортивный клуб «Терентич Тим», АНО «Центр профилактики социально значимых болезней «Инсайт», Благотворительный фонд помощи нуждающимся «Мусульмане Мордовии», МРОО ОССД «Много дети» и пр. Неформальный сектор представлен следующими инициативными группами «Дорога добрых дел», «Рука помощи Саранска», «Доброделание РМ», «Центр Гуманитарной помощи кризисным беременным». В основном, их усилия сосредоточены на людях, попавших в тяжелую жизненную ситуацию, и сиротах и детей, оставшихся без попечения родителей.

Думается, что система конкурсов Фонда президентских грантов является первоочередным механизмом, стимулирующим развитие некоммерческого сектора в Республике Мордовия. Об этом свидетельствует то, что за последние несколько лет в некоммерческом секторе появилось большое количество новых акторов, которые уже проявили себя в рамках реализации проектов на средства Фонда. Причем, история становления многих из них говорит о том, что они регистрировались, чтобы участвовать только в распределении грантов. По сути преимуществ и других причин вхождения в правовое поле неформальный блок общественников пока не видит.

Самым большим подтверждением этому является тот факт, что последовательные структурированные программы деятельности местных НКО ре-

ализуются преимущественно с использованием президентских грантов. Иная активность фрагментарна и малоразмерна.

К сожалению, на сегодняшний день нельзя заключить, что система работы с этим источником финансирования налажена со стороны некоммерческих организаций. Уровень профессиональных компетенций в области социального проектирования остается крайне низким. В силу этих причин выделяются несколько лидеров сферы. Они выигрывают проекты ежегодно. Фактически основная часть грантовых средств распределяется между ними. Достаточно много «случайных» победителей, которые смогли предоставить качественные проект не более 1 раза за последние 5 лет. Этот факт говорит о том, что в процессе реализации гранта не были получены новые навыки работы с применением принципов социального проектирования.

О многом говорит рейтинг результативности отдельных направлений грантовых конкурсов. Во-первых, организации стремятся быть универсальными. Они предлагают свои проекты в различных социальных сферах. Некоторые пытаются подаваться по максимальному количеству направлений с максимальным количеством заявок на каждую волну по принципу «что-то выстрелит». Эта особенность лишает социальную сферу точечных узконаправленных проектов, в рамках которых работала бы профессиональная команда специалистов.

Во-вторых, спектр выбираемой проблематики для проектов является весьма узким. Самая популярная тема – социальная адаптация и оздоровление пожилых людей. Для этой целевой группы предлагаются проекты в области образования, пропаганды здорового образа жизни, социального обслуживания и пр. На второе место можно поставить школьников и молодежь. Для них чаще всего разрабатывается комплекс мер просветительской работы с патриотическим уклоном. В последнее время набирает популярность научно-техническое творчество и робототехника. По многим направлениям можно выделить всего 2-3 знаковых проекта.

В целом, за счет массовости выделяются просветительно-патриотические проекты. Такую деятельность охотнее поддерживают представители властных структур.

Таким образом, роль местных некоммерческих организаций в социально-политических трансформациях регионального пространства на сегодняшний момент реализуется с уклоном на ее политический аспект – в качестве лояльного агента формирования различных уровней территориальной идентичности.

Социальная часть деятельности ограничивается небольшим набором проектов и еще меньшим разнообразием тематик. Фактически без внимания некоммерческих структур остаются проблемы «особых» детей, инвалидов, доступности городской среды, социально значимых заболеваний, состояния окружающей среды, занятости населения, реализации прав и свобод осужденных, людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации и пр. В целом, стоит признать дефицит профильных специалистов высокого уровня по данным направлениям социальной работы.

Малоактивными и неэффективными НКО Мордовии выглядели в период пандемии коронавируса и самоизоляции, за исключением волонтерских и добровольческих движений, которые в данном случае управлялись административным ресурсом. Наблюдалось обратное, деятельность НКО на несколько месяцев была парализована из-за новых условий и ограничений. Многие вынуждены были свернуть свои проекты и вернуть деньги в Фонд президентских грантов. Автономные некоммерческие организации социального обслуживания граждан предприняли робкие попытки воспользоваться предоставляемыми государством субсидиями и кредитами, но, в основном, такая мера была воспринята как источник дополнительных средств, а не как антикризисный пакет. Никаких системных программ по помощи гражданам НКО выдвинуть не смогли.

2.3 Проблемы и потенциал участия некоммерческого сектора в принятии и реализации политических решений в Республике Мордовия

Процессы, происходящие в некоммерческом секторе Республики Мордовия, во многом схожи с общероссийскими, однако, факторы внутренней среды обуславливают их уникальность и специфичность. Проведенный экспертный опрос во многом отразил это своеобразие, зафиксировал как положительные тренды, так и значительную проблемность сферы.

Для детального изучения ситуации в регионе был проведен экспертный опрос. В нем приняли участие 3 группы экспертов. Первая группа (25 %) – политологи и социологи, являющиеся признанными специалистами Мордовии в области гражданского лидерства, развития гражданского общества и гражданской идентичности.

Во вторую группу (25 %) вошли представители профильных органов власти, которые в рамках выполнения своих профессиональных функций взаимодействуют с третьим сектором региона (Управление Минюста России по Республике Мордовия, Администрация Главы Республики Мордовия, Министерство образования Республики Мордовия, Министерство социальной защиты, труда и занятости населения Республики Мордовия и пр.).

Большая часть участников опроса – наиболее опытные и авторитетные руководители и сотрудники некоммерческих организаций республики, представляющие разнообразные социально значимые направления общественной деятельности. Они составили третью группу экспертов (50 %).

Всего на вопросы анкеты ответили 58 специалистов. Полученные данные были обработаны с помощью статистического программного обеспечения «SPSS Statistics» с использованием одномерного, двухмерного и многомерного анализа.

Помимо этого, были проанализированы рабочая документация и материалы Ресурсного центра Республики Мордовия «Инфорум для НКО», на базе которого организованы индивидуальные консультации и образовательные программы для граждан, занятых в некоммерческом секторе, в т. ч. в муниципальных районах и сельской местности. В рамках работы ресурсников накоплена ценная информация, способная дать представление о количественных и качественных характеристиках некоммерческого сектора в регионе.

Полученные данные были дополнены результатами интернет-мониторинга социальных сетей, тематических блогов, форумов, СМИ (не менее 25 исследовательских параметров, не менее 35 интернет-локусов, хронологические рамки 2017-2020 гг.). Анализировались сайты и профили некоммерческих организаций в социальных сетях, их стратегии продвижения в информационном пространстве.

Примененные концепции и методы в совокупности позволили реализовать цель и задачи исследования – продиагностировать некоммерческую сферу Мордовии, определить составляющие статусно-ролевых характеристик (ресурса) НКО, выявить их значение в социально-политических трансформациях в условиях регионального пространства.

В регионе нарастает гражданская активность. Впервые с 2000 г. зафиксирована активизация деятельности некоммерческого сектора и рост гражданской активности. Оживление сектора приходится в 2012-2016 гг., пролонгируется на 2016-2020 гг. Участники опроса, в целом, склонны давать этим процессам осторожные оценки – в среднем диапазоне. Не повышается доля НКО-оптимистов и не снижается доля НКО-пессимистов. Не менее 4,3 % экспертов заявляют о том, что ситуация в регионе качественно не улучшается последние 20 лет.

Действительно, с 2012 г. количество НКО в Мордовии увеличивалось. Наиболее показательным в этом плане был 2017 г. – зарегистрировались в

несколько раз больше организаций, чем было ликвидировано. Помимо этого представители третьего сектора значительно более активно начали участвовать в конкурсах грантов. Об этом красноречиво говорит статистика Фонда президентских грантов. Местные организации расширили перечень грантовых конкурсов, на которые подают свои заявки для получения финансирования. За последние 5 лет популярными в Мордовии стали программы и конкурсы Фонда Тимченко, Фонда Владимира Потанина, Фонда «Сорботничество» и пр. Были реализованы инициативы, получившие поддержку в рамках программ развития гражданского общества Минэкономразвития РФ. В начале 2020 г. при финансовой поддержке Федерального агентства по делам молодежи состоялась Медиа-школа для НКО. Заявки на участие в ней подали свыше 70 представителей различных НКО. Эти показатели свидетельствуют о появлении запроса на образовательные и просветительские услуги в некоммерческой сфере, желании общественников перейти на более высокий уровень профессиональной деятельности.

Заметно оживились неформальные сообщества. Именно в этот период появились знаковые группы в социальных сетях, были осуществлены первые сборы на реализацию проектов с помощью краудфандинговых площадок. Самым известным и эффективным стал проект о современных подвигах детей. Его осуществила инициативная группа из Саранска. Сбор организован через специализированный сайт Planeta.ru. В целом, в информационном пространстве региона благотворительность и социально значимые инициативы начали приобретать значимость и популярность.

Часть трендов местного некоммерческого сектора обуславливается региональной спецификой. Подавляющая часть опрошенных экспертов (62,1 %) считают, что сложившаяся система функционирования некоммерческого сектора только в самых общих чертах соответствует общероссийской картине, в большей степени она обусловлена спецификой политического развития Мордовии. Только 1,7 % специалистов посчитали, что местный неком-

мерческий сектор играет заметно более значительную роль жизни региона и общества, чем в других регионах.

Главной трудностью, с которой сталкиваются НКО в Мордовии, большая часть экспертов назвала отсутствие стабильных источников финансирования и различных ресурсов для осуществления деятельности (в совокупности 41,6 %). Часть специалистов указала на недостаточность мер поддержки, предпринимаемых со стороны региональных властей (14,9 %).

Значимой оказалась низкая активность и незаинтересованность СМИ в освещении проектов некоммерческого характера (10 %). А вот «классические» административные барьеры перестали быть источником проблемности. Этот вариант выбрало всего 5,6 % экспертов.

Не вошли в число актуальных проблем, с которыми сталкиваются НКО, недоверие населения к деятельности НКО, отсутствие социального партнерства между некоммерческими организациями региона, низкий профессиональный уровень кадров НКО (по всем пунктам менее 6 %).

Наличие системы преференций в Мордовии признают 41,4 % экспертов. Среди них по преимуществу – руководители НКО и ученые. Чиновники склонны определять условия как благоприятные и одинаковые для всех (32,8 %).

Только 12 % участников опроса посчитали, что в регионе создана максимально комфортная среда для ведения некоммерческой деятельности, 31 % охарактеризовали ее условия как близкие к тяжелым. 20,7 % указали на тот факт, что свободно себя чувствуют лишь отдельно взятые НКО.

В рамках вопроса о сложившихся в регионе межсекторальных отношениях мнения совпали. Подавляющее большинство (74,1 %) опрошенных отметили, что если в регионе и установилось партнерство, то только между представителями власти и отдельными организациями. О всеобщем партнерстве говорили лишь 6,9 %. Небольшая доля экспертов отметила конкуренцию (5,2 %) и взаимное игнорирование (1,7 %).

Исходя из полученных ответов, можно заключить, что специфичность внутрирегионального пространства для общественников обусловлена, прежде всего, отсутствием ресурсов. Эксперты говорили о том, что в регионе банально нет денег для формирования инфраструктуры развития гражданского общества.

Республика Мордовия является высокодотационным субъектом федерации. Дотации центра в течение трех последних отчетных лет составляли от 10 до 40 % от объема собственных доходов¹⁶⁵. Здесь в 2019 г. был зафиксирован наиболее высокий дефицит бюджета (24,5 % доходов)¹⁶⁶. В этом же году республика получила самую крупную дотацию от правительства из всех регионов России¹⁶⁷.

Регион занимает 74-е место в рейтинге регионов по доходам населения. Согласно статистике 18,4 % жителей Мордовии находятся за чертой бедности, в бедственном положении 2,3% населения¹⁶⁸.

На Портале единой автоматизированной информационной системы поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций Министерства экономического развития Российской Федерации содержится информация о поддержке НКО регионами за счёт средств регионального бюджета и за счёт средств регионального и федерального бюджетов. Согласно представленной таблице Мордовия в числе небольшой группы субъектов федерации, чей общий объем финансирования составляет 0 руб.¹⁶⁹

165 Перечень субъектов Российской Федерации, в бюджетах которых доля дотаций из федерального бюджета в течение двух из трех последних отчетных финансовых лет превышала 10 процентов объема собственных доходов консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации. 2019. [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/files/3/8/1304783/15_11_2019_1032.pdf (дата обращения: 26.04.2020).

166 70 субъектов федерации закончили 2018 год с профицитом бюджета. Сообщения и материалы информационного агентства «РБК». 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/02/20/5c6c085e9a7947758c7d6d23> (дата обращения: 26.04.2020).

167 Мордовия получила самую крупную дотацию в РФ на сбалансированность бюджета. Материалы информационного агентства «REGNUM». 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2798152.html> (дата обращения: 26.04.2020).

168 Рейтинг регионов по доходам населения / РИА-рейтинг. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mordovmedia.ru/news/economics/item/76489/>

¹⁶⁹ Статистика по регионам Портала единой автоматизированной информационной системы поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций Министерства экономического развития Российской Федерации.

Сообразно этой ситуации местные НКО не имеют возможности как их коллеги из других российских регионов обращаться за финансированием к региональным источникам. Фактически муниципальный и региональный уровни исключены из процесса формирования бюджетов проектов некоммерческих организаций. В связи с этим активизацию деятельности местного третьего сектора в 2016-2017 гг. можно связать с реформированием системы президентских грантов и увеличением мер поддержки именно на федеральном уровне.

По мнению экспертов, низкая ресурсная база НКО Мордовии осложняется закрытостью процесса принятия решений (чиновникам нет смысла интересоваться мнением НКО) и клановостью политической элиты (мало хороших специалистов на местах) и пр.

Исследователями политического регионального процесса в Мордовии также отмечается его специфичность. Акцентируется внимание на выборе кланово-корпоративных и экономических связей в качестве основ межэлитных взаимодействий, а патриархально-административного сознания как принципа существования бюрократического аппарата¹⁷⁰. В 2000-х в регионе был популярен лозунг «Согласие. Порядок. Созидание», фактически закрепляющий ценность управляемости. Спустя 20 лет он не потерял своих политических смыслов.

Подобные практики определяют многие внутрирегionalные процессы, накладывают отпечаток на систему отношений по линии «власть – гражданское общество», формируют профессиональную и политическую культуру чиновников.

Логичными в этой связи выглядят ответы экспертов о равнодушии чиновников, о невозможности попасть на прием и добиться минимальной по-

ской Федерации / Материалы Министерства экономического развития РФ. URL: <http://nko.economy.gov.ru/Statistics/> (дата обращения: 20.04.2020).

¹⁷⁰ Бахлова О. В. Формирование политических механизмов регионального управления в постсоветской России: опыт типологизации моделей властных отношений // Регионоведение. – 2012. – №1. [Электронный ресурс]. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/861>

мощи, о желании представителей властных структур установить контроль над деятельностью НКО и работать только со «своими» людьми.

Ярким примером последнему является создание в 2016-2017 гг. в каждом муниципальном районе Мордовии автономных некоммерческих организаций социального обслуживания граждан (АНО СОГ). Фактически они являются подведомственными Министерства социальной защиты, труда и занятости населения Республики Мордовия организациями со штатом социальных работников. Задача их создания была продиктована появлением Федерального закона "Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации" от 28.12.2013 №442-ФЗ, который предоставил доступ негосударственных акторов к самой масштабной нише в социальном секторе. АНО СОГ вступили единственным конкурентом традиционным участникам-поставщикам социальных услуг.

Их формат существования представляет собой предпочтительную модель некоммерческой деятельности в Мордовии – управляемые, подотчетные, лояльные властным структурам, работоспособные, в меру активные.

Именно АНО СОГ по преимуществу принимают участие в круглых столах, совещаниях, семинарах, экспертной работе, организованных под эгидой представителей власти различных территориальных уровней. В совокупности АНО СОГ обеспечивают до 20 % всех заявок региона на президентские гранты. Проектная активность объясняется соответствующей позицией руководства. Безусловно, есть исключения.

Чиновники и общественники по-разному воспринимают ситуацию в регионе. При детализации результатов оказалось, что эксперты из числа представителей органов власти значительно более оптимистично оценивают ситуацию в регионе, тогда как большая часть специалистов из НКО говорят о крайне негативных тенденциях, сложившихся в некоммерческом секторе. В связи с этим исследователи получили полярные мнения на многие вопросы анкеты.

В первую очередь это касается политико-публичной сферы. 27,6 % экспертов считают, что внутрирегиональное пространство Мордовии представляет собой дискуссионную площадку для различных мнений разнообразных акторов, тогда как более 50 % участников опроса с ними в корне не согласны. Из них 31 % выбрали ответ «определяется доминирующими властными структурами региона (командой главы, региональной властной элитой), 19 % – «представлена ограниченным кругом наиболее представительных и влиятельных участников из региональных сообществ». Всего 1,7 % опрошенных отрицали наличие нормальной политико-публичной сферы в республике. Такое распределение цифр может говорить о консенсусе относительно того, что процесс межсекторального сближения в регионе, в целом, запущен. Отдельный вопрос в том, насколько эксперты разошлись в его оценке.

Вариативность мнений сохранилась и в вопросе об эффективных формах влияния на принятие политических решений. Представители властных структур чаще остальных выбирали такие варианты как «обращение в приемные органов власти Республики Мордовия и Российской Федерации» и «избрание в органы власти».

Эксперты из некоммерческого сектора и ученые в качестве наиболее действенных механизмов отмечали использование неформальных связей (дружеских связей, землячество) и публикацию открытых писем и материалов в СМИ и интернете.

Непопулярными среди всех групп экспертов оказались следующие каналы коммуникации: обращение в международные организации (например, Европейский Суд по правам человека и др.) – 0,5 %; организация и участие в политических протестных акциях – 1,6 %; обращение в некоммерческие организации, фонды, центры поддержки граждан – 3,7 %.

Всего 0,5 % опрошенных заявили, что в Мордовии нет эффективных форм и способов влияния.

На практике в публичной политике Мордовии взаимодействие политиков и чиновников и НКО сведено к минимуму. Наиболее знаковые встречи и проекты организованы на площадке Общественной палаты Республики Мордовия. Однако, в них принимают участие ограниченное количество представителей НКО, до 15-20 структур со всего региона.

Несколько раз в год победителей президентских грантов собирают на торжественное награждение по случаю памятных дат или государственных праздников. Мероприятие курирует Администрация главы Республики Мордовия.

За последние несколько лет наиболее массовые мероприятия прошли в рамках обучающих семинаров Фонда президентских грантов на базе Дома Республики. Ажиотаж вызвал приезд заместителя генерального директора И. Дементьева в г. Саранск. Встречу с ним посетили около 100 сотрудников местных некоммерческих структур.

В конце 2019 г. в Мордовии состоялся первый круглый стол для представителей власти, НКО и СМИ, организованный «снизу» – Ресурсным центром Республики Мордовия «Инфорум для НКО». Он собрал около 50 некоммерческих организаций. Мероприятие посетили Заместитель Руководителя Администрации – начальник Управления по внутренней политике Ратников А. В., руководитель Общественной палаты Республики Мордовия Ломаткин А. Н. и т.д. В целом, получилась достаточно оживленная дискуссия. Общественники поделились своими проблемами и трудностями. Наиболее часто поднималась тема отсутствия помещений и офисов для полноценной работы, а также равнодушие профильных органов власти и недостаток системного взаимодействия по остроактуальным проблемам территории.

Некоммерческий сектор Мордовии замкнут на внутрирегиональном пространстве. Основываясь на своем опыте, эксперты постарались сравнить ситуацию с некоммерческим сектором в Мордовии и других регионах По-

волжья. 29,3 % – ответили, что у них нет понимания, происходящего на других территориях.

43,1 % опрошенных отметили, что разница является значительной. НКО играют более заметную роль в жизни общества в анализируемых регионах. 13,8 % считают, что, в целом, ситуации схожи, а 12,1 % – не нашли отличий вовсе.

Очевидно, что такие регионы как Самарская, Нижегородская, Ульяновская области, Республика Татарстан демонстрируют отличные от Мордовии показатели. Они являются признанными лидерами с образцово-показательной средой с точки зрения концептуального и законотворческого оформления деятельности некоммерческого сектора.

Опрос, проведенный в Мордовии, показывает, что 80 % представителей НКО не выезжают за пределы своего региона для обмена социальными практиками и не знакомятся с проектами своих коллег из других регионов. Самыми узнаваемыми мероприятиями для сектора являются «Съезд НКО», форум «Сообщество», «Окружная Ассамблея СО НКО Приволжского федерального округа», форум «Доброволец России». В разные годы их посещали не более 20 НКО Мордовии. Только около 5 руководителей организаций систематически выезжают для участия в проектах для сообщества, повышении квалификации, конференциях и пр. Среди причин низкой активности опрошенные назвали недостаток финансирования, отсутствие времени в связи с высокой занятостью на работе.

Следствием этой тенденции является циркуляция среди НКО только внутренней информации, заикленность на своих проблемах и специфичности регионального пространства. Гражданские лидеры не знакомы с целым рядом трендов, уже получивших развитие в субъектах федерации. Можно диагностировать отставание от общероссийских процессов на 5-7 лет. Например, первые ресурсные центры в Нижнем Новгороде начали возникать в 2010 г., в Самаре – 2012 г. Конкурс профессионального мастерства в пере-

численных регионах организован начиная с 2015 г., в Мордовии подобное мероприятие прошло впервые в декабре 2020 г.

Взаимодействие между представителями НКО и властных структур минимально, но имеющийся опыт не является отрицательным. По мнению экспертов в закрепившемся варианте взаимодействия власти и НКО в Мордовии отсутствуют крайне негативные тенденции. Представители власти склонны считать их оптимальными, тогда как специалисты-общественники указали на тот факт, что чиновники принимают недостаточно активное участие в проблемах третьего сектора.

Гражданские инициативы не остаются незамеченными властной элитой, однако, помощь с их стороны нельзя назвать достаточной. Так отметили 37,9 % экспертов. 17,2 % – указали на то, что чиновники чаще поощряют за успехи, но при этом стараются не вмешиваться в деятельность НКО.

Никто из экспертов не говорил о противостоянии по линии «власть – НКО» или о том, что власти пытаются мешать реализации гражданских идей. Однако, 12,1 % специалистов отметили попытки установить контроль над деятельностью ряда организаций.

Об игнорировании заявили всего 3,4 % представителей местных НКО.

Не отрицали эксперты факт существования прозрачных площадок для коммуникаций, где представители НКО могут открыто выразить свое мнение и привлечь внимание органов власти и управления (70,7 %). Часть из них, однако, отметили, что таких площадок крайне мало (32,8 %).

13,8 % опрошенных не смогли назвать эффективные формы взаимодействия. Все они являются представителями НКО.

Среди каналов коммуникации в качестве доминирующего эксперты выделили Общественную палату Республики Мордовия (25,5 %). На втором месте оказались профильные министерства и ведомства (19,1 %). Третьим по интенсивности взаимодействий стал формат личных (неформальных) контактов с представителями органов власти (15,3 %).

Из всех перечисленных каналов (Управление Минюста РФ по Республике Мордовия, Администрация главы РМ и пр.) самые низкие оценки получило взаимодействие через органы местного управления и самоуправления. Всего 6,6 % голосов.

На фоне прочих институтов гражданского общества некоммерческий сектор признается открытым, но конъюнктурным. Эксперты провели сравнительный анализ различных функциональных качеств таких региональных структур как региональные СМИ, некоммерческие организации, интернет-сообщества, региональные отделения политических партий.

НКО оказались на втором месте по открытости для гражданского участия. 55,2 % экспертов посчитали, что для данная черта максимально присуща третьему сектору. Первое место признали за интернет-сообществами.

По проявлению независимости также лидируют сетевые формы гражданского общества (70,7 %). Оценки некоммерческого сектора в данном случае оказались на уровне показателей региональных отделений политических партий. Всего по 30 % опрошенных указали, что этим институтам присуща автономность в принятии решений.

Лояльными властным структурам эксперты посчитали все анализируемые институты. Исключение составили только интернет-сообщества (всего 18,9 %). Процент характерности для некоммерческого сектора достиг 51,7. Это, однако, на порядок ниже, чем для региональных отделений политических партий и региональных СМИ (по 67,3 % и 69 % соответственно).

Активность, популярность и эффективность – характеристики НКО различного порядка. Три вопроса анкеты о структурах-лидерах некоммерческого сектора, обладающих определенными свойствами, дали три вариации ответов.

Большинство опрошенных специалистов в качестве эффективных отметили молодежные объединения (12,5 %) и религиозные общины, организации, движения (10,7 %). В конце списка оказались профессиональные ассо-

циации и творческие союзы (1,6 %), культурно-просветительские НКО (4,3 %), правозащитные и благотворительные организации (по 5,4 %).

Возглавили перечень НКО, обладающих общественной поддержкой, организации в сфере культуры (26,4 %), поддержки инвалидов и пожилых людей (17,9 %), благотворительности (16,4 %). На фоне остальных они оказались более востребованными в региональном сообществе.

По мнению экспертов по популярности им в большей мере уступают бизнес-сообщества (4,4 %), профессиональные сообщества (3,7 %), научные сообщества (2,2 %) и местные СМИ (0 %).

Такое положение дел объясняется специфичными смысловыми значениями категорий «активность» и «эффективность», которые сложились в регионе. Оба понятия увязываются со способностью лоббировать свои интересы и достигать финансового благополучия. Так ответили 38 % экспертов. Вдвое меньше опрошенных (16,7 %) отдали приоритет готовности НКО решать значимые общественные проблемы региона или отдельных групп его населения. Постоянство и системность деятельности отметили всего 11,3 %, высокое качество проектов – 11 %. В число требований к НКО не вошли их известность за пределами региона, а также высокий уровень привлеченных специалистов (по 4 %).

Перечень субъектных НКО существенно ограничен. Опрос показал, что даже экспертам достаточно трудно назвать более 2-3 эффективных и работоспособных НКО региона. 23 % опрошенных оставили вопрос без ответа. Остальными были названы всего 28 уникальных наименований.

Полученные данные позволили составить список из 12 организаций, которые упоминались хотя бы несколько раз. Среди них оказались следующие:

– Республиканская молодежная общественная организация - Мордовское республиканское патриотическое объединение «Поиск» (6 упоминаний);

- Мордовское республиканское отделение общероссийского благотворительного общественного фонда «Российский фонд милосердия и здоровья» (4 упоминания);
- АНО «МХАТИК» (4 упоминания);
- Мордовская республиканская молодежная общественная организация «Союз православной молодежи РМ» (3 упоминания);
- Общественная организация «Мордовский республиканский правозащитный центр» (3 упоминания);
- АНО «Центр поддержки и защиты детства» (3 упоминания);
- АНО ЦНАОиСТ «Научный ресурс» (3 упоминания);
- Мордовское республиканское отделение Всероссийской общественной организации «Союз добровольцев России» (2 упоминания);
- Общероссийское общественное движение «Ассоциация финно-угорских народов РФ» (2 упоминания);
- Общественная организация - национально-культурная автономия татар РМ «Якташлар» («Земляки») (2 упоминания);
- Рузаевский МР Молодежная общественная организация «РОСТ» (2 упоминания).

Представленные организации также являются лидерами по привлеченным средствам на реализацию своих проектов.

Участие некоммерческих организаций в социально-политических трансформациях ограничено отдельными сферами и направлениями. Все три группы специалистов солидарны с тем, что структуры некоммерческого сектора лишь частично (в отдельных сферах и отдельные НКО) способны влиять на принятие политико-управленческих решений в регионе. Так ответили 74,1 % экспертов.

Наиболее открытыми сферами участники опроса посчитали социальную защиту и городскую (местную) политику. Однако чувствительность этих направлений все равно остается крайне низкой. По мнению экспертов, поли-

тика ни одного из указанных в анкете направлений не формируется с полноформатным участием НКО. Наиболее слабые позиции (сводятся к нулю) общественников в сфере улучшения работы деятельности органов власти и политике экономического развития.

Роль НКО в отдельных сферах признана значимой. О многом говорит экспертная оценка вклада некоммерческого сектора в улучшение социально-политической и экономической ситуации в регионе. 20,7 % специалистов подобные уже реализованные практики назвала успешными. 63,8 % – отметили лишь ряд эффективных проектов и сфер их применения. Всего 1,7 % опрошенных отрицали какое-либо значение некоммерческих инициатив в масштабах региона.

Межсекторальная коммуникация сведена к минимуму, в основном – основывается на личных связях. Эксперты обозначили отношения между НКО региона как партнёрство отдельных организаций. О конкуренции заявили всего 5,2 %, о взаимном игнорировании – 1,7 %. Однако, о полноценном взаимодействии также не идет речи. Процент экспертов, которые дали обратный ответ, составил всего 6,9 %.

У общественников-партнеров преобладает совместная организация мероприятий, проектов и акций (27,5 %), информационное сотрудничество (17,6 %), взаимные консультации (17,6 %). Довольно часто НКО практикуют привлечение друг друга в качестве специалистов в реализацию социально значимых проектов. Не принято работать вместе над обращениями в органы государственной власти, совместно искать источники финансирования (мее 4 %).

Объем общественной поддержки НКО считается достаточным. Среди проблем некоммерческого сектора эксперты не выделяли трудностей с включенностью граждан в социально значимую деятельность. 8,6 % – отметили высокий уровень обратной связи от общественности. 58,6 % – оценили этот

показатель в среднем диапазоне. 25,9 % опрошенных оценили его как низкий. Среди этой группы наиболее часто встречались эксперты из числа НКО.

Факторами, влияющими на коммуникацию между обществом и некоммерческим сектором, были названы отсутствие стабильного финансирования для реализации целей организаций (27,6 %) и низкая информированность населения о некоммерческой деятельности (23,1 %). Менее значимы, по мнению экспертов, непостоянство и фрагментарность деятельности (9,7 %). Во все не актуальна проблема низкого доверия к НКО (5,2 %).

В целях улучшения ситуации необходимо увеличение мер поддержки для НКО. В логике реформирования взаимоотношений представителей власти и НКО приоритетные направления дальнейших изменений эксперты расставили следующим образом:

- увеличение мер поддержки со стороны региональных органов власти и управления (20,2 %);
- привлечение представителей НКО к решению социально значимых проблем региона (18,2 %);
- развитие инфраструктуры для деятельности НКО (льготная аренда, специальная система налогообложения, центры поддержки) (17,7 %);
- повышение уровня инициативности и активности самих некоммерческих организаций (10,8 %);
- создание органами власти специальных проектов для продвижения НКО и тиражирования и масштабирования их мероприятий (9,4 %).

Несмотря на значение мер поддержки, очевидно, что важно и то, в какой форме они будут осуществляться. По замечанию участников опроса, ту помощь, которая уже оказывается централизованно (Фондом президентских грантов) не имеет смысла переносить на региональный уровень. Республика должна сформировать собственный механизм участия в развитии некоммерческого сектора. Эксперты предложили начать широкомасштабную работу по включению НКО в процесс решения социальных проблем и задач, стоя-

щих перед региональным сообществом. Для выправления сложившейся ситуации важно создать коммуникативные площадки межсекторального и внутрисекторального взаимодействия. Назрел вопрос о привлечении местных НКО к экспертной работе и консультированию органов власти и управления в рамках тематик, относящихся к их профессиональным компетенциям.

Краткие выводы

Оценив проблемы и потенциал некоммерческого сектора Республики Мордовия, автор получил возможность диагностировать различные составляющие его ресурсов. Условно их можно объединить в несколько блоков.

– Ресурс количества. Не смотря на внушительные цифры количества структур некоммерческого сектора Мордовии, в том числе СО НКО, только небольшой процент из них является работоспособным. На данном этапе значительная часть гражданских лидеров остается в зоне неформального активизма, испытывая трудности доступа к большинству официальных источников финансирования.

– Ресурс разнообразия. Некоммерческий сектор Мордовии стремится к универсальности. Охват проблемно-тематических ниш в Мордовии минимален. Отсутствуют НКО, которые могли бы предоставлять проекты во многих областях, таких как защита прав и свобод человека, в том числе заключенных, охрана окружающей среды и защита животных и пр. Уже сейчас ощущается нехватка точечной внеадминистративной работы в рамках профилактики социально значимых заболеваний, создания инклюзивной среды, помощи инвалидам и их реабилитации, поддержки людей, попавших в тяжелую жизненную ситуацию и пр.

– Ресурс общественной поддержки. Показатель общественной инкорпорации в некоммерческий сектор остается на низком уровне. Население банально недостаточно осведомлено о деятельности тех или иных НКО вследствие, с одной стороны, их исключения из решения социально значимых проблем, с другой стороны, низкой информационной активности последних.

Однако, учитывая специфику малоразмерности местных организаций и маломасштабности их проектов, доля включенной аудитории позволяет структурам третьего сектора не ощущать дефицит общественной поддержки. По сути, некоммерческие структуры работают с таким количеством граждан, которым могут оказать услуги или включить в реализацию своих мероприятий. Такой объем для них является достаточным.

– Ресурс наполняемости бюджетов. Некоммерческим структурам в условиях регионального пространства приходится решать вопросы выживания, а не развития. В Мордовии отсутствуют комплексные правительственные меры поддержки некоммерческого сектора. Население ограничено в экономическом поведении в силу низких доходов (74 место по доходам населения в 2019 г.¹⁷¹). Результативность участия в конкурсах президентских грантов составляет не более 16 %. Всего 4 % НКО получают постоянное финансирование. По мнению самих общественников, бюджетная ограниченность – это первоисточник всех негативных тенденций в некоммерческом секторе региона.

– Ресурс компетенций. Некоммерческий сектор Мордовии не имеет профессионального кадрового состава. Он включает граждан, состоявшихся в определенных общественных областях, но эти компетенции не коррелируют с тем, что необходимо для развития современной НКО. Наиболее частым механизмом получения необходимых знаний и умений является метод обучения в процессе. Желание работать на некоммерческом поприще преобладает над реально имеющимися для этого навыками. Прежде всего, это касается руководителей НКО. Если небольшой запас высококвалифицированных специалистов, которых можно привлекать от проекта к проекту, есть, то профессиональные и подготовленные управленцы – исключительное явление. Заметны проблемы мотивационного толка. Сотрудники, занятые в некоммерче-

¹⁷¹ Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2019 / Материалы Национального рейтингового агентства. URL: <https://ria.ru/20200217/1564483827.html> (дата обращения: 19.05.2020).

ском секторе, предпочитают действовать по наитию, нежели проходить обучение в рамках специализированных программ. Взаимосвязь между уровнем компетенций и благополучностью развития НКО на фоне отсутствия перспектив получения финансирования не очевидна.

– Ресурс солидарности. Внутрисекторальное взаимодействие в Мордовии сведено к минимуму, в основном, основывается на личных связях, образуя подобие «клубов»¹⁷². Не смотря на то, что в регионе не установилась атмосфера конкуренции, партнерство также не распространено. Местные НКО придают мало значения профессионализации сообщества и позиционному единству. Нет примеров проявления коллективной позиции структур некоммерческого сектора региона. Рассогласованы действия НКО, работающих с одной и той же целевой группой. В настоящее время предпринимаются первые попытки объединить организации под эгидой ресурсного центра, однако, этот процесс идет достаточно медленно в силу немотивированности общественности.

– Ресурс влияния. С увеличением потенциала некоммерческого сектора возрастает желание администрации республики его контролировать. Ситуация осложняется отсутствием крупных местных акторов третьего сектора, способных артикулировать интересы своих целевых групп, не говоря уже о возможности их лоббирования.

Крайне важно, какой набор реакций демонстрирует властная элита. Именно в межсекторальном взаимодействии НКО усваивают доминирующие правила, стратегии и модели поведения в региональном пространстве.

Представители профильных органов власти и управления Мордовии склонны более оптимистично оценивать сложившуюся ситуацию в некоммерческом секторе. Такой подход ведет к упрощению мер поддержки. Они становятся менее проблемноориентированными.

¹⁷² Евстафьев Д. Г. Интегрированные коммуникации как глобальная реальность XXI века. 500 тезисов об интегрированных коммуникациях – М. : ЭРА, 2013. – 652 с.

При этом местные чиновники предлагают бюрократический путь взаимодействия, формы которого отвергаются некоммерческим сектором в силу их неэффективности и непродуктивности. Все участники коммуникации осведомлены о том, что широкое распространение получил формат личных связей. Он является более действенным и результативным. Наличие/отсутствие этого ресурса у НКО определяет возможность пользоваться системой преференций. Большая часть НКО оказалась изолированной, фактически выведенной из политико-публичного поля и процесса принятия решений.

Самое ценное, что удалось зафиксировать – это готовность представителей третьего сектора работать даже в условиях сложной, специфической и ограниченной среды.

Как уже отмечалось, отставание от соседних регионов по уровню развития некоммерческого сектора достигает 5-7 лет. Для преодоления этого разрыва требуется мощный рывок, смелые управленческие решения и аккумуляция достаточно больших ресурсов. Пока НКО можно рассматривать как группу, которая требует помощи и поддержки, наравне с их собственными благополучателями. О системном эффекте их деятельности говорить рано.

Заключение

Данное исследование представляет собой анализ состояния и перспектив развития некоммерческого сектора. В процессе его проведения автор выяснил его роль в социально-политическом пространстве Республики Мордовия.

Во-первых, были адаптированы подходы по проблематике развития некоммерческого сектора, рассмотрены этапы трансформации и проблемы участия институтов гражданского общества в российском политическом процессе.

Опираясь на достаточно весомую и аргументированную методологическую базу ученых, выделим следующие актуальные для нашего исследования позиции:

- роль гражданского общества на современном этапе несводима к дихотомии «гражданское общество – государство» и их противостоянию; охват вопросов, инициированных его структурами, значительно шире и выходит за рамки существования мира политического;

- публичная сфера является смежной со сферой гражданских коммуникаций, ее форма и конфигурация также настраиваются параметрами политической системы;

- гражданское общество является «продуктом истории», всегда учитывается контекст, конкретное место и его символически-ценностное содержание;

- как гражданское общество невозможно представить без организованных «снизу» негосударственных структур, так и ассоциированность стала неотъемлемым процессом гражданских взаимодействий на современном этапе;

- связь государства и некоммерческого сектора амбивалентна; практически любой современный политический режим имеет собственный набор

настроек учета интересов граждан через данный канал коммуникации; в свою очередь, НКО вырабатывают собственный механизм влияния на власть;

- через функционал ключевого актора публичной сферы некоммерческий сектор определяется как «соединительная ткань» общества, которая генерирует исходные данные для формирования политики;

- на современном этапе формализованная ассоциированность граждан является не единственной формой коллективного участия; новые «сетевые» общественные движения созревают вне НКО и претендуют на часть их ресурсной базы. Прежде всего, в части преобразования групповых интересов в ценности.

Современные концепции гражданского общества позволяют уйти от противопоставления, идеи «врага», принципа «мы» против «них». С исчезновением «противника» сосредоточение на треугольнике «гражданское общество – некоммерческий сектор – публичная политика» выглядит логично и целесообразно. Область сопряжения государственной власти и НКО расширяется и появляется перечень новых тем и вопросов взаимодействия. Их качественный анализ требует комплексного подхода.

Во-вторых, выявлены основные этапы трансформации роли некоммерческих организаций в России.

Автору близка позиция обязательной детализации современного периода развития НКО и выделения дополнительной этапности в зависимости от доминирующих трендов. Исходя из проделанного анализа ситуации, она начинается с 1988 – 1991 гг. Для первого этапа было характерно хаотичное возникновение ассоциаций, самодеятельность как тип работы, высокая роль представителей интеллигенции в формировании общественных объединений.

Последующие этапы были связаны не только с усложнением и обновлением трендов развития некоммерческого сектора, но и с его структуризацией, упорядочиванием правил для функционирования. Безусловно, можно выделить тренд усиления контроля над деятельностью НКО со стороны гос-

ударства, возвращения коммуникационную систему отношений по линии «власть – НКО» на региональном уровне в ассиметричном виде.

Современный этап характеризуется нарастанием данной тенденции, думается, что ее предел еще не достигнут. НКО превращаются в инфраструктуру по аккумулярованию человеческих, информационных, организационных и иных ресурсов. Часто, по прямому запросу государственных институтов власти. Поэтому они логично встроены в политическую систему управления. Декларируемая «сверху» риторика относительно гражданского общества касается именно данных аспектов и направлений развития. Значительно суженным в этот период оказываются отдельные пространства деятельности некоммерческих организаций.

В третьих, определены составляющие ресурсного обеспечения некоммерческого сектора в условиях современных внутрирегиональных пространств. В качестве основного вывода можно заключить, что система ресурсов некоммерческого сектора – это объемный перечень цифровых показателей, описаний качества жизни НКО, характеристик их структуры и пр. Региональная среда – набор стимулирующих и сдерживающих факторов, возможностей маневрирования, система действий или противодействий для нарастания ресурсного обеспечения. Дислокация определяет дизайн строения, вероятность выживания и созревания НКО. Появившаяся в конкретном региональном пространстве организация приспосабливается под его настройки и генерируется с изменением запроса на социально-политические трансформации.

В-четвертых, рассмотрен кейс состояния некоммерческого сектора в Республике Мордовия.

Оценка состояния некоммерческого сектора не позволяет говорить о сильных позициях и субъектности НКО внутри региона, тем более, за его пределами. Опыта и усилий местных НКО недостаточно для того, чтобы полноформатно включаться в общественную жизнь и влиять на процесс со-

циально-политических трансформаций. В целом, мы можем говорить об избыточности случайных акторов в некоммерческом секторе региона. Их можно назвать организациями «одного проекта». При этом наблюдается дефицит легальных (юридически оформленных) и легитимных (имеющих позитивный или нейтральный имидж) «баз», пригодных для реализации гражданских инициатив. Особенно данная тенденция характерна для муниципальных районов республики.

Несомненно, все особенности развития региона сообразно отражаются на развитии его третьего сектора. На взгляд автора, приоритетна позиция представителей власти. Региональная специфика – это та база, которая определяет дизайн деятельности некоммерческого сектора.

В-пятых, проанализированы содержание и факторные свойства взаимодействия по линии власть – некоммерческий сектор в региональном политическом процессе.

Взаимодействие между представителями НКО и властных структур минимально, но имеющийся опыт не является отрицательным. В закрепившемся варианте взаимодействия власти и НКО в Мордовии отсутствуют крайне негативные тенденции. Представители власти склонны считать их оптимальными, тогда как специалисты-общественники указали на тот факт, что чиновники принимают недостаточно активное участие в проблемах третьего сектора.

Низкая ресурсная база НКО Мордовии осложняется закрытостью процесса принятия решений (чиновникам нет смысла интересоваться мнением НКО) и клановостью политической элиты (мало хороших специалистов на местах) и пр.

Наиболее действенные механизмы взаимодействия – использование неформальных связей (дружеских связей, землячество), поэтому в пространстве «эффективными» НКО признаны те, кто смог наладить больше внеинституциональных (личных) связей с местными чиновниками.

Примечательно, что на фоне прочих институтов гражданского общества некоммерческий сектор признается открытым, но конъюнктурным.

В-шестых, раскрыта роль некоммерческого сектора Республики Мордовия в социально-политическом пространстве региона на основании эмпирических данных.

Оценка ресурсного обеспечения некоммерческого сектора Мордовии не позволяет говорить о сильных позициях и субъектности НКО внутри региона, тем более, за его пределами. Опыта и усилий местных НКО недостаточно для того, чтобы полноформатно включаться в общественную жизнь и влиять на процесс социально-политических трансформаций. Большая часть НКО оказалась изолированной, фактически выведенной из политико-публичного поля и процесса принятия решений. И власть, и НКО стремятся к созданию собственного рабочего вакуума, исключающего необходимость участия второй стороны.

Однако, в случае Республики Мордовия мы можем диагностировать нарастание ее некоммерческого потенциала. Самое ценное, что удалось зафиксировать – это готовность представителей третьего сектора работать даже в условиях сложной, специфической и ограниченной среды.

Становится очевидным, что в последние годы в сектор приходят определенный тип людей (в т.ч. из бизнеса, науки, системы образования, здравоохранения и пр.). Во многих регионах этот процесс уже осуществлен. В Мордовии – только набирает обороты. Во-первых, для них важно быть профессионалами своей сферы. Во-вторых, они хотят соответствовать особому статусу лидера некоммерческого сектора, а это высокие моральные принципы, человеколюбие, гуманизм, ответственность и пр. Часто они применяют формулировки «обязан делать хорошо», «должен выполнять на 100 %». Заметна тенденция наделять себя субъектной позицией и брать на себя ответственность за происходящее в регионе / городе / сфере и пр.

Практически у всех красной линией проходит тема миссии – неосознаваемой внутренней силы, которая заставляет действовать и выстраивать жизнь и деятельность относительно преумножения общественного блага. Часть из лидеров пока заменяют образом миссии стратегическое планирование своего развития и развития общественной деятельности – по принципу «будь, что будет».

Думается, что данный тренд будет феноменально раскрываться в процессе современных социально-политических трансформаций и неопределенности. Представителям властных структур на региональном уровне придется вносить коррективы и в свой курс, менять подходы работы с отдельными представителями некоммерческого сектора. Судя по полученной аналитике, данная сторона будет крайне этому сопротивляться в силу своей инертности и патерналистскому мышлению.

Некоммерческий сектор Мордовии (как и других российских регионов) определяется его статусно-ролевым наполнением. Анализ специфики ситуации республики позволяет выделить ряд общих важных закономерностей.

– Оптимальность условий деятельности третьего сектора достигается за счет баланса между числом юридически оформленных структур и количеством инициативных команд, способных создавать социально значимый продукт и поставлять его населению. Количество НКО само по себе мало значимо и не коррелирует с эффективностью некоммерческого сектора.

– Искусственное наращивание структур некоммерческого сектора, так называемая подведомственность НКО, ведет к бюрократизации сферы, ее огосударствлению, подмене объекта внимания и поддержки, подлогу инновационности на управляемость.

– Негласный запрет на гражданский активизм в каком-либо направлении некоммерческой деятельности обуславливает его перетекание из формального в неформальный сектор.

– Социально-инновационная непродуктивность и низкая активность формального некоммерческого сектора уравнивается действиями неформального сетевого гражданского лидерства.

– Для каждого регионального пространства ощутимо отсутствие деятельных некоммерческих организаций в любой из социальной ниш. Вместе с проблемами артикуляции общественных интересов диагностируются патологии политического и режимно-ограничительного характера.

– Эффективность взаимодействия по линии «власть – некоммерческий сектор» не достигается в условиях запрета некоммерческой деятельности в совершенствовании механизмов работы органов власти и управления. Закрытость и замкнутость властных структур на самих себе крайне ограничивает (сводит к нулю) возможности НКО.

– Оценка значения роли некоммерческого сектора и восприятие субъектности его структур властной элиты коррелирует с объемом и проработанностью мер поддержки для НКО.

– Характеристика размерности и проектной масштабности НКО определяет уровень включенности населения в деятельность некоммерческого сектора. Он пропорционален совокупному показателю пропускной способности организаций как поставщиков социальных услуг. Организации не стремятся привлечь больше внимания и поддержки, чем могут запустить в работу.

– Нормативная модель социального взаимодействия представляет собой трехстороннее сотрудничество населения, некоммерческого сектора и представителей власти – некий общественный контракт, где каждая из сторон придерживается своего функционала. Выход из обязательств любой из единиц обесмысливает деятельность остальных. Набор таких ситуаций – низкая включенность граждан, контроль некоммерческой деятельности со стороны администраций, внеправовой формат реализации проектов НКО, ограничение работы НКО зоной государственного «заказа» и пр.

– В нормальной региональной среде для представителей НКО качество проектов и оказываемых услуг приоритетно над любыми другими показателями эффективности некоммерческого сектора. При патологии развития – способность наращивания ресурсного обеспечения.

– Субъектность некоммерческого сектора формируется на фоне культурно-исторического процесса посредством накопления истории ассоциированности. О зрелости некоммерческого сектора региона можно судить по длительности жизни НКО с учетом их периода активности.

– Субъектность НКО формируется готовностью к позиционному единству каждой из структур, как во внутрисекторальном взаимодействии, так и во внешней среде.

– Необходимое условие эффективного функционирования некоммерческого сектора – его беспрепятственное вхождение в решение общезначимых проблем территории. Создание «декорации» гражданской активности ведет к дефектности общественной сферы.

– Фактор неформального влияния и преференциальный режим распределения мер поддержки снижает автономность всех структур некоммерческой сферы, соответственно, отражается на качестве некоммерческого продукта.

– Бюджетная ограниченность определяет целую систему проблемности качества жизни НКО: от кадровых трудностей до вопросов статуса.

– Симметричное снижение потоков финансирования НКО из наиболее важных источников ведет к фактической приостановке формальной некоммерческой деятельности в регионе.

– Кадровый состав НКО является настоящим драйвером развития некоммерческого сектора. Рисунок структуры организации определяется субстратом из личностных, профессиональных, ментальных качеств (Shestopal, 2019), мотивации, общественных устремлений, работоспособности ее сотрудников.

– Для поддержания эффективности НКО требуется разнообразие ее стейкхолдеров. Организации одного лидера не способны должным образом диверсифицироваться с учетом требований среды.

Данное исследование имеет ярко выраженное прикладное значение, которое заключается в возможности использования его результатов для лучшего понимания потенциала участия некоммерческого сектора как стейкхолдера социально-политического пространства регионов. В целом, это должно учитываться в формировании задач стратегии социально-экономического развития региона, улучшения внутренней социальной инфраструктуры региона, снижения общественной напряженности.

Список использованных источников и литературы

Нормативно-правовые акты:

1. Государственная программа «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия» на 2014 – 2020 годы (утверждена Постановлением от 18 ноября 2013 г. №507) // Официальный портал органов государственной власти Республики Мордовия URL <http://e-mordovia.ru/normact/view/16595> (дата обращения: 15.10.2020).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 02.07.2013) // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – №32. – Ст. 3301;
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 26.01.2009. – №4. – Ст. 445.
4. О благотворительной деятельности и благотворительных организациях: Федеральный закон от 11.08.1995 №135-ФЗ // Материалы справочной правовой системы КонсультантПлюс. URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ (дата обращения: 01.08.2020).
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 03.12.2011 №383-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 05.12.2011. – №49 (ч. 5). – Ст. 7061; «Российская газета», 30.07.2012.
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций: Федеральный закон от 21.11.2011 №328-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 28.11.2011. – №48. – Ст. 6729.

7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента: Федеральный закон от 20.07.2012 №121-ФЗ (последняя редакция) // Материалы справочной правовой системы КонсультантПлюс. URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132900/ (дата обращения: 07.08.2020).

8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам установления тарифов страховых взносов в государственные внебюджетные фонды: Федеральный закон от 03.12.2011 №379-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 05.12.2011. – №49 (ч. 5). – Ст. 7057.

9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций: Федеральный закон от 05.04.2010 №40-ФЗ / Материалы справочной правовой системы КонсультантПлюс. URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99113/ (дата обращения: 03.08.2020).

10. О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части совершенствования налогообложения некоммерческих организаций и благотворительной деятельности: Федеральный закон от 18.07.2011 №235-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 25.07.2011. – №30 (ч. 1). – Ст. 4583.

11. О государственной поддержке национально-культурных автономий: Закон Республики Мордовия от 01.12.2004 №93-З // Материалы справочной правовой системы Гарант. URL <https://base.garant.ru/8913563/> (дата обращения: 15.10.2020).

12. О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений: Федеральный закон от 28.06.1995 №98-ФЗ // Материалы справочной правовой системы КонсультантПлюс. URL

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7041 (дата обращения: 01.08.2020).

13. О государственных языках Республики Мордовия: Закон Республики Мордовия от 06.05.1998 №19-З. // Материалы справочной правовой системы Гарант. URL <https://base.garant.ru/8901908/> (дата обращения: 15.10.2020).

14. О защите прав потребителей: Федеральный закон от 07.02.1992 №2300-1 (ред. от 28.07.2012) // Собрание законодательства РФ. – 15.01.1996. – №3. – Ст. 140.

15. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 5 апреля 2013 года №44-ФЗ // Материалы справочной правовой системы КонсультантПлюс. URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 08.10.2020).

16. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2012 №272-ФЗ (последняя редакция) // Материалы справочной правовой системы КонсультантПлюс. URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139994/ (дата обращения: 07.08.2020).

17. О мероприятиях по реализации государственной социальной политики: Указ Президента РФ от 07.05.2012 №597 // Собрание законодательства РФ. – 07.05.2012. – №19. – Ст. 2334.

18. О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12.01.1996 №7-ФЗ // Материалы справочной правовой системы КонсультантПлюс. URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 01.08.2020).

19. О некоторых вопросах применения законодательства Союза ССР на территории Российской Федерации: Постановление ВС РФ от 03.03.1993

№4604-1 (ред. от 18.12.2006) // Материалы справочной правовой системы КонсультантПлюс. URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1593 (дата обращения: 01.08.2020).

20. О поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций: Закон Республики Мордовия от 28 августа 2012 года №58-З (последние изменения внесены 17.08.2017 г.). // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации «Консорциум Кодекс». URL <http://docs.cntd.ru/document/453120927/>. (дата обращения: 15.05.2020).

21. О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации: Федеральный закон от 19.06.1992 №3085-1 (ред. от 23.04.2012) // Российская газета. 17.07.1997. – №136

22. О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 03.07.2016 №236-ФЗ (последняя редакция) // Материалы справочной правовой системы КонсультантПлюс. URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200505/ (дата обращения: 07.08.2020).

23. О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан: Федеральный закон от 15.04.1998 №66-ФЗ (ред. от 07.05.2013) // Собрание законодательства РФ. – 20.04.1998. – №16. – Ст. 1801.

24. О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26.09.1997 №125-ФЗ (ред. от 02.07.2013) // Собрание законодательства РФ. – 29.09.1997. – №39. – Ст. 4465.

25. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1995 №181-ФЗ (ред. от 02.07.2013) // Собрание законодательства РФ. – 27.11.1995. – №48. – Ст. 4563.

26. Об автономных учреждениях: Федеральный закон от 03.11.2006 №174-ФЗ (ред. от 03.12.2012) // Собрание законодательства РФ. – 06.11.2006. – №45. — Ст. 4626.

27. Об общественных объединениях: Федеральный закон от 19.05.1995 №82-ФЗ // Материалы справочной правовой системы КонсультантПлюс. URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/ (дата обращения: 01.08.2020).

28. Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 23.06.2016 №183-ФЗ (последняя редакция) // Материалы справочной правовой системы КонсультантПлюс. URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199983/ (дата обращения: 06.08.2020).

29. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2013 №442-ФЗ (редакция от 07.03.2018 г.) // Материалы справочной правовой системы КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/8aa93e4372acfa5dd8c704830619f2f65aa84528/ (дата обращения 29.03.2020).

30. Об утверждении Порядка определения объема и предоставления субсидий детским и молодежным социально ориентированным некоммерческим организациям»: Постановление Правительства Республики Мордовия от 28 января 2013 года №18 (последние изменения внесены 30.03.2018 г.) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации «Консорциум Кодекс». URL <http://docs.cntd.ru/document/460161972> (дата обращения: 20.05.2020).

31. Республиканская программа по улучшению демографической ситуации в Республике Мордовия на 2008-2012 годы: утверждена Постановлением Правительства Республики Мордовия от 24 марта 2008 г. №99 // Официальный портал органов государственной власти Республики Мордовия URL <http://minsoc.e-mordovia.ru/content/view/144> (дата обращения: 20.10.2020).

32. Республиканская целевая программа «Культура Мордовии» на 2011 – 2016 годы: утверждена Постановлением от 31 октября 2011 года №408

// Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс» URL <http://docs.cntd.ru/document/906302906> (дата обращения: 20.10.2020).

33. Республиканская целевая программа «Патриотическое воспитание граждан, проживающих на территории Республики Мордовия на 2011 – 2015 годы»: утверждена Постановлением от 26 декабря 2011 года №524 // Материалы справочной правовой системы Право. URL <http://docs.pravo.ru/document/view/21865481/34218834/> (дата обращения: 20.10.2020).

34. Республиканская целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Республике Мордовия» на 2014 – 2018 годы: утверждена Постановлением от 23 декабря 2013 года №579 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс» URL <http://docs.cntd.ru/document/460226488> (дата обращения: 20.10.2020).

35. Республиканская целевая программа развития Республики Мордовия на 2013 – 2018 годы: утверждена Законом Республики Мордовия от 1 октября 2008 года №94-З // Официальный портал органов государственной власти Республики Мордовия. URL http://mineco.e-mordovia.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=164&Itemid=178 (дата обращения: 20.10.2020).

36. Стратегия социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 года: утверждена законом Республики Мордовия от 01.10.2008 г. №94 // Официальный портал органов государственной власти Республики Мордовия. URL http://mineco.e-mordovia.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=69&Itemid=146 (дата обращения: 20.10.2020).

Монографии

37. Алексеева Л. М. История инакомыслия в России. Новейший период / Л. М. Алексеева. – М. : ЗАО РИЦ «Зацепа», 2001. – 382 с.
38. Алмонд, Г. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / Г. Алмонд, С. Верба. – М. : Мысль, 2014. – 500 с.
39. Арендт Х. Vita Activia или о деятельной жизни / Х. Арендт. URL: <http://www.fedy-diary.ru/html/012013/02012013-04a.html> (дата обращения 20.03.2020).
40. Бунеева Р. И. Теоретические аспекты развития некоммерческих организаций (на примере организаций потребительской кооперации) / Р. И. Бунеева. – М.: ЭФ МГУ, 2010. – 103 с. URL <https://sci.house/sotsiologiya-organizatsiy-scibook/istoriya-stanovleniya-nekommercheskogo-sektora-25815.html> (дата обращения: 01.08.2020).
41. Внук-Липиньский Э. Социология публичной жизни / Э. Внук-Липиньский. – Москва : Мысль, 2012. – 536 с.
42. Кастельс М. Галактика Интернет / М. Кастельс. – Екатеринбург : У-Фактория (при участии издательства Гуманитарного университета), 2004. – 328 с.
43. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php (дата обращения 24.03.2020).
44. Луман Н. Медиа коммуникации / Н. Луман. – М.: Логос, 2005. – 280 с.
45. Мерсиянова И. В. Общественная активность населения и восприятие гражданами условий развития гражданского общества / И. В. Мерсиянова, Л. И. Якобсон. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. URL

<https://www.hse.ru/data/956/615/1240/monitor1.pdf> (дата обращения 07.09.2020).

46. Патмэн Р. Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии / Р. Патмэн. – М.: Ad Marginem, 1996. – 288 с. URL: https://edu.kpfu.ru/pluginfile.php/113782/mod_resource/content/1/R_Patnem_-_Chtoby_demokratia_srabotala.pdf (дата обращения 20.03.2020).

47. Петрухин В. С. Гражданское общество: досоветская философия / В. С. Петрухин URL: <http://zaitungipgnk.blogspot.ru/2017/03/040-29-2017.html> (дата обращения 20.03.2020).

48. Токвиль А. де Демократия в Америке / А. де Токвиль. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Tokville_Democracy_1.pdf (дата обращения 20.03.2020).

49. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – М.: Весь мир, 2003. – 416 с.

50. Ховард М. М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе / М. М. Ховард. – М. : Аспект Пресс, 2009. – 192 с.

Сборники статей и периодических изданий на русском языке

51. Алексеев О. Корпоративная социальная ответственность возникает в результате гражданского диалога между властью, бизнесом и обществом / Интервью с директором корпоративных проектов Института корпоративного развития Олегом Алексеевым // Материалы делового журнала в области КСО «Устойчивый бизнес». URL <http://csrjournal.com/1374-oleg-alekseev-korporativnaja-socialnaja.html> (дата обращения 02.10.2020).

52. Алексеева Л.М. Правозащитников ругают – значит, их работа эффективна // Интервью Л. М. Алексеевой порталу «Волга-Дон». URL <http://volga-don.org/newsforngo-8/> (дата обращения 17.09.2020).

53. Арато Э. Концепция гражданского общества: восхождение, упадок и воссоздание - и направления для дальнейших исследований / Э. Арато // Полис. Политические исследования. – 1995. – №3. – С. 48–57.
54. Аузан А. А. Общественный договор и гражданское общество / А. А. Аузан // Мир России. – 2005. – №3. – С. 3-18.
55. Баранов Н. А. Публичность в контексте российской политики / Н. А. Баранов // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2013. – №3 (16). – С. 149-153.
56. Бараш Р. Э. Гражданское общество как пространство свободы / Р. Э. Бараш // Гражданское общество в России: 1000 статей / Материалы научной электронной библиотеки Гражданское общество в России. URL <http://www.isras.ru/publ.html?id=3008&printmode> (дата обращения 03.09.2020).
57. Бахлова О. В., Бахлов И. В. Механизмы нациестроительства и соотношение идентичностей: региональное измерение (опыт республик Марий Эл и Мордовии, 2013-2019 // Финно-угорский мир. – 2020. – № 3. – С. 286-302. DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.03.286-302.
58. Бахлова О. В., Бахлов И. В. Гражданский вектор нациестроительства в современной России: фактор общественных движений // Научный журнал «Дискурс-Пи». – 2020. № 4 (41). – С. 168-185. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10411
59. Бахлова О. В. Формирование политических механизмов регионального управления в постсоветской России: опыт типологизации моделей властных отношений / О. В. Бахлова // Регионология. – 2012. – №1. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/861> (дата обращения 24.03.2020).
60. Бедерсон В. Д. Гражданские ассоциации и политический режим в мировой недемократической практике: между политическим контролем и социальной эффективностью. // Полис. Политические исследования. – 2020. – №2. URL <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.04>. (дата обращения 24.03.2020).

61. Белокурова Е. Почему НКО и власти нужны друг другу. Модели взаимодействия в регионах Северо-Запада / Е. Белокурова и др. // Материалы Электронной библиотеки «Гражданское общество в России». URL <https://www.civisbook.ru/files/File/Belokurova.pdf> (дата обращения 24.03.2020).

62. Белоусова С. В. Актуальные проблемы некоммерческого сектора: коммуникационный аспект / С. В. Белоусова // Вестник РУДН, серия «Политология». – 2014. – №3. – С. 23-30.

63. В России растет число патриотических и спортивных НКО / Доклад Г. Кареловой о портрете социально ориентированных НКО по данным Совета Федерации и Росстата // Известия. – 06.04.2017. URL <https://iz.ru/news/677126> (дата обращения 17.09.2020).

64. Ведерников П. В. Гражданское лидерство как объект политологического исследования // Социум и власть. – 2010. – №8. (дата обращения 24.08.2020).

65. Вилков А. А., Шестов Н. И., Абрамов А. В. Социальный запрос на будущее России в политических проектах и массовом сознании граждан // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 2 3. – С. 108-122. DOI: <https://doi.Org/10.15688/jvolsu4.2021.3.10>

66. Вилков, А. А. Образы будущего в политологическом и публичном дискурсах современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2020. – Т. 20, № 1. – С. 64-68. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-64-68>.

67. Гаврилова И. Н. Современные теории социальной справедливости // Полития. – 2009. – №1. URL DOI: 10.30570/2078-5089-2009-52-1-182-189. (дата обращения 25.09.2020).

68. Гаврилова И. Н. Проблемы качества управления с позиции гражданского общества: некоторые вопросы к размышлению // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2015. – №5. – С. 56-78.

69. Гаврилова И. Н. Третий сектор и гражданское общество в России: проблемы становления и развития / И. Н. Гаврилова // Полития. – 2003. – №3. – С. 70-84.

70. Горшков М. К. Гражданское общество и гражданское сознание в современной России / М. К. Горшков // Гуманитарий юга России. – 2013. – №2. – С. 12-22.

71. Грищенко Ю. И. Этапы становления некоммерческих организаций в России / Ю. И. Грищенко // Некоммерческие организации в России. – 2012. – №5. URL <https://dis.ru/library/665/30014/>: (дата обращения 27.07.2020).

72. Динамика развития и текущее состояние сектора НКО в России / Аналитический обзор №3 по результатам анализа государственной статистики и баз данных НКО // Материалы Исследовательской группы ЦИРКОН за 2008 г. URL <http://www.zircon.ru/upload/iblock/6d1/090206.pdf> (дата обращения 04.09.2020).

73. Динамика развития и текущее состояние сектора НКО в России / Аналитический обзор по результатам анализа государственной статистики и баз данных НКО // Материалы Исследовательской группы ЦИРКОН за 2006 г. URL <http://www.zircon.ru/upload/iblock/9fd/061111.pdf> (дата обращения 04.09.2020).

74. Динамика развития и текущее состояние сектора НКО в России / Аналитический обзор №2 по результатам анализа государственной статистики и баз данных НКО // Материалы Исследовательской группы ЦИРКОН за 2007 г. URL <http://www.zircon.ru/upload/iblock/8bd/080331.pdf> (дата обращения 04.09.2020).

75. Динамика развития и текущее состояние сектора НКО в России / Аналитический обзор №3 по результатам анализа государственной статистики и баз данных НКО // Материалы Исследовательской группы ЦИРКОН за 2008 г. URL <http://www.zircon.ru/upload/iblock/6d1/090206.pdf> (дата обращения 04.09.2020).

76. Евстафьев Д. Г. Интегрированные коммуникации как глобальная реальность XXI века. 500 тезисов об интегрированных коммуникациях / Д. Г. Евстафьев. – М. : ЭРА, 2013. – 652 с.

77. Задорин И. В. Российское общество – 2020: экспертный образ будущего // Полития. – 2016. – №2. DOI: 10.30570/2078-5089-2016-81-2-124-157. (дата обращения 24.04.2020).

78. Задорин И. В. Динамика развития и текущее состояние сектора НКО в России / И. В. Задорин и др. // Аналитический обзор по результатам анализа государственной статистики, баз данных НКО и опросов общественного мнения. – 2006. – 35 с. URL <http://www.zircon.ru/upload/iblock/9fd/0611111.pdf> (дата обращения: 02.08.2020).

79. Задорин И. В. Гражданское участие в России: картография проблем и решений / И. В. Задорин, Д. Г. Зайцев, И. А. Климов // Полития. – 2011. – №1 (60). – С. 98-116. URL http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Zadorin_Zaytsev_Klimov-2011-1.pdf (дата обращения 04.09.2020).

80. Захаров В. М. Рейтинг активности субъектов РФ по результатам участия в федеральном конкурсе региональных программ поддержки СО НКО / В. М. Захаров, И. Н. Полевой, О. Ю. Рудакова // Международный научно-исследовательский журнал. Серия «Социологические науки». – 2016. – №3 (45). – Часть 1. – С. 121–124. DOI: <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.45.082>. (дата обращения 18.03.2020).

81. Из окопа в Интернет // Материалы заседания Комиссии по развитию гражданского общества на тему «Рост гражданского сообщества: условия и перспективы» (16 марта 2011 г., г. Москва). URL <https://www.oprf.ru/ru/press/news/2011/newsitem/8703> (дата обращения 04.09.2020).

82. Интервью с профессором Эдмундом Внук-Липинским // Вестник Европы. – 2015. – №XLII-XLIII. URL: <http://www.vestnik-evropy.ru/issues/professor-edmund-wnuk-lipinski.html> (дата обращения 15.03.2020).

83. Ирхин Ю. В. Гражданское общество в современной России: управляемое, направляемое или воздействующее? / Ирхин Ю. В. // *Ars Administrandi*. – 2010. – №1. – С. 3-16.

84. Ирхин Ю. В. Гражданское общество в современной России: особенности, проблемы и тенденции развития / Ирхин Ю. В. // *Социология власти*. – 2009. – №7. – С. 16-28.

85. Кока Ю. Европейское гражданское общество: исторические корни и современные перспективы на Востоке и Западе / Ю. Кока // *Неприкосновенный запас*. – 2003. – №2 (28). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/2/koka.html> (дата обращения 24.03.2020).

86. Кошкина А. В., Умарова А. Н., Чудайкин П. И. Развитие некоммерческих организаций в России / А. В. Кошкина, А. Н. Умарова, П. И. Чудайкин // *Молодой ученый*. – 2017. – №9. – С. 411-414. URL <https://moluch.ru/archive/143/40220/> (дата обращения: 27.07.2020).

87. Красин Ю. А. Гражданское общество и государство: оппоненты-партнеры / Ю. А. Красин // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». – 2009. – №14/09. – С. 244-253.

88. Кобыльников В. П. Актуальные проблемы финансовой поддержки некоммерческого сектора региона (на примере предоставления «президентских грантов») // *Проблемы развития территории*. – 2019. – № 1 (99). – С. 107-120. DOI: 10.15838/ptd.2019.1.99.7

89. Кордонский С. Г. Государство, гражданское общество и коррупция / С. Г. Кордонский // *Отечественные записки*. – 2005. – №6 (27). URL

<http://www.strana-oz.ru/2005/6/gosudarstvo-grazhdanskoe-obshchestvo-i-korrupciya> (дата обращения 04.09.2020).

90. Корпоративная благотворительность в России: оценка эффективности работы существующей институциональной среды: результаты исследования Общественной палаты РФ // Материалы официального сайта Общественной палаты РФ. URL: <https://www.oprf.ru/ru/about/structure/structurenews/newsitem/14559> (дата обращения 02.10.2020).

91. Левинсон А. Г. и др. Фоторобот российского обывателя // Мир России. Социология. Этнология. – 2009. – №2. – С. 19-35.

92. Левинсон А. Г. Российское общество до и после 2012 года / А. Г. Левинсон // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2013. – №1. – С. 22-35.

93. Лоскутникова В. М. Хабермас и Луман: два подхода к исследованию процессов коммуникации в современном обществе / В. М. Лоскутникова // Гуманитарная информатика. – 2004. – №1. – С. 81-96. URL: <http://journals.tsu.ru/uploads/import/1167/files/8-loskutnikova.pdf> (дата обращения 25.03.2020).

94. Луман Н. Решения в «информационном обществе» / Н. Луман // Проблемы теоретической социологии. Вып. 3. / Отв. ред. А. О. Бороноев. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2000. URL: <http://www.novsu.ru/npe/files/um/1412.htm> (дата обращения 25.03.2020).

95. Мартыненко А. В. Современные вызовы российскому государству как фактор дестабилизации регионального социума (на примере Республики Мордовия) / А. В. Мартыненко, Т. Д. Надькин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – №3 (39). – С. 82-90. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-3-8. (дата обращения 24.03.2020).

96. Мерсиянова И. В. «Что за зверь такой НКО»? / И. В. Мерсиянова // Интервью православному portalу о благотворительности «Милосердию.ru» URL <https://www.miloserdie.ru/article/chto-za-zver-takoj-nko-2/> (дата обращения 04.09.2020).

97. Мерсиянова И. В. Индикаторы развития гражданского общества в России: результаты 10 лет наблюдений / И. В. Мерсиянова // Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ. – 2017. – №1(9). – С. 6-11. URL <http://research.focus-nko.org/28.html> (дата обращения 07.09.2020).

98. Мерсиянова И. В. Мы помогаем, когда доверяем / И. В. Мерсиянова // Материалы официального сайта благотворительного фонда «Подари жизнь». URL <https://www.podari-zhizn.ru/main/node/27487> (дата обращения 04.09.2020).

99. Мерсиянова И. В. Сотрудничество государства и структур гражданского общества в решении социальных проблем / И. В. Мерсиянова, Л. И. Якобсон // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2011. – №2. – С. 5-24.

100. Мерсиянова И. В. Третий сектор в России и участие населения в деятельности НКО: презентация / И. В. Мерсиянова // Материалы Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора (июнь 2010 г., г. Москва). URL [https://www.hse.ru/data/2010/07/05/1218733786/Мерсиянова %20 %20Третий %20сектор %20в %20России %20 %20-%20PowerPoint03.pdf](https://www.hse.ru/data/2010/07/05/1218733786/Мерсиянова%20Третий%20сектор%20в%20России%20PowerPoint03.pdf) (дата обращения 07.09.2020).

101. Мерсиянова И. В. Третий сектор: определение, терминология, границы, данные исследований и тенденции развития: доклад по проведенным опросам Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ / И. В. Мерсиянова. URL: <http://www.kdobru.ru/materials.pdf> (дата обращения 20.03.2020).

102. Мировой рейтинг благотворительности стран 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017 / Материалы сайта топ рейтинги мира «Basetop». URL <https://basetop.ru/mirovoy-reyting-blagotvoritelnosti-stran/> (дата обращения 07.09.2020).

103. Модель И. М., Модель Б. С. Гражданский лидер крупным планом (Социокультурный анализ). Екатеринбург: УрО РАН, 2003. – 154 с.

104. Модель И. М., Модель Б. С. Власть в некоммерческом общественном объединении // Антиномии. – 2004. – №1. – С. 24-34.

105. Молокова М. А. Гражданское общество как фактор политической модернизации: проблемы и вызовы / М. А. Молокова // Теория и практика общественного развития. – 2011. – №5. – С. 173-179.

106. Никовская Л. И. Введение / Л. И. Никовская, Е. В. Орлова // Публичная политика в контексте задач модернизации России: конструктивный потенциал и формы использования / отв. ред. Л. И. Никовская. – М. : РАПН; РОССПЭН, 2012. – 308 с.

107. НКО в 90-е годы и сегодня (беседа с сотрудником лаборатории институционального анализа экономических реформ) // Радио Эхо Москвы. Выпуск 19 июня 2008 г. URL <https://echo.msk.ru/programs/niceninety/521732-echo> (дата обращения: 01.08.2020).

108. О деятельности некоммерческих организаций / Материалы информационного портала Министерства Юстиции Российской Федерации. URL <http://nko.economy.gov.ru/portalnews/read/4606>. (дата обращения: 11.04.2020).

109. Перегудов С. П. Гражданское общество как субъект публичной политики / С. П. Перегудов // Политические исследования. – 2006. – №2. – С. 139-150.

110. Понеделков А. В., Старостин А. М. Региональные административно-политические элиты России: прошлое, настоящее, будущее // Полис. Политические исследования. – 2008. – №6. – С. 36-49.

111. Президентские гранты для НКО. Досье // Раздел «Биографии и справки». Информационное агентство России «Тасс». Выпуск 21.11.2017. URL <http://tass.ru/info/4483700> (дата обращения: 03.08.2020).

112. Президентские гранты для НКО. Досье // Раздел «Биографии и справки». Информационное агентство России «Тасс». Выпуск 21.11.2017. URL <http://tass.ru/info/4483700> (дата обращения: 03.08.2020).

113. Реестр поставщиков социальных услуг г. Москва // Официальный интернет-портал справочной информации Департамента труда и социальной защиты населения города Москва. URL <http://www.dszn.ru/activities/federalnyy-zakon-ob-osnovakh-sotsialnogo-obsluzhivaniya-grazhdan-442-fz/reestr-postavshchikov-sotsialnykh-uslug.php> (дата обращения: 07.08.2020).

114. Реестр поставщиков социальных услуг Республики Мордовия // Официальный интернет-портал учреждений системы социальной защиты населения Республики Мордовия. URL <http://soc13.ru/post> (дата обращения: 07.08.2020).

115. Санжаревский И. И. О государственной безопасности и участии органов власти в развитии сетевых общественных структур / И. И. Санжаревский // Конституция. Выборы. Государство.: Материалы Всерос. научно-практ. Чичеринская конф.: Сборник материалов. – Вып. 2. – Тамбов: Изд-во «ООО Центр-пресс», 2008. – С. 91-94. URL <http://www.sanz.virmk.ru/PUBLIC/sanzharevskiy-2008-2.pdf>. (дата обращения: 01.08.2020).

116. Семушенкова А. С. Статусно-ролевые характеристики некоммерческого сектора: дискрипция регионального пространства Республики Мордовия / А. С. Семушенкова // Вестник Поволжского института управления. – 2019. – Т. 19. – №3. – С. 65-77. DOI 10.22394/1682-2358-2019-3-65-77.

117. Соколов А. В. Особенности функционирования ресурсных центров некоммерческих организаций в России / А. В. Соколов // Власть. – 2015. – №6. – С. 52-57.

118. Социально ориентированные некоммерческие организации России // Инфографика на основе данных Росстата. URL http://www.gks.ru/publish/prezent/infograf/nko_rus.pdf (дата обращения 17.09.2020).

119. Сунгуров А. Ю. Участие правозащитных организаций в процессе принятия властных решений / А. Ю. Сунгуров // Роль правозащитных организаций в принятии государственных решений и влияние на общественное мнение / под ред. Т. И. Виноградовой. – Виртуальная библиотека Исследовательского комитета РАПН по проблемам прав человека. – 2006. – №3. URL https://www.civisbook.ru/files/File/Sungurov_uchastie.pdf (дата обращения 17.09.2020).

120. Суслова С. В. Экономические факторы развития российского некоммерческого сектора / С. В. Суслова // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2011. – №4. – С. 6-12.

121. Суслова С. В. Некоммерческие производители на региональных квазирынках социальных услуг / С. В. Суслова // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2014. – №3. – С. 72-89.

122. «Третий сектор» в РФ: оценка влиятельности / Аналитический обзор по результатам массового опроса населения // Материалы Исследовательской группы ЦИРКОН за 2007-2008 гг. URL <http://www.zircon.ru/upload/iblock/a64/080330.pdf> (дата обращения 04.09.2020).

123. Филиппова Л. Е. Моральный порядок: должное и сущее / Л. Е. Филиппова // Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С. В. Патрушева. – М. : РОССПЭН, 2013. – С. 20-31.

124. Фурс В. Парадигма критической теории: попытка экспликации / В. Фурс // Логос. – 2001. – №2 (28). – С. 49-75. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_2/03_2_2001.htm (дата обращения 29.03.2020).

125. Шестопал Е. Б. Проект длиною в четверть века. Исследование образов власти и лидеров в постсоветской России (1993-2018 гг.) // Полис. Политические исследования. – 2019. – №1. DOI:10.17976/jpps/2019.01.02.

126. Чирикова А. Е. Конфигурация основных акторов в малом российском городе и лидерство: векторы перемен / А. Е. Чирикова, В. Г. Ледяев // Власть и элиты. – 2019. – Т. 6. №1. – С. 216-238. DOI: 10.31119/pe.2019.6.1.10

127. Якобсон Л. И. Доверие населения к НКО: проблема общества и проблема сектора / Л. И. Якобсон // Материалы Международной конференции «Повышение доверия к некоммерческим организациям: российский и международный опыт» (19-20 февраля 2009 г., г. Москва). URL http://portal-nko.ru/files/Document/68/Files/1/ACI_x20_Conference_Trust_materials.pdf (дата обращения: 07.08.2020).

128. Якобсон Л. И. Роль эмпирических исследований в выработке политики государства по отношению к НКО / Л. И. Якобсон // Эмпирические исследования гражданского общества: материалы общественных слушаний Общественной палатой РФ (25 сентября 2009 г., г. Москва). URL <https://www.hse.ru/news/science/10678658.html> (дата обращения 07.09.2020).

129. Янссон Т. Треугольная драма: взаимоотношения между государством, местным самоуправлением и добровольными ассоциациями / Т. Янссон // Гражданское общество на Европейском Севере: материалы международного семинара (Санкт-Петербург, 18–19 января 1996 г.) / под ред. Е. Здравомыслова, К. Хейккинен. – СПб. – 1996. – Вып. – №3. – С. 5-10.

Авторефераты диссертаций

130. Белолобская Г. С. Некоммерческий сектор как основа развития гражданского общества Российской Федерации в контексте международного опыта: Автореф. дис. ... канд. полит. наук / ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» / Г. С. Белолобская. – Якутска, 2010. – 26 с.

131. Волкова Г. Г. Развитие некоммерческого сектора в условиях формирования социально-ориентированной экономики: Автореф. дис. ... канд. экон. наук / ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный социально-экономический университет» / Г. Г. Волкова. – Саратов, 2012. – 27 с.

132. Иванова О. А. Некоммерческие организации в современном российском регионе: по материалам социологических исследований в Читинской области: Автореф. дис. ... канд. соц. наук / Алтайский государственный университет / О. А. Иванова. – Барнаул, 2007. – 19 с.

133. Каюмова Л. Х. Формирование социального капитала некоммерческих организаций как условие развития гражданского общества: Автореф. дис. ... канд. соц. наук / ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный технический университет» / Л. Х. Каюмова. – Пенза, 2015. – 27 с.

134. Косыгина К. Е. Развитие некоммерческого сектора в экономике региона: Автореф. дис. ... канд. экон. наук / ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» / К. Е. Косыгина. – Санкт-Петербург, 2021. – 25 с.

135. Простова Д. М. Развитие социально ориентированных некоммерческих организаций в экономическом пространстве региона: Автореф. дис. ... канд. экон. наук / ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» / Д. М. Простова– Екатеринбург, 2021. – 25 с.

136. Ситкин А. Б. Социально-экономические проблемы развития некоммерческих организаций в период трансформации российского общества:

Автореф. дис. ... канд. соц. наук / УГАТУ / А. Б. Ситкин. – Уфа: Изд-во УГАТУ, 2005. – 30 с.

Монографии на иностранных языках

137. Anheier H. K. Global civil society / H. K. Anheier, L. M. Salamon & associates. – Baltimore: Johns Hopkins University, Center for Civil Society Studies, 1999. URL: <http://ccss.jhu.edu/wp-content/uploads/downloads/2011/08/Global-Civil-Society-I.pdf> (дата обращения 20.03.2020).

138. Arato A. Civil Society and Political Theory / A. Arato, J. Cohen. – Cambridge: MIT Press, 1994. – 771 p.

139. Compston H. Policy Networks and Policy Change. Putting Policy Network Theory to the Test / H. Compston. – New York: Palgrave Macmillan, 2009. – 277 p.

140. Dahl A. R. On Democracy / R. A. Dahl. – New Haven&London: Yale University press, 2015. – 272 p. URL: <http://padabum.com/d.php?id=209515> (дата обращения 21.03.2020).

141. Deutsch W. K. Political community and the North Atlantic area: International Organization in the Light of Historical Experience / K. W. Deutsch et al. – Princeton: Princeton University Press, 1957. – 228 p.

142. Gellner E. Conditions of Liberty. Civil Society and Its Rivals / E. Gellner. – Hamilton: London, 1994. – 240 p.

143. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft / J. Habermas. – Berlin: Suhrkamp Verlag, 1990. – 380 p.

144. Knoke D. Comparing Policy Networks. Labor Politics in the US, Germany, and Japan / D. Knoke et al. – N. Y.: Cambridge University Press, 1996. – 288 p.

145. Lauridsen S. *Morality, Law and Deliberative Democracy – An Enquiry Concerning Jürgen Habermas and Karl-Otto Apel's Discursive Programs of Justification* / S. Lauridsen. URL: <https://pdf.semanticscholar.org/62f7/d578657102e0f294960bbb188319bad14cf0.pdf> (дата обращения 18.03.2020).

146. Parsons T. *The Social System*/ T. Parsons. – London: Routledge, 2005. – 448 p. URL: [http://home.ku.edu.tr/~mbaker/CSHS503/Talcott ParsonsSocialSystem.pdf](http://home.ku.edu.tr/~mbaker/CSHS503/Talcott%20Parsons%20Social%20System.pdf) (дата обращения 25.03.2020).

147. Shevtsova L. *Change or Decay: Russia's Dilemma and the West's Response* / L. Shevtsova, A. Wood. – Washington : Carnegie Endowment for International Peace, 2011. – 259 p.

Статьи на иностранных языках

148. Auzan A., Satarov G. *Institutional Transformation Priorities in Conditions of Economic Modernization* // *Problems of Economic Transition*. – 2013. – Vol. 56. URL DOI: 10.2753/PET1061-1991560202. (дата обращения 24.05.2020).

149. Bakardjieva M., Felt M., Dumitrica D. *The mediatization of leadership: grassroots digital facilitators as organic intellectuals, sociometric stars and caretakers* // *Information, Communication & Society*. – 2018. – Vol. 21. URL <https://doi.org/10.1080/1369118X.2018.1434556>. (дата обращения 24.05.2020).

150. Brooks C., Vorley T., Williams N. *The role of civic leadership in fostering economic resilience in City Regions* // *Policy Studies*. – 2016. – Vol. 37. URL <https://doi.org/10.1080/01442872.2015.1103846>. (дата обращения 24.05.2020).

151. Budd L., Sancino A. *A Framework for city leadership in multilevel governance settings: the comparative contexts of Italy and the UK* // *Regional*

Studies, Regional Science. – 2016. – Vol. 3. URL <https://doi.org/10.1080/21681376.2015.1125306>. (дата обращения 24.05.2020).

152. Campbell D. Metis, craft, civic mindedness: essential attributes of democratic citizenship in communities // Community Development. – 2015. – Vol. 46. URL <https://doi.org/10.1080/15575330.2015.1023819>. (дата обращения 24.05.2020).

153. Castells M. Communication Power. USA: Oxford University Press, 2009; Slavina A., Brym R. Demonstrating in the internet age: a test of Castells' theory // Social Movement Studies. – 2020. – Vol. 19. URL DOI: 10.1080/14742837.2019.1627866. (дата обращения 24.05.2020).

154. Chen Y. Dinghaiqiao Mutual Aid Society: negotiating the common with/by/through the urban daily // Inter-Asia Cultural Studies. – 2018. – Vol. 19. – P. 480-493. <https://doi.org/10.1080/14649373.2018.1497910>

155. Fröhlich Ch. Urban citizenship under post-Soviet conditions: Grass-roots struggles of residents in contemporary Moscow // Journal of Urban Affairs. – 2020. – Vol. 42. – P. 188-202. <https://doi.org/10.1080/07352166.2019.1617035>

156. Hambleton R. Leading the healthy city: taking advantage of the power of place // Public Money & Management. – 2014. – Vol. 34. URL <https://doi.org/10.1080/09540962.2014.945793>. (дата обращения 24.05.2020).

157. Harrow J., Guest M. New development: Institutions, 'new civic leadership' and being 'truly civic' – some tensions in co-production debates // Public Money & Management. – 2020. – Vol. 30. URL <https://doi.org/10.1080/09540962.2020.1718412>. (дата обращения 24.05.2020).

158. Kowalev V. Power and Ethnicity in the Finno-Ugric Republics of the Russian Federation. The Examples of Komi, Mordovia, and Udmurtia / V. Kowalev // International Journal of Political Economy. – 2016. – № 30. – P. 81-100. URL DOI:10.1080/08911916.2000.11644017. (дата обращения 24.05.2020).

159. Lamond I. R., Lashua B. Leisure, activism, and the animation of the urban environment // *Leisure Studies*. – 2021. – Vol. 40. – P. 1-12. <https://doi.org/10.1080/02614367.2020.1869291>

160. Lewis D., Kanji N. *Non-Governmental Organizations and Development*. – Great Britain, Abingdon, – 2009. – 239 p.

161. Libman A. Subnational political regimes and formal economic regulation: Evidence from Russian regions / A. Libman // *Regional & Federal Studies*. – 2017. – № 27. – P. 127-151. URL doi.org/10.1080/13597566.2017.1308925. (дата обращения 24.05.2020).

162. Lloyd J. M. Is Civic Responsibility a Purpose for Leadership Development Programs // *Journal of College and Character*. – 2004. – Vol. 5. URL <https://doi.org/10.2202/1940-1639.1402>. (дата обращения 24.05.2020).

163. Long J. Sense of place and place-based activism in the neoliberal city // *City*. – 2013. – Vol. 17. – P. 52-67. <https://doi.org/10.1080/13604813.2012.754186>

164. Mayer M. First world urban activism // *City*. – 2013. – Vol. 17. – P. 5-19. <https://doi.org/10.1080/13604813.2013.757417>

165. Mersianova I. V., Korneeva I. E. The impact of trust on Russians' participation in charities. // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. – 2017. – № 2. URL [DOI:10.14515/monitoring.2017.2.09](https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.2.09). (дата обращения 24.05.2020).

166. Ming Yip N. Urban activism in confined civil spaces: Networked organizations of housing activists in urban China // *Journal of Urban Affairs*. – 2020. – Vol. 42. – P. 222-240.

167. Muterera J. et al. The Leader – Follower Dyad: The Link Between Leader and Follower Perceptions of Transformational Leadership and Its Impact on Job Satisfaction and Organizational Performance // *International Public Management Journal*. – 2018. – Vol. 21. URL [DOI: 10.1080/10967494.2015.1106993](https://doi.org/10.1080/10967494.2015.1106993). (дата обращения 24.05.2020).

168. Pan L. Uncommon commons: rethinking affects, practices, and spaces of urban activism in Asia // *Inter-Asia Cultural Studies*. – 2018. – Vol. 19. – P. 355-358. <https://doi.org/10.1080/14649373.2018.1497893>
169. Parsons T. On building social system theory: a personal history / T. Parsons // *Daedalus*. – 1970. – Vol. 99. – № 4. – P. 826-881.
170. Pares M. Challenging collaborative urban governance under austerity: How local governments and social organizations deal with housing policy in Catalonia (Spain) // *Journal of Urban Affairs*. – 2017. – Vol. 39. – № 8. – P. 1066-1084.
171. Putnam R. Attitude Stability among Italian Elites / R. Putnam, R. Leonards, R. Nanetti // *American Journal of Political Science*. – 1979. – № 23. – P. 463-494.
172. Sancino A., Hudson L. Leadership in, of, and for smart cities – case studies from Europe, America, and Australia // *Regional Studies, Regional Science*. – 2016. – Vol. 3. URL <https://doi.org/10.1080/21681376.2015.1125306>. (дата обращения 24.05.2020).
173. Sawhney N. Civic Engagement through DIY Urbanism and Collective Networked Action // *Planning Practice & Research*. – 2015. – Vol. 30. – № 3. – P. 337-354. <https://doi.org/10.1080/02697459.2015.1054662>
174. Schoene M. Urban Continent, Urban Activism? European Cities and Social Movement Activism // *Global Society*. – 2017. – Vol. 31. – № 3. – P. 370-391. <https://doi.org/10.1080/13600826.2016.1203295>
175. Van der Vegt G. S. et al. Heroic or hubristic? A componential approach to the relationship between perceived transformational leadership and leader-member exchanges // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. – 2015. – Vol. 24 (4). URL DOI: 10.1080/1359432X.2014.958149. (дата обращения 24.05.2020).

176. VanHoose K. The social capital of urban activism // Analysis of Urban Change, Theory, Action. – 2017. – Vol. 21 (3-4). P. 293-311. <https://doi.org/10.1080/13604813.2017.1325207>

177. Wolman H. et al. Corporate Citizenship and Urban Problem Solving: The Changing Civic Role of Business Leaders in American Cities // Journal of Urban Affairs. – 2010. – Vol. 32. URL <https://doi.org/10.1111/j.1467-9906.2009.00480.x>. (дата обращения 24.05.2020).

Электронные источники

178. Открытая группа «Поисково-спасательный отряд "ПОИСК 13 РЕГИОН"» / Социальная сеть «ВКонтакте». URL https://vk.com/poisk_13region (дата обращения: 13.05.2020).

179. Открытая группа «Мамочки Саранска» / Социальная сеть «ВКонтакте». URL <https://vk.com/mama13saransk> (дата обращения: 13.05.2020).

180. Открытая группа «Женский клуб | ЖК Саранск» / Социальная сеть «ВКонтакте». URL https://vk.com/womens_club_saransk (дата обращения: 13.05.2020).

181. Открытая группа «Женский Форум / Саранск / #Vesna_перемен» / Социальная сеть «ВКонтакте». URL <https://vk.com/vesnapereemen> (дата обращения: 13.05.2020).

182. Открытая группа «Проект "Рука помощи" Мордовии» / Социальная сеть «ВКонтакте». URL <https://vk.com/club150165449> (дата обращения: 13.05.2020).

183. Открытая группа «Центр Гуманитарной помощи кризисным беременным» / Социальная сеть «ВКонтакте». URL https://vk.com/gymm_pomosh (дата обращения: 13.05.2020).

184. Открытая группа «Помоги ближнему» / Социальная сеть «ВКонтакте». URL https://vk.com/pomogi_blizhnemu_saransk (дата обращения: 13.05.2020).

185. Открытая группа «ДОБРОДЕЛАНИЕ РМ» / Социальная сеть «ВКонтакте». URL <https://vk.com/dobrodelanierm> (дата обращения: 13.05.2020).

186. Открытая группа «Саранск | Доска Позора» / Социальная сеть «ВКонтакте». URL https://vk.com/doska_pozora_saransk (дата обращения: 13.05.2020).

187. Открытая группа «Привет, сейчас, Саранск» / Социальная сеть «ВКонтакте». URL https://vk.com/saransk_photo (дата обращения: 13.05.2020).

188. Открытая группа «Подслушано САРАНСК» / Социальная сеть «ВКонтакте». URL <https://vk.com/pmr13> (дата обращения: 13.05.2020).

189. Открытая группа «Подслушано Рузаевка (САРАНСК)» / Социальная сеть «ВКонтакте». URL <https://vk.com/ruzvk> (дата обращения: 13.05.2020).

190. Проекты ФПГ. Поиск по номеру заявки, названию проекта, организации, ОГРН, ИНН. Республика Мордовия / Материалы официального сайта Фонда президентских грантов. URL <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/cards>. (дата обращения: 20.04.2020).

191. О деятельности некоммерческих организаций / Материалы информационного портала Министерства Юстиции Российской Федерации. URL <http://nko.economy.gov.ru/portalnews/read/4606>. (дата обращения: 11.04.2020).

192. О деятельности некоммерческих организаций / Материалы информационного портала Министерства Юстиции Российской Федерации. URL <http://nko.economy.gov.ru/portalnews/read/4606>. (дата обращения: 11.04.2020).

193. Проекты ФПГ. Поиск по номеру заявки, названию проекта, организации, ОГРН, ИНН. Республика Мордовия / Материалы официального сайта Фонда президентских грантов. URL <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/cards>. (дата обращения: 20.04.2020).

194. Проекты ФПГ. Поиск по номеру заявки, названию проекта, организации, ОГРН, ИНН. Самарская область. Ульяновская область. Пензенская область / Материалы официального сайта Фонда президентских грантов. URL <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/cards>. (дата обращения: 20.04.2020).

195. Проекты ФПГ. Ресурсный центр Республики Мордовия "Инфо-рум для НКО" / Материалы официального сайта Фонда президентских грантов. URL <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=64BC8C86-AF91-4226-BCC5-017D51381696> (дата обращения: 13.05.2020).

196. Результаты расчета рейтинга субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства, обеспечения доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере и внедрения конкурентных способов оказания государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере за 2018 г. / Материалы Министерства экономического развития РФ. URL <http://nko.economy.gov.ru/Files/NewsDocuments/5777a89d-7631-4851-a030-c04d9862f8fb.pdf>. (дата обращения: 01.04.2020).

197. Результаты расчета рейтинга субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства, обеспечения доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере и внедрения конкурентных способов оказания государственных

ных (муниципальных) услуг в социальной сфере за 2017 г. / Материалы Министерства экономического развития РФ. URL <http://nko.economy.gov.ru/portalnews/read/4606> (дата обращения: 10.04.2020).

198. Перечень субъектов Российской Федерации, в бюджетах которых доля дотаций из федерального бюджета в течение двух из трех последних отчетных финансовых лет превышала 10 процентов объема собственных доходов консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации. 2019. URL: http://www.garant.ru/files/3/8/1304783/15_11_2019_1032.pdf (дата обращения: 26.04.2020).

199. 70 субъектов федерации закончили 2018 год с профицитом бюджета. Сообщения и материалы информационного агентства «РБК». 2018. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/02/20/5c6c085e9a7947758c7d6d23> (дата обращения: 26.04.2020).

200. Мордовия получила самую крупную дотацию в РФ на сбалансированность бюджета. Материалы информационного агентства «REGNUM». 2019. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2798152.html> (дата обращения: 26.04.2020).

201. Рейтинг регионов по доходам населения / РИА-рейтинг. 2019. URL: <https://www.mordovmedia.ru/news/economics/item/76489/>

202. Статистика по регионам Портала единой автоматизированной информационной системы поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций Министерства экономического развития Российской Федерации / Материалы Министерства экономического развития РФ. URL <http://nko.economy.gov.ru/Statistics/> (дата обращения: 20.04.2020).

Список публикаций соискателя по теме диссертации

Статьи, опубликованные в научных журналах, рекомендуемых ВАК РФ:

1. Semushenkova, A. S., Soldatova, A. S. “Impact of socio-economic and socio-political transformations in Russia on the resource provision of non-profit organizations (case of the Republic of Mordovia)” // *Ars Administrandi*. – 2022. – vol. 14. – no. 4. – pp. 607-623, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-4-607-623>.

2. Семушенкова А. С., Солдатова А. С. Особенности конструирования уровней идентичности в проектной деятельности некоммерческих организаций // *Ars Administrandi*. Искусство управления. – 2020. – Т. 12. – № 2. – С. 176-202.

3. Семушенкова А. С. Статусно-ролевые характеристики некоммерческого сектора: дескрипция регионального пространства Республики Мордовия // *Вестник Поволжского института управления*. – 2019. – Т. 19. – № 3. – С. 65-77.

4. Семушенкова А. С. Региональные аспекты развития некоммерческого сектора в России // *Социально-политические науки*. – 2019. – № 1. – С. 31-36.

5. Семушенкова А. С. Некоммерческий сектор регионов Поволжья: факторный анализ // *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. – 2020. – № 1. – С. 129-148.

Другие публикации:

6. Семушенкова А. С., Солдатова А. С. Символы и бренды формирования гражданской идентичности в современной России // *Гуманитарные и политико-правовые исследования*. – 2019. – № 4 (7). – С. 106-119.

7. Кондратьева А. Н., Семушенкова А. С. Взгляд на милосердие в социальных концепциях основных христианских конфессий // *Социальные нормы и практики*. – 2021. – № 2. – С. 47-59.

8. Семушенкова А. С. Этапы развития некоммерческого сектора в современной России // Актуальные проблемы взаимодействия общественности с органами государственной власти и органами местного самоуправления: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Саранск, 29 ноября 2019 г. – Саранск. 2019. – С. 204-207.

9. Семушенкова А. С. Деятельность некоммерческих организаций Республики Мордовия по защите прав человека в национально-культурной сфере // Защита прав человека в периоды внешнеполитической напряженности: Материалы Международной научно-практической конференции, Саранск, 19 апреля 2019 г. – Саранск. 2019. – С. 25-30.

10. Семушенкова А. С. Практика взаимодействия органов власти с некоммерческими организациями (на примере Республики Мордовия) // Актуальные проблемы взаимодействия общественности с органами государственной власти и органами местного самоуправления: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Саранск, 21 декабря 2017 г. – Саранск. 2017. – С. 87-91.

11. Семушенкова А. С. Правовые основы противодействия экстремизму в деятельности национальных общественных организаций // Национальная безопасность в современной России: стратегия противодействия экстремизму и терроризму и перспективы преодоления глобальных проблем, Саранск, 20-21 октября 2016 г. Том 2. – Саранск. 2016. С. 3 -12.

12. Семушенкова А. С. Роль некоммерческих организаций Республики Мордовия в патриотическом воспитании современной молодежи // XI Державинские чтения в Республике Мордовия : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Саранск, 24 апреля 2015 г. – Саранск. 2015. С. 257- 259.

13. Семушенкова А. С. Правовое положение некоммерческих организаций – исполнителей общественно полезных услуг // XIII Державинские чтения в Республике Мордовия: Материалы Всероссийской научно-

практической конференции, Саранск, 27 апреля 2017 г. – Саранск. 2017. С. 129-132.

14. Эффективные механизмы реализации деятельности некоммерческих организаций: положительный опыт Республики Мордовия: пособие / Азисова Н. Н., Багудкий Н. В., Гуслияников В. Д., Дадаева Ю. В., Кижаяева Д. В., Коваль Е. А., Лашина М. В., Семушенкова А. С., Юдина Т. М. – Саранск, :ЮрЭксПрактик. 2017. – 172 с.

15. Семушенкова А. С. Политические партии в избирательном процессе на примере Республики Мордовия // XII Державинские чтения в Республике Мордовия: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, 2016 г. – С. 239-242.

16. Семушенкова А. С. Обзор проектной активности некоммерческих организаций Республики / Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт. Сборник научных статей XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Редакция: Н.В. Кефнер, Ю.В. Попова (отв. ред.) [и др.]. – 2020. – С. 389-395.

17. Семушенкова А. С. Основные направления и перспективы взаимодействия некоммерческих организаций с органами государственной власти и управления в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений (на примере Республики Мордовия) / Право и государство будущего: эволюционные стратегии развития. Материалы Международной научно-практической конференции. Отв. редактор О.И. Александрова. Москва. – 2020. – С. 518-523.

18. Семушенкова А. С. Политические партии – составляющая имиджа современной России / XIV Державинские чтения в Республике Мордовия. Материалы Международной научно-практической конференции: В двух частях. Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). – 2018. – С. 128-132.

Приложение А

Бланк опроса экспертов

Место и роль некоммерческих организаций в региональных пространствах России

Уважаемый эксперт!

Научно-образовательный центр «Политический анализ территориальных систем» ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва» проводит прикладное политологическое исследование по теме «Место и роль некоммерческих организаций в региональных пространствах России (на примере Республики Мордовия)». Его цель – фрагментация и детализация некоммерческого сектора Республики Мордовия, выявление и анализ проблем функционирования НКО в нашем регионе.

Мы будем Вам искренне благодарны за ответы на вопросы нашей анкеты! Анонимность Ваших ответов гарантируется, вся информация используется в обобщенном виде.

Пожалуйста, выделяйте желтой заливкой выбранные Вами ответы!

Политическое пространство Республики Мордовия:

основные акторы и проблемы гражданского участия

1. Оцените в целом уровень гражданской активности в Республике Мордовия. *В каждой строчке дайте один ответ по каждому периоду, где 1 – низкий уровень, 5 – высокий.*

	<i>Низкий</i>			<i>Высокий</i>	
<i>2000-2004 гг.</i>	1	2	3	4	5
<i>2004-2008 гг.</i>	1	2	3	4	5
<i>2008-2012 гг.</i>	1	2	3	4	5
<i>2012-2016 гг.</i>	1	2	3	4	5

2. Как бы вы охарактеризовали политико-публичную сферу Республики Мордовия? *Выберите 1 вариант ответа.*

1. Представляет собой дискуссионную площадку для различных мнений разнообразных заинтересованных участников.
2. Развивается, но не по демократическим принципам.
3. Нормальная политико-публичная сфера практически отсутствует.

4. Определяется доминирующим властными структурами региона (командой главы, региональной властной элитой и др.).
5. Представлена ограниченным кругом наиболее представительных и влиятельных участников из региональных сообществ.
6. Существует, но обсуждаемые вопросы в основном состоят из событий и мероприятий, связанных с государственной / региональной властью.
7. Существует, но обсуждаются уже принятые решения, поэтому носит только формальный характер.
8. Другое _____
9. Затрудняюсь с ответом.

3. Какие из перечисленных методов и форм влияния на принятие политических решений, по Вашему мнению, наиболее действенны в настоящее время в Республике Мордовия? Выберите не более 5 вариантов ответа.

1. Организация избирательных кампаний, избрание в органы власти.
2. Обращение с письмами, петициями, сбор подписей.
3. Организация площадок для обсуждения законодательных инициатив.
4. Использование неформальных связей (дружеские связи, землячество).
5. Обращение в некоммерческие организации, фонды, центры поддержки граждан.
6. Публикация открытых писем, материалов в СМИ и Интернет.
7. Организация и участие в политических протестных акциях.
8. Участие в научных мероприятиях (конференциях, круглых столах, семинарах).
9. Обращение в приемные органов власти Республики Мордовия.
10. Обращение в приемные органов власти Российской Федерации.
11. Обращение в международные организации (например, Европейский Суд по правам человека и др.).
12. Участие в гражданских Интернет-группах, создание контента в Интернет.
13. Нет эффективных форм и способов влияния.
14. Другое _____
15. Затрудняюсь с ответом.

4. Какие из представленных сообществ, по Вашему мнению, можно выделить как активных участников политико-публичных отношений Республики Мордовия? Любое количество вариантов ответа.

1. Национальные общественные организации.
2. Федерация профсоюзов регионов.
3. Бизнес-ассоциации.
4. Правозащитные НКО.
5. Ветеранские и патриотические организации.
6. Женские движения и общественная деятельность по поддержке семьи, материнства и детства.
7. Сообщества социально активной молодежи.
8. Религиозные организации.
9. НКО, связанных с развитием спорта.
10. Творческие союзы и профессиональные объединения.
11. Благотворительные организации.
12. Общественные организации, связанные с природоохранной деятельностью.

13. Общественные организации, связанные с охраной правопорядка и безопасности.
14. Региональные представительства политических партий (в частности, политическая партия «Единая Россия»).
15. Научные сообщества, отдельные ученые, вузы.
16. Отдельные политики.
17. Отдельные граждане.
18. Региональные СМИ.
19. Интернет-сообщества.
20. Другое _____
21. Затрудняюсь с ответом.

5. Как Вы считаете, в деятельность каких из структур гражданского общества в наибольшем объеме включены жители Мордовии (членство, участие в мероприятиях, спонсорство, поддержка)? Выберите не более 3 вариантов ответа.

1. Общественные движения.
2. Некоммерческие организации (по сферам деятельности).
3. Региональные представительства политических партий.
4. Профсоюзы.
5. Научные сообщества, отдельные ученые.
6. Региональные СМИ.
7. Интернет-сообщества.
8. Бизнес-сообщества.
9. Профессиональные сообщества.
10. Другое _____
11. Затрудняюсь с ответом.

**Формы участия и роль некоммерческих организаций
в становлении гражданского общества Мордовии**

6. Как вы оцениваете уровень включенности общественности Мордовии в деятельность НКО нашего региона? Выберите 1 вариант ответа.

1. Высокий.
2. Средний.
3. Низкий.
4. Затрудняюсь с ответом.

Если Вы ответили «высокий», то переходите к вопросу 8.

7. Назовите важнейшие проблемы, которыми можно объяснить слабую включенность регионального общества в деятельность НКО? Выберите не более 3 вариантов ответа.

1. Низкая информированность о деятельности некоммерческих организаций.
2. Низкое доверие к НКО, в целом.
3. Отсутствие значительных общественных проектов и программ деятельности у НКО.
4. Отсутствие влияния и авторитета у большинства организаций.

5. Непостоянность и фрагментарность деятельности НКО.
6. Отсутствие достаточности ресурсов для реализации собственных целей организаций и удовлетворения интересов социума.
7. Низкий уровень политической культуры у большинства населения региона.
8. Другое _____
9. Затрудняюсь с ответом.

8. Какой спектр интересов в наиболее полном объеме представляют НКО в нашем регионе? Выберите не более 3 вариантов ответа.

1. Защита и реализация прав и свобод человека.
2. Право на социальную защиту, жилище, охрану здоровья и медицинскую помощь, образование.
3. Благотворительные инициативы и акции.
4. Культурные и спортивные акции и проекты.
5. Поддержка материнства и детства.
6. Поддержка инвалидов и ветеранов.
7. Местные инициативы по защите прав и интересов местных жителей.
8. Участие в управлении делами региона, города.
9. Интересы предпринимателей, производителей, право частной собственности.
10. Судебная защита.
11. Свобода слова, СМИ.
12. Вопросы сельской местности.
13. Интересы в духовной (творческой), религиозной, национальных областях.
14. Другое _____
15. Затрудняюсь с ответом.

9. По Вашему мнению, какие некоммерческие организации и общественные объединения можно считать эффективными в Мордовии? Выберите не более 3 вариантов ответа.

1. Организации, о которых знает большая часть населения региона.
2. Организации, которые поддерживают высокое качество проектов.
3. Организации, которые получают финансирование и субсидии.
4. Организации, которые решают значимые общественные проблемы региона или отдельных групп его населения.
5. Организации, которые выстроили работоспособные отношения с региональными органами власти.
6. Организации, чьи инициативы и проекты постоянны и системны.
7. Организации, которые привлекли к своей работе специалистов высокого уровня.
8. Организации, которые получили известность за пределами Мордовии.
9. Другое _____
10. Затрудняюсь с ответом.

10. Какие некоммерческие организации и общественные объединения наиболее активны и эффективны в регионе? Оцените по каждой строке. Отмечайте ответ только в случае Вашей высокой оценки активности и эффективности деятельности тех или иных НКО.

Общества защиты прав потребителей	
1. Достаточно активные.	2. Достаточно эффективные.
Ветеранские объединения	
1. Достаточно активные.	2. Достаточно эффективные.
Профсоюзы	
1. Достаточно активные.	2. Достаточно эффективные.
Общества инвалидов	
1. Достаточно активные.	2. Достаточно эффективные.
НКО, связанных с развитием спорта	
1. Достаточно активные.	2. Достаточно эффективные.
Благотворительные НКО	
1. Достаточно активные.	2. Достаточно эффективные.
Религиозные общины, организации, движения	
1. Достаточно активные.	2. Достаточно эффективные.
Правозащитные организации	
1. Достаточно активные.	2. Достаточно эффективные.
Женские организации	
1. Достаточно активные.	2. Достаточно эффективные.
Молодежные объединения	
1. Достаточно активные.	2. Достаточно эффективные.
Культурно-просветительские НКО	
1. Достаточно активные.	2. Достаточно эффективные.
Профессиональные ассоциации и творческие союзы	
1. Достаточно активные.	2. Достаточно эффективные.
Этнические общины, национальные диаспоры, землячества	
1. Достаточно активные.	2. Достаточно эффективные.
Движения национально-патриотического толка	
1. Достаточно активные.	2. Достаточно эффективные.

11. Назовите некоммерческие организации или общественные объединения нашего региона, которые Вы можете отметить как эффективные и работоспособные.

1. _____
2. _____

3. _____

4. Затрудняюсь с ответом.

12. По Вашему мнению, способны ли НКО Мордовии влиять на принятие политико-управленческих решений в регионе? Укажите 1 вариант ответа.

1. Да.
2. Нет.
3. Частично (в отдельных сферах, отдельные НКО).
4. Затрудняюсь с ответом.

13. Оцените возможности влияния НКО Мордовии на принятие политико-управленческих решений в регионе в различных сферах. В каждой строчке дайте один ответ по каждой характеристике, где 1 – наименьшая выраженность, 5 – наибольшая выраженность.

1. Защита прав и свобод граждан.	1	2	3	4	5
2. Социальная защита граждан.	1	2	3	4	5
3. Экономическое развитие и предпринимательство.	1	2	3	4	5
4. Улучшение работы деятельности органов власти.	1	2	3	4	5
5. Наука и образование.	1	2	3	4	5
6. Региональная и городская политика, в целом.	1	2	3	4	5

14. Основываясь на Вашем опыте, постарайтесь сравнить ситуацию с некоммерческим сектором в Мордовии и других регионах Поволжья. Где НКО играют более заметную роль в жизни региона и общества? Укажите 1 вариант ответа.

1. Региональные ситуации совсем не отличаются друг от друга.
2. Небольшая разница.
3. Значительная разница, в других регионах Поволжья НКО играют более заметную роль в жизни общества.
4. Значительная разница, в Мордовии ситуация заметно лучше.
5. Затрудняюсь ответить.

15. Способствует ли деятельность некоммерческих организаций Мордовии, в целом, улучшению социально-политической и экономической ситуации в регионе? Укажите 1 вариант ответа.

1. Да.
2. Частично, в отдельных сферах.
3. Влияние практически незаметно.
4. Нет.
5. Затрудняюсь ответить.

Тенденции и проблемы развития НКО в Мордовии

16. В какой мере для региональных сообществ и объединений нашего региона характерны представленные черты? В каждой строчке дайте один ответ по каждой характеристике, где 1 – наименьшая выраженность, 5 – наибольшая выраженность.

Региональные СМИ					
Открытость для гражданского участия.					
Независимость.					
Выражение местных интересов.					
Лояльность к властным структурам.					
Идеологизированность.					
Некоммерческий сектор					
Открытость для гражданского участия.					
Независимость.					
Выражение местных интересов.					
Лояльность к властным структурам.					
Идеологизированность.					
Интернет-сообщества и виртуальные площадки					
Открытость для гражданского участия.					
Независимость.					
Выражение местных интересов.					
Лояльность к властным структурам.					
Идеологизированность.					
Региональные отделения политических партий					
Открытость для гражданского участия.					
Независимость.					
Выражение местных интересов.					
Лояльность к властным структурам.					
Идеологизированность.					

17. Легко ли, по Вашему мнению, осуществлять свою деятельность в качестве НКО в Мордовии? Выберите 1 вариант ответа.

1. Легко для всех.
2. Легко только для отдельных представителей НКО.
3. Тяжело для всех.
4. Скорее легко, чем тяжело.
5. Скорее тяжело, чем легко.
6. Затрудняюсь ответить.

18. Для всех ли некоммерческих организаций созданы одинаковые условия работы в регионе? *Выберите 1 вариант ответа.*

1. Да.
2. Нет.
3. Затрудняюсь с ответом.

19. С какими проблемами сталкиваются НКО в своей деятельности в Мордовии? *Выберите любое количество вариантов ответа.*

1. Отсутствие или недостаточность поддержки организаций и их проектов со стороны региональных властей.
2. Общее недоверие населения к деятельности НКО.
3. Нежелание населения региона участвовать в инициативах и проектах НКО.
4. Низкая активность и заинтересованность СМИ в освещении проектов некоммерческого характера.
5. Отсутствие стабильных источников финансирования.
6. Отсутствие различных ресурсов для осуществления инициатив НКО.
7. Административные барьеры (излишнее внимание со стороны органов власти, контролирующих органов).
8. Отсутствие социального партнерства между некоммерческими организациями региона.
9. Низкий профессиональный уровень кадров НКО.
10. Другое _____
11. Затрудняюсь с ответом.

20. Какие отношения установились между некоммерческими организациями в регионе? *Выберите 1 вариант ответа.*

1. Партнёрство.
2. Партнёрство отдельных организаций.
3. Конкуренция.
4. Взаимное игнорирование.
5. Взаимодействие полностью отсутствует.
6. Другое _____
7. Затрудняюсь с ответом.

Если Вы ответили «Конкуренция», «Взаимное игнорирование», «Взаимодействие полностью отсутствует», то переходите к вопросу № 22.

21. Какие из этих форм взаимодействия между некоммерческими организациями Мордовии Вы можете отметить? *Выберите любое количество вариантов ответа.*

1. Совместная организация мероприятий, проектов и акций.
2. Информационное сотрудничество.
3. Взаимные консультации.

4. Привлечение специалистов из организаций-партнеров.
5. Совместное обращение в органы государственной власти.
6. Совместный поиск источников финансирования.
7. Совместное использование инфраструктуры (техники, транспорта и т.д., субаренда).
8. Другое _____
9. Затрудняюсь с ответом.

22. Как Вы считаете, условия для функционирования НКО в Мордовии соответствует ситуации, сложившейся в целом по стране? Выберите 1 вариант ответа.

1. Да, полностью.
2. Соответствует, но только в самых общих чертах.
3. В чем-то да, но в Мордовии есть своя ярко выраженная специфика.
4. Нет, полностью не соответствует.
5. Затрудняюсь с ответом.

Особенности взаимодействия НКО и органов власти

23. Можно ли сказать, что на современном этапе в Республике Мордовия между НКО и органами власти и управления установлен диалог? Выберите 1 вариант ответа.

1. Да.
2. Нет.
3. Существует диалог только между НКО и отдельными властными структурами.
4. Существует диалог только между отдельными НКО и властными структурами.
5. Затрудняюсь с ответом.

24. Какой вариант взаимодействия власти и НКО, по Вашему мнению, преобладает в настоящее время в Мордовии? Выберите 1 вариант ответа.

1. Власти слишком активно вмешиваются в дела некоммерческих организаций.
2. Власти принимают недостаточно активное участие в проблемах НКО.
3. Взаимодействие оптимально.
4. Взаимодействие отсутствует.
5. Другое _____
6. Затрудняюсь с ответом.

25. Как представители региональных органов власти и управления относятся к НКО и гражданским инициативам? Выберите 1 вариант ответа.

1. Мешают реализации идей представителей НКО.

2. Пытаются установить контроль над деятельностью организаций.
3. Пытаются помогать, но делают это в недостаточной мере.
4. Помогают решать проблемы НКО.
5. Игнорируют мероприятия и инициативы.
6. Не вмешиваются в мероприятия, но поощряют за успехи.
7. Другое _____
8. Затрудняюсь с ответом.

26. Существуют ли в Республике Мордовия прозрачные площадки для коммуникаций, где представители НКО могут открыто выразить свое мнение и привлечь внимание органов власти и управления? Выберите 1 вариант ответа.

1. Да, такие площадки существуют.
2. Да, но таких площадок крайне мало.
3. Нет, таких площадок в регионе не существует.
4. Затрудняюсь с ответом.

27. Определите доминирующий канал коммуникаций между НКО и региональными органами власти в настоящее время? Выберите не более 3 вариантов ответа.

1. Общественная палата РМ.
2. Управление Министерства Юстиции РФ по Республике Мордовия.
3. Профильные министерства и ведомства РМ.
4. Профильные организации, учредителями которых являются органы власти и управления.
5. Администрация главы РМ.
6. Государственное собрание РМ.
7. Органы местного управления и самоуправления.
8. Личные (неформальные) контакты с представителями органов власти.
8. Другое _____
10. Затрудняюсь с ответом.

28. Отметьте, пожалуйста, наиболее приоритетные направления дальнейших изменений во взаимоотношениях власти и представителей НКО в Мордовии. Выберите не более 5 вариантов ответа.

1. Увеличение мер поддержки со стороны региональных органов власти и управления.
2. Перенесение акцента поддержки НКО с государственного на региональный уровень.
3. Совершенствование механизма «обратной связи».
4. Развитие инфраструктуры для деятельности НКО (льготная аренда, специальная система налогообложения, центры поддержки).
5. Повышение уровня инициативности и активности самих некоммерческих организаций.

6. Привлечение представителей НКО к решению социально значимых проблем региона
7. Налаживание социального партнерства между некоммерческими организациями.
8. Более широкое привлечение СМИ к деятельности НКО.
9. Создание органами власти специальных проектов для продвижения НКО и тиражирования и масштабирования их мероприятий.
10. Другое _____
11. Затрудняюсь с ответом.

29. Род Вашей деятельности _____

Ваши предложения по дальнейшему развитию некоммерческого сектора в Мордовии

СПАСИБО ЗА УЧАСТИЕ В ИССЛЕДОВАНИИ!